78

А. Н. ЛОЗАНОВА

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ

1928

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3114.3
.L 6

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			

EC
PG3114.3
.L6

А. Н. ЛОЗАНОВА

NARODNYE PESNI O STEPANE RAZINE

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ

1928

ОТ АВТОРА.

Современность выдвигает глубокий интерес к движению Разина. Интерес этот проявляется в искусстве, литературе, науке и общественной жизни. События эпохи Разина приобрели жизненный интерес. Опубликовываются новые документы о движении Разина; появляются новые исторические работы, дающие яркое освещение разинской эпохе с социально-экономической стороны. Движение Разина рассматривается, как один из самых крупных фактов истории русских революционных движений. Продолжается изучение отголосков разинских событий на местах. Целый ряд популярных политпросветительных брошюр посвящен Разину. Эпоха Разина и связанные с нею литературные явления становятся предметом проработки на занятиях во второй ступени. Эпоха Разина используется в качестве материала для лекций и инсценировок в клубах.

В устной народной словесности революционное движение Разина оставило значительный и своеобразный след. Настоящая работа имеет целью осветить народные песни о Степане Разине.

На основании текстуального материала все песенное богатство о Разине разбито на основные темы. К каждой из них дан исторический и литературный комментарий. Разбор стиля и форм песен вошел в работу лишь в виде попутных замечаний.

В качестве приложений к работе присоединены: тексты песен о Степане Разине, вошедшие в сборник акад. В. Ф. Миллера, печатные тексты, пропущенные

Миллером, и тексты, вновь записанные в Астраханском и Саратовском крае; кроме того, библиография всех текстов разинских песен, библиографии историко-литературных трудов о разинских песнях, библиография преданий и легенд о Разине, и список исторических материалов и сочинений о движении Разина.

Автор пользовался книгохранилищами Ленинграда и Москвы. Полностью им использованы главные библиотеки Саратова и отчасти Астрахани. Работа писалась главным образом в Саратове, где автор имел возможность заниматься в богатейшей библиотеке покойного проф. И. А. Шляпкина, пожертвованной им Саратовскому Университету. В фундаментальной библиотеке Саратовского Университета можно было найти богатый комплект журналов, важных для отыскания и проверки песенного и легендарного материала. В обширной библиотеке Нижне-Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения автор встретил полное собрание местных изданий, особенно ценных для его темы.

Однако, несмотря на старания автора возможно полнее собрать тексты, библиографию и исторический материал, работа несомненно содержит некоторые пропуски, недочеты. Поэтому всякое указание и дополнение будет встречено с искренней признательностью.

В заключение считаю своим долгом выразить глубокую благодарность моему первому учителю проф. Н. К. Пиксанову за внимание и всегдашнюю готовность притти на помощь в моих занятиях советом и книгою, за многие библиографические указания. Тема „Песни о Ст. Разине“ была дана Н. К. Пиксановым среди ряда тем для студенческого семинара по исторической песне в 1916—17 учебном году. Написанный мною очередной доклад, одобренный руководителем, разросся при моих последующих занятиях 1917—1927 г.г. в форму представляемой работы.

Также приношу свою глубокую благодарность проф. Б. М. Соколову, никогда не отказывавшему мне в своих ценных указаниях и советах, проф. В. И. Веретенникову, предоставившему мне некоторые данные об иностранных материалах эпохи Разина; кроме того, сердечно благодарю молодых товарищей, студентов Саратовского имени Н. Г. Чернышевского Университета, любезно предоставлявших в мое распоряжение вновь собранные ими песни и легенды о Разине.

Саратов, 24/I—1928 г.

А. Лозанова.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/narodnyepesniost00loza

I. ОБЩИЙ ОБЗОР ПЕСЕН О РАЗИНЕ.

1. Изучение песен о Степане Разине и его итоги.

В нашей научной литературе нет специальных исследований русской исторической песни. Имеется лишь несколько журнальных статей, по отдельным вопросам, главным образом об отражении исторических имен и событий в поздней песне-былине. Также имеем главы об исторической песне в больших общих курсах по истории русской словесности. Не многочисленны исследования и отдельных циклов исторических песен. Можно назвать лишь исследования песен времени царя Ивана Грозного*). В недавнее время появилась работа, посвященная песням о князе Михаиле Васильевиче Скопине—Шуйском**). За последние революционные годы появились две историко-литературные работы относительно песен о Степане Разине: М. А. Яковлева***) и проф. Н. К. Пиксанова****).

*) П. И. Вейнберг. Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. Варшава 1872; 2-е изд. П. 1901.

С. К. Шамбинаго. Песни—памфлеты XVI в. М. 1913.

Его же. Песни времени царя Ивана Грозного М. 1914.

В. Ф. Миллер. Казацкие эпические песни XVI, XVII вв. Ж. М. Н. П. 1914,5,6. То же. Очерки русской народной словесности т, III. Москва—Ленинград 1924.

Б. М. Соколов. Шурин Грозного, удалой борец Кострюк Темрюкович. Ж. М. Н. П. 1913. 7.

**) Песни о Мих. Вас. Скопине-Шуйском. Изв. Северо-Кавказск. Пед. Ин-та. Владикавказ. 1924, стр. 127—163.

***) М. А. Яковлев. Народн. песнотворчество об атамане Степане Разине. Л. 1924.

****) Н. К. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. Художественный Фольклор, 1926, I.

В наиболее ранних статьях об исторической песне проходят перед читателем на протяжении нескольких страниц имена Ермака, Годуновых, Скопина—Шуйского, Разина, Петра Великого и др. Историческая песня рассматривается в них, как исторический источник, по которому можно или нельзя судить об историческом событии. Так, в одной из наиболее ранних статей об исторической песне („Маяк" 1844 г., т. XIV, кн. XXVIII) автор, приступая к изложению, пишет: „Мы будем рассматривать собственно исторические песни, воспевающие до-петровские события; прослушаем нашу историю, рассказанную устами поэтов, устами народа" (стр. 62—63).

В другой статье (Кале. Русские исторические песни XVII в. Воронеж. 1897.) автор, разбирая песни о Степане Разине, между прочим, пишет: „Конечно, народная песня не история; от нее, как от произведения народной фантазии, нельзя требовать исторической точности и определенности; но мы вправе ожидать от нее цельного и стройного представления данного факта, события. Никто, напр, не станет утверждать, что все, описываемое Одиссеей, было и происходило именно так, как об этом пели древние греки; тем не менее нынешний читатель вполне удовлетворяется этою народною греческою поэмою, потому что получает полное и гармонически законченное представление о похождениях Улисса. Подобным образом и по отношению к историческим песням о Степане Разине важно не то, что содержание этих песен во многом не только не согласно с историею, но и прямо ей противоречит, а то, что по ним нельзя составить себе ни малейшего понятия о ходе и смысле разинского дела. Но если песни о Разине столь бедны фактическими указаниями, что история как бы вправе игнорировать их, то, может быть, они богаты данными, по которым исследователь мог бы составить себе ясное представление о нравственной физиономии Разина, о личности этого голытбенного атамана. На

этот вопрос мы должны ответить утвердительно И в самом деле, песни о Разине заключают в себе столько данных для характеристики этой личности, и при том данные эти столь важны, что в этом-то обстоятельстве и следует усматривать историческое значение этих песен" (стр. 43).

Ответ на такие вопросы, однако, не исчерпывает задачи историка литературы. Его задача, помимо выяснения степени историчности,—подойти к песне, как к поэтическому произведению; по различным вариантам подвергнуть анализу ее содержание, выяснить ее композицию, связь ее сюжетов с сюжетами других произведений народной словесности, определить ее место среди других произведений устного народного творчества, а также охарактеризовать ее художественную сторону и проследить эволюцию ее текста. Задания исследователя исторических песен выясняет ак. А. Н. Веселовский в рецензии на работу Вейнберга, посвященную песням об Иване Грозном. Опровергая утверждения Вейнберга, видевшего в повторении сюжетов и приемов устного творчества процесс ослабевания творческого начала, Веселовский пишет: „На наши глаза, ценность исторической песни и не измеряется ее верностью летописной действительности, а именно ее искажением в смысле тех вековых идеалов, которые задолго перед тем овладели сознанием народа. Они—мерка для всего нового, пребывающего в жизни; новое содержание примыкает к ним по естественному подбору. Это одна из существенных сторон эпоса, об'ясняющая нам, вместе с тем, и отличия народных эпических стилей—русского от немецкого, испанского и т. д.*)

В более ранних статьях о Степане Разине замечается тот же исторический принцип изучения, о котором говорилось выше; в позднейших—разинские песни рассматриваются только с какой-нибудь одной стороны.

*) Вестн. Евр. 1872 X, стр 912.

Несколько страниц посвящено песням о Разине в работе Аристова „Об историческом значении русских разбойничьих песен". *) Аристов начинает свою статью перечислением известий о разбоях на Руси. В хронологической последовательности он рассматривает историю казацко-разбойничьих движений, начиная со времени Ивана IV, и доходит до времени царя Алексея Михайловича и до появления Степана Разина. „Народная песня передала потомству очень много явлений из похождений Разина, и в ее изображениях есть доля исторической истины", говорит Аристов, переходя к разбору песен разинского цикла. Исходя из намерения осветить историческую действительность в песнях, Аристов шаг за шагом прослеживает историю разинского движения и иллюстрирует песнями различные моменты возмущения.

К достоинствам работы Аристова относится то, что он старается по возможности полно перечислить песни о Разине, которые так или иначе можно отнести к событиям времени возмущения. Он не упоминает только песен о выборах атамана, всецело относя их к ермацким. При отнесении той или иной песни к историческому событию. Аристовым употребляется не всегда достаточная аргументация. Чаще всего, усматривая лишь внешнее сходство между песнею и историческим событием, он считает песню создавшейся после данного события. Так, песню разбойников, обращающихся к солнцу с просьбой обогреть их, имеющую финал задорный, он строго приурочивает к лету 1669 г. Доказательства автора в этом случае сводятся к следующим словам: „Они (разинцы) могли похвалиться после трудных кровавых подвигов с персианами и во время ночных холодов июльских на Каспийском море в таких выражениях: „Ты взойди, взойди, солнце красное".... (приводится песня).—Автор не хочет

*) Филологические записки 1874. Тоже отдельным изданием. Воронеж 1875.

вспомнить, что если персидский поход и был самым крупным событием в движении Разина, то все-таки и до и после него были удачи у разинской дружины, и не один персидский поход дал начало гордому и самоуверенному финалу приводимой песни; а кроме того, не только в июле месяце, и не только на Каспийском море могли разинцы страдать от холодов. Относя песню о сынке тоже к определенной дате, Аристов приводит следующие слова, которые должны быть приняты за доказательство: „Взяв Царицын и Камышин, Стенька Разин направился со своей дружиной, доходившей до десяти тысяч человек, к Астрахани; его лазутчики тайно работали всюду по Волге и подговаривали стрельцов держать сторону атамана. Такой тайный агент, сынок своего батюшки Разина, попался в Астрахани; его страшно истерзали на пытках и потом повесили. Относящуюся сюда песню о сыне Разина я сообщаю“.. Почему песня о сыне относится именно сюда, каково сходство между нею и историческим событием, и как это событие отразилось в песне,—об этом умалчивает автор. Песню о просьбе героя похоронить себя между трех дорог—мотив очень известный в устно-поэтическом творчестве—Аристов снабжает следующим пояснением, которое должно быть принято за исторический комментарий: „Когда степенные старшины донских казаков узнали, что сила его чародейного заговорного слова уже миновала, взяли Разина удобно, заковали в кандалы и привезли в Москву. Говорят, будто он, сидя в темнице в ожидании казни, выразил свои чувства в песне в виде завещания: „Схороните меня, братцы, между трех дорог: между Казанской, Астраханской, славной Киевской“ и т. д.

Точности исторического комментария в работе Аристова мешает то, что автор рассматривает только по одному варианту определенной темы. В то время как рассмотрение, если не всех, то хотя бы нескольких вариантов той или иной песни нередко изменило бы

его выводы. Так, напр., он рассматривает, да и то не целиком, один вариант песни о наезде Разина на Астрахань. Он видит в приказании воеводы стрельцам—усилить караулы—намек на ненадежность стрельцов перед взятием города, что дает атаману право хвалиться, что его не тронут пушки. Но рассмотрение всех вариантов показывает, что построение этой песни неустойчиво: в песне очень часто отсутсутствует непосредственное приказание воеводы стрельцам; наоборот, астраханские часовые сами видят приближение стругов атамана и докладывают об этом воеводе, а Стенька хвалится, что ему не страшны пули, а страшна девка-астраханка. Аристов утверждает, что Стенька хвалится потому, что заранее знает настроение астраханского гарнизона. Точно также относительно песни „Ты взойди, взойди, солнце красное", вывод Аристова был бы иной, если бы он сопоставил все имеющиеся варианты ее. Таким образом, автор в своей статье прикладывает уже известные исторические факты к содержанию песен и часто усматривает точные события там, где на самом деле—известный песенный мотив.

В монографии Костомарова „Бунт Стеньки Разина" встречаются отзывы и о песнях об атамане. Но цель изложения Костомарова, конечно, не песни. Поэтому историк, всякий раз точно указывающий исторические материалы, которыми он пользуется, не приводит ссылок на сборники, из которых он дает песенные иллюстрации. Но все же, несмотря на то, что песни в сочинении Костомарова играют роль иллюстраций, он в некоторых случаях пользуется ими для подтверждения своих выводов и иной раз проигрывает от излишнего доверия к песням. Иногда исследователь, приводя песню в доказательство правдивости события, относится без критики к сборникам, в которых они помещены. Таким образом, он соединяет с историей Разина сюжеты, ему не принадлежащие: таков сюжет былины об Илье Муромце на Со-

коле-корабле. В эту песню имя Разина было вставлено Сахаровым, ссылавшимся на то, что корабль Разина носил имя „Сокола". А сам Костомаров говорит, что корабль Разина назывался „Соколом", по известиям народных песен. В начале исследования Костомаров, передавая события жизни атамана до его выступления в 1667 г., приводит песню о том, как Разин был в плену у турецкого султана. Эту песню Костомаров называет народным преданием о Разине. В данном случае Костомаров не обращает внимания на то, что песня о сидении атамана в плену взята из сборника Сахарова. Более ранний вариант ее напечатан в сборнике Кирши Данилова, где вместо имени Разина стоит имя Ермака. Второй вариант этой былины, помещенной там же и прерывающийся в самом начале, имеет рукописное заглавие, сделанное, вероятно, рукою собственника сборника: „О Стеньке Разине". Вероятно, на этом основании Сахаров, поместив в своем сборнике первый полный вариант, произвел в нем замену имени Ермака Тимофеевича именем Разина, Степана Тимофеевича. Итак, в изложении Костомарова перед глазами читателя проходят почти все сюжеты разинских песен, но без их оценки.

Бессонов в собрании песен Киреевского (вып. 6, 7, 8) старается дать параллельно текстам песен о Разине историко-литературный комментарий. Он рассматривает песни о выборах атамана, былины о Разине и Илье Муромце на Соколе-корабле, песни времени персидского похода, песни о сыне, об убийстве Астраханского губернатора, песни разинцев, мотив похорон молодца между трех дорог, песни о смерти. Комментируя песни о Разине, Бессонов постоянно имеет в виду отзывы Костомарова о них. В некоторых случаях Бессонов соглашается с историком, иногда принимает его мнение с ограничениями, иногда прямо отрицательно относится к ним.

Комментарий Бессонова, основанный на сравнении песенного материала о Разине с песнями о других героях и безымянными, является более обоснованным и более осторожным, чем об'яснения песен у Аристова и Костомарова, которые делают заключения нередко на основании лишь внешнего сходства исторических событий с сюжетами песен. К сожалению только Бессонов сравнительно мало пользовался методом сопоставлений.

С. Кале в своей статье „Русские исторические песни XVII в" на основании хронологического принципа разбивает все песни о Разине на одиннадцать тем: 1) появление Стеньки, 2) избрание его в атаманы, 3) переход его на Волгу, 4) стоянка Разина на одном из островов Каспийского моря, 5) попытка его возмутить астраханцев, 6) взятие Астрахани казаками, 7) буйство в ней последних, 8) опасность, которой Разин подвергался в этом городе, 9) завещание Стеньки, 10) плач казаков по нем и 11) взятие Астрахани московскими воеводами. Цель автора дать по песням исчерпывающую картину жизни атамана, как бы его биографию. Но рассматривая песни с этой точки зрения, он находит их неудовлетворительными и поэтому ставит себе другую задачу: „выяснить нравственную физиономию голутвенного атамана".

Таким образом автор по песням дает характеристику Разина, не разбирая самых песен. Деление их по сюжетам произвольно и загадочно для читателя тем более, что автор не дает примеров на те одиннадцать сюжетов, которые он наметил. Загадкой же для читателя они являются и потому, что ему затруднительно определить, какие именно песни автор подразумевает под „сюжетами". Напр., „появление Стеньки", „переход его на Волгу", „попытка его возмутить астраханцев", „буйство в Астрахани казаков", „опасность, которой он ранее подвергался в этом городе". Если в песнях и говорится о событиях, к которым могли бы подойти заглавия Кале, то все же их нельзя назвать сюжетами, как

называет их автор, и даже отдельными темами. Часто эпизод, по которому дано заглавие, не имеет решающего значения в песне, а играет лишь второстепенную роль. Например, появление Стеньки представляется нам отдельным эпизодом песни об отношении атамана к казачьему кругу. Точно также заглавие „буйство в Астрахани казаков" очень мало передает содержание песни о наезде Разина на Астрахань. Названия „сюжетов" в классификации Кале „попытка Разина возмутить Астраханцев! (м. б. песня о сыне) и „опасность, которой Разин подвергался в Астрахани" (м. б. намек на девку-астраханку) — представляются нам слишком иносказательными.

В. Ф. Миллер, *) на основании строго-научного историко-литературного исследования, рассматривает песни о Разине, записанные среди казаков. Казацкие разинские песни представляют собой варианты сюжетов, известных в Поволжье. Но кое-где в казачьей среде встречаются попытки внести новые эпизоды в содержание песен, м. б. на основании устных преданий о Разине. К песням подобного рода Миллер относит уральскую песню о происхождении Разина, о приходе его в круг, считая ее по времени возникновения очень поздней. Также — и песню о взятии разинцами Гурьева, записанную в одной из казачьих станиц Астраханской губернии. Затем исследователь переходит к сюжетам общеизвестным: касается песен о сыне, безымянных песен о вещем сне, о гибели молодца на чужбине и лирических песен разинцев. Каждую песню автор прослеживает в различных местностях, передает содержание ее, или целиком приводя текст, или излагая очень близко к тексту и снабжая каждый сюжет сжатым историческим комментарием. Как историческим пособием к об'яснению песен Миллер пользуется трудом Костомарова, иногда критически разбирая замечания историка относительно песен. Несколь-

*) В. Ф. Миллер. Казацкие эпические песни XVI—XVII в.в.

ко кратких замечаний в больших общих курсах истории русской словесности (Галахов, Полевой, Бороздин, Шамбинаго, Сперанский) исчерпывают дореволюционную литературу о разинских песнях.

Страницы, посвященные песням о Разине в статье акад. В. Ф Миллера, более всего отвечают заданиям историка литературы. Но песни разинского цикла не являются предметом его специального исследования. М. б., в силу этого он и не привлекает основных материалов для исторического комментария к ним, пользуясь исключительно трудом Костомарова.

Современность выдвигает глубокий интерес к Разину. Интерес этот проявляется в искусстве, литературе, *) науке и общественной жизни. События эпохи Разина, поставленые в связь с современностью,—приобрели жизненный интерес. За последние годы появляются новые исторические работы, дающие яркое освещение разинской эпохе с социально-экономической стороны; **) движение Разина рассматривается, как один из самых крупных фактов истории русских революционных движений. ***) Продолжается изучение отголосков разинских событий на местах. ****) Целый

---

*) Перечень отображений Разина и разиновщины в литературе и искусстве дает проф. Н. К. Пиксанов в своей статье: „социально политические судьбы песен о Степане Разине". Худ. Фольклор 1926, № 1.

**) Проф Н. Н. Фирсов. Разиновщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни. 3 изд. М. 1920; I изд II. 1906; II изд. 1914.

Его же. Народные движения в России до XIX в. М. 1924. Разиновщина стр. 28—106.

***) С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. II. 1923. стр. 5—132.

М. Я. Феноменов. Разиновщина и Пугачевщина. Л. 1922. О разиновщине: стр. 15—151.

С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Ленинград. 1924. О Разиновщине: гл. III. стр. 144—174.

Проф. В. И. Пичета. История крестьянских волнений в России. Минск. 1923. О Разине: гл. III, стр. 33—38.

****) Б. М. Соколов. Этнографическое изучение Саратовского края. Саратов. 1922. Стр. 12. Саратовский Этнографический Сборник. Труды Костромского Научн. О-ва по изуч. местн. края. Вып. XXIX. Кострома 1923. Стр. 3.

ряд популярных политпросветительных брошюр посвящен Разину*). Эпоха Разина и связанные с ней литературные явления становятся предметом проработки на занятиях во второй ступени**). Эпоха Разина используется в качестве материала для лекций и инсценировок в клубах***).

В 1924 г. появляется новая сравнительно большая работа М. А. Яковлева о разинских песнях****). Она состоит из семи глав. Первая глава является вводной частью и выясняет в общих чертах исторические причины движения Разина. Затем автор (гл. 2-я) переходит уже к литературному материалу, классифицирует песни по сборникам и, стремясь дать исторический комментарий, иллюстрирует исторические события выдержками из песен. В следующих главах до 7-й, автор ставит и пытается осветить вопросы эволюции и взаимовлияния произведений устно поэтического творчества: сравнивает разинские песни с былинами, с песнями эпохи Ивана Грозного и Петра I. Последняя глава (7-я) рассматривает песни со стороны их поэтики. Автором приводятся былинные обороты в параллель к разинским песням, намечается эволюция образов от былин к исторической песне и, в частности, к песне о Разине; затем рассматривается символика песен о Разине. Работа затрагивает серьезные историко-лите-

---

*) Алтаев и Феличе. Атаман Степан Разин. Очерк. Гиз. П. 1920

Влад. Фирсов. Кому пролетариат ставит памятники?. Стенька Разин, вольный атаман. М. 1919.

Михайлов. Разиновщина. Госиздат. 1920.

Песни о Ст. Разине и его краткое жизнеописание. Изд. Красн. Новь. Главполитпрос. М. 1923.

**) И. А. Желабовский, С. С. Розанов. В. Д. Сперанский Год занятий по литературе (задания VI, VII, VIII, IX групп). М. 1926. стр. 50—54.

***) Е. Ф. Грекулов. Стенька Разин. Материалы для лекций, песни инсценировки М. 1924.

****) Народное песнотворч. об атам. Ст. Разине. Лгр. 1924.

ратурные проблемы, привлекает значительное количество параллелей, изобилует примечаниями и библиографическими ссылками. Однако, метод автора имеет основной недостаток—это отсутствие точной установки материала, который подвергается рассмотрению.

Автор не придает значения точному учету имеющихся налицо вариантов песен; не привлекаются варианты для выяснения, того или иного песенного сюжета. Классифицируются песни не по сюжетам, а по сборникам, в которых они напечатаны, и при том по принципу, для исследователя весьма неопределенному,— по степени оригинальности и интересности песни. Исторические об'яснения песен исчерпываются тем, что в работе передаются в хронологическом порядке события разинского движения. Зачастую лишь внешние сходные черты убеждают автора в его выводах.

Отсутствие внутреннего анализа текста песен особенно сказывается, когда автор ставит вопрос об эволюции песен о Разине и о влиянии на них былин и исторических песен других циклов.

Говоря о художественных образах, автор рассматривает их оторванными от контекста, отчего аналогия иногда теряет свое значение. Таковы аналогии художественных образов: серые гуси, черный ворон, сокол. Привлекая к сравнению с разинскими песнями былины и исторические песни других циклов, автор не принимает во внимание безыменных, так называемых казачьих и разбойничьих песен, а также и лирических бытовых. Этот материал мог бы значительно дополнить и уточнить его выводы относительно символики разинской песни. Таковы художественные образы-символы: березка, рябина, ковыль-трава, туман.

Кроме этого, в работе часто встречаются отдельные суждения, которые в настоящее время уже остав-

лены. Таковы напр. мнения о народе, как о коллективном авторе—творце (стр. 31, 39, 40, 42, 118); противопоставления народа и Степана Разина.

Библиографические примечания в работе содержат некоторые неточности: не указаны годы изданий, а также и полные названия трудов, которые привлекались для исследования.

Однако все же рассматриваемая работа представляет ценность и интерес: для массового читателя свежестью своей темы и живостью изложения, а для читателя-специалиста—большим количеством песенных аналогий и стилистических параллелей, в некоторых случаях весьма убедительных Интересны сопоставления отдельных мотивов песен о Разине с песнями о других героях. Очень удачны, напр., сопоставления: мотивов песен о сынке с песнями о „Правеже", мотивов смерти героя у реки, описаний костюма казаков, сынка (стр. 76, 133, 134).

Самой свежей по замыслу является статья Н. К. Пиксанова: „Социально-политические судьбы песен о Степане Разине"*).

Отмечая живучесть разиновщины в устно-поэтическом творчестве простонародья, автор прослеживает интерес к движению Разина (вопреки стремлениям цензуры всячески заглушить его) в кругах русской интеллигенции, начиная с Пушкина.

Интерес этот, начавший открыто проявляться с конца 50-х годов, отражается в области истории, в художественной литературе, в политических исканиях русского революционного народничества.

Великая русская революция возрождает интерес к Разину в чрезвычайной широте и силе. Особую ценность теперь приобретает вопрос о социальном содержании песен о Разине и об отражении в их тексте идеологии отдельных групп. Н. К. Пиксанов приводит конкретные примеры стилизации и ретушировки песен

*) Художественный Фольклор 1926, № 1.

в зависимости от условий бытования их в сочувствующих или враждебных движению социальных слоях.

Настоящая работа ставит целью возможно полнее собрать народно-песенное наследие о Степане Разине, подойти к разинской песне, как к устно-поэтическому произведению, рассмотреть имеющиеся песни о Разине по сюжетам и затем, подвергнув их литературному и историческому анализу, определить следы их эволюции.

2. Географическое распространение песен о Степане Разине.

Выяснение границ географического распространения устного народного произведения имеет большое значение при исследовании его. Также большой интерес представляет определить степень известности целого произведения, отдельных сюжетов и мотивов, которые входят в его состав Сопоставляя эти данные, получаем возможность с большею точностью ответить на вопросы происхождения, бытования и первоначального текста устно-поэтического произведения в тех или иных областях.

Границы распространения песен о Разине чрезвычайно широки. Для записанных песен самым западным пунктом является Смоленская губерния; на восток песни распространяются далеко в Сибирь, встречаясь в Томской, Енисейской губерниях и Якутской области. На севере песни о Разине имеют границей Белое море и далее Северный Ледовитый океан; на юге— Терскую область и Астраханскую губернию. Драгоманов сообщает три записи разинской песни, произведенные на Украине. В Великороссии распространение песен далеко не везде одинаково: можно сказать, что здесь оно приблизительно совпадает с географическим распространением былин. Центральные губернии сравнительно беднее записями как песен, так и былин. Количество записей тех и других видов произведений увеличивается на Волге, главным образом начиная с Симбирской губернии, вниз по течению реки Намечается пять главных

округов их распространения: 1) Поволжье, 2) Казачьи области, 3) Центральные губернии, 4) Север и 5) Сибирь.

Движение под предводительством Разина разрослось более всего на нижнем течении Волги и на Дону, именно в том районе, где русло его приближается к Волге. Конечным пунктом вверх по Волге, куда поднимался Разин, был Симбирск. В областях, расположенных севернее Симбирска, т. е. в нынешних губерниях Казанской и Нижегородской, действовали приверженцы Разина и уже после неудачи, постигшей атамана под Симбирском. По отношению же к движению самого Разина, Симбирск является крайним пунктом Поволжья. Записей из мест, находящихся севернее этого пункта, не имеется в нашем распоряжении, за исключением одной записи песни о сынке из Костромской губернии (см. добавочные тексты). Записи начинают появляться с Симбирской губернии, т. е. с района непосредственного присутствия героя песен. И если даже принять, что отсутствие записей песен из областей севернее Симбирска об'ясняется до некоторой степени внешними неблагоприятными обстоятельствами (напр., отсутствие напечатанных записей по условиям цензуры, наконец, пропуском имеющихся записей, допущенным нами), то все же можно с полным правом утверждать, что песни о Разине в Поволжских губерниях, расположенных севернее Симбирска, если не отсутствуют совсем, то, по крайней мере, имеются в количестве несравнимо меньшем, чем в областях южнее Симбирска, т. е. в районе непосредственных действий Разина. Общее количество записей песен разинского репертуара в Поволжских губерниях: Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской — равно 44, а если присоединить к нему 6 песен, напечатанных в сборнике В. Ф. Миллера (№№ 340, 347, 348, 350, 353) и в хрестоматии добавочных текстов без указания места записи, но по всем признакам нижневолжских, то оно будет равно 50. На Симбирскую гу-

бернию падает 14 записей, на Самарскую—1 (цифра безусловно случайная), на Саратовскую губ.—18, на Астраханскую—11.

Темы песен в перечисленных местностях довольно разнообразны: Только самая известная во всем разинском репертуаре песня о сынке повторяется повсюду. Из общего числа 50 записей в Поволжье имеем 25 записей песни о сыне (в Симбирской губ.—7 записей, в Саратовской—14, в Астраханской—4). Остальные 25 записей падают на различные темы: песня об отношении атамана к казачьему кругу—3 записи (одна в Симбирской губ. и две в Астраханской), 3 записи песни разинцев (1—в Симбирской и 2 в Астраханской губ.). Кроме того, имеем 4 записи песни о выборах Разина в атаманы (3—из Симбирской губ. и 1—из Астраханской). Песня эта чаще прикрепляется к имени Ермака и встречается записанной также в других местностях напр., в Пермской губ. (см доб. тексты). Из Саратовской губернии имеем 2 записи песни о том, как атамана, плавающего по Волге, узнают два офицера, и потом еще две единичных записи: 1) о том, как птица Камская несет руку героя, Ст. Разина, и как по этой руке девушка узнает о несчастии с ее милым, и 2) о том, как казаки отвозят атаману благословение от царя белого. Из Астраханской губернии имеем песню о взятии разинцами Гурьева, записанную вообще единственный раз. Кроме того, к репертуару разинских песен Волжского района необходимо присоединить песни, записанные без указания места, которые могут быть об'единены названием нижневолжских. Таковы: песня об убийстве Астраханского губернатора (сборн. Миллера № 353), песня войска, высланного против Разина (там же № 350, моногр. Костомарова, II т., стр. 270—271); песня о том, как Разин плывет со своими молодцами по Волге (сборн. Миллера № 348; Костомаров, стр. 291, 292); песни о выборах атамана (сборн. Миллера № 347); песня о взятии Астрахани. К разинским песням верхнего По-

волжья, судя по локализации событий, должна быть отнесена песня разинской дружины, помещенная в сборнике Чулкова (см. доб. тексты). Итак, репертуар каждой из Поволжских губерний является до некоторой степени замкнутым: повторения замечаются в записях самого известного сюжета о сыне. Контаминации сюжетов не встречаются, за исключением Симбирской губернии, откуда имеем песню о взятии Разиным Казани (смешение имен Разина и Ермака) и песни о выборах Разина в атаманы, по существу ермацкие. В губерниях же Саратовской и Астраханской имя атамана настолько хорошо известно, что смешение его с именами других героев является невозможным. Наоборот, замечается даже перенесение имени атамана на анонимные песни, (напр., песня о руке милого, по которой его милая догадывается о несчастии с ним). Репертуар разинских песен из Астраханской губернии представляет соединение репертуара Поволжья и казачьих областей. Так, с одной стороны, в Астраханском репертуаре имеем сюжеты об отношении Разина к казачьему кругу (2 варианта), один вариант песни о выборах атамана, песню о том, как Ст. Разин плывет со своими молодцами по Яику (1 вариант), песню о взятии Гурьева (1 вариант, единственная запись вообще), и, с другой стороны, 2 песни разинцев и 2 варианта песни о сыне—сюжет по происхождению нижневолжский. Начиная с Астраханской губернии, способ исполнения разинских песен хоровой. Сюжеты песен о Разине не контаминированы и по содержанию более разнообразны, чем в других местностях Поволжья.

Движение под предводительством Разина было по преимуществу казачьим движением. Оно зарождалось на Дону. Большею частью из голутвенных донцов вербовал он себе приверженцев. На Дону заложил он свой стан и считал его своей основной квартирой, на Дону он проводил зимы 1669—70 и 1670—71 г.г., на Дону Разин захвачен и предан в руки московских властей. На Дону Разин известен как голутвенным людям,

так и кармазинникам, зажиточным казакам. На Яике непосредственное присутствие Разина было гораздо менее продолжительным. Однако, в силу иных благоприятных обстоятельств, разинские песни в Уральской области и даже в среде Оренбургских казаков сохранились лучше, чем на Дону. Из области Войска Донского мы имеем 4 записи песен о Разине, именно: песню о сыне с несколько измененным содержанием (сборник Миллера № 352; тоже Часовой: „Донской Сборник". Вып. I Новочеркасск 1876 г., стр. 51). Кроме того, песню о казни Разина на Красной площади (сб. Миллера № 339), м. б., несколько ретушированную, но по всем признакам возникшую в Донской области; затем песню о том, как Ст. Разин не хаживал во казачий круг, а предпочитал гулять с голью кабацкою (сб. Миллера № 343); песню о девице на воровском судне. Конечно, такая сравнительная бедность может быть до некоторой степени об'яснена случайными неблагоприятными обстоятельствами, но, с другой стороны, имеются для нее и внутренние основания. Более материала исследователь получает из других областей, населенных казаками. В Оренбургской и Уральской областях находим 4 варианта песни об отношении атамана к казачьему кругу (2—в Оренбургской и 2—в Уральской области) -темы, присущие исключительно казакам. В Оренбургской губернии и меем 3 полных варианта песни о сыне и еще фрагмент этой песни—предчувствие отцом беды, случившейся с сыном, отрывок, по содержанию являющийся законченной песней; один вариант песни разинцев и очень распространенный среди казаков мотив, известный вообще в лирике, а в данном случае притянувший имя Разина—просьба похоронить героя между трех дорог. Кроме того, из Уфимской губернии, граничащей с Самарской и с областью оренбургских казаков, имеем 2 песни: 1) о наезде атамана на Астрахань и 2) о сыне (сборн. Миллера № 296 и 297). В Уральской области, помимо указанных выше вариантов об отношении атамана к ка-

зачьему кругу, имеем 2 варианта разгадывания сна, виденного одним из действующих лиц песни; один вариант песни о девушке, похищенной разбойниками, и сводную песню о происхождении атамана, относимую В. Ф. Миллером к позднейшему времени. Кроме того, песню о том, как Разин плывет с дружиной по Яику, мы относим к Уральским (см. доб тексты). Отрывок песни о сынке записан в области терских казаков. Перечисленные выше казачьи области в обшем дают 19 песен; из них 6 песен о сыне, считая и фрагмент.

Центральные губернии сравнительно с Поволжьем и казачьими областями беднее песнями о Разине В центре разинское возмущение захватило нынешние губернии Пензенскую и Тамбовскую, агенты Разина и сочувствовавшие ему отыскивались всюду и даже в самой Москве. Почти во всех губерниях, окружающих Москву, находим песни о Разине, но они почти всегда единичны. Из Московской губернии имеем 2 варианта песни о сыне, из Владимирской—2 варианта (1 из них записан в Харькове от уроженца Владимирской губ.); из Смоленской губ.—1 вариант песни войска, посланного захватить Разина; из Калужской губ.—отрывок песни о смерти Разина; из Тульской—1 вариант песни о сыне; из Орловской губ.—2 варианта песни о сыне; из Тамбовской губ.—3 записи: 1 песня о сыне, 1 песня разинцев и 1 песня о девице, которую обманул разбойник, сын Ст. Разина. Следовательно, из центра имеем всего 12—(1 записанная в Харькове) песен о Разине, из них 7 о сыне.

Из северных губерний: Архангельской—имеем 2 варианта песни о смерти Разина и 4 песни о сыне; Олонецкой—4 песни о сыне; Пермской—2 песни о сыне и 1—о смерти; Вологодской—2 песни о сыне; Новгородской—1 песню о сыне.—Итак, из северных губерний имеем записей больше, чем из центральной России именно—17. Из них 13 вариантов о сыне, 3 ва-

рианта лиро-эпической песни о смерти и 1—песня о выборах атамана.

Из Сибири имеем 9 записей. Из них 3 песни о сыне; 2 полных и подробных варианта и 1—искаженный почти до неузнаваемости. Кроме того,—в этой местности находим одну из старейших записей песни об убийстве Астраханского губернатора, Данилы Александровича Репнина; песню войска, посланого против Разина; полупесню-полулегенду о поединке, конечная цель которого освободить Ст. Разина от проклятия; отрывок песни о смерти.

Перечисленный репертуар показывает, что границы географического распространения разинских песен шире географического распространения движения, и по степени богатства записей не совсем соответствуют ему. Непосредственное развитие событий в определенной местности с участием в них самого атамана имеет огромное значение для возникновения и сохранения песен, но все же это не играет исключительно решающей роли. Правда, наибольшее количество песен и сюжетов находим в районах непосредственных действий атамана: в среднем и нижнем Поволжье, а также в казачьих областях. Однако из Донской области, где зародилось движение и откуда вышел сам атаман, имеем сравнительно меньше записей, чем из Уральской области и Оренбургской губернии, где Разин сам не был или почти неизвестен. Точно также в районах действий приверженцев Разина—в северном Поволжье и в части центральных губерний, записи разинских песен почти отсутствуют. А в губерниях северных и в Сибири, где никогда не бывал Разин, встречается сравнительно больше записей, чем в центре и даже в Донской области.

Если сравнить географическое распространение песен о Разине с географическим распространением былин и исторических песен о других героях, то легко заметить, что границы и степень распространения тех и других произведений почти совпадают. Повидимому,

географическое распространение былин и исторических песен подчиняется известным законам и зависит от причин, общих для тех и других видов произведений. Законы эти вырабатывались на основании внутренних условий, постоянно сохраняющихся в определенных местностях и среде. Живучесть произведения зависит главным образом от условий местности и от уклада жизни той среды населения, в которой бытует произведение. Кроме того, произведение может переноситься из одной местности в другую вместе с передвижениями населения. Образ атамана, его стремления, его военные подвиги были безусловно близки казакам. Само казачество породило своего героя, поэтому естественно, что песни о нем создались и хранятся до сих пор в памяти казаков. Действительно, записи некоторых песен о Разине произведены в самом начале XX века. И если количество записей разинских песен с Дона сравнительно очень невелико, то из этого не следует, что они никогда не существовали и не возникали там. Время сделало так, что они забылись, заменяясь другими песнями о героях более поздних, и вследствие этого лишь в малом количестве дошли до нашего времени. Весь уклад жизни донских казаков был неблагоприятен для сохранения в их среде эпических песен. Поэтому они быстро исчезают там и сохраняются лучше, будучи перенесенными в другие области. Колонизационные движения с Дона на Яик начались очень рано. Переселенцев-донцов привлекала более независимая и спокойная жизнь на Яике, более далекие отношения к Московскому правительству, и свобода вероисповедания.

Кроме колонизационных движений донского населения в другие области, факта, способствовавшего перенесению песен о Разине, местные условия и самый образ жизни донских казаков были неблагоприятны для долгого сохранения одних и тех же устных произведений. Жизнь донцов протекает почти в беспрерывных военных действиях. По отношению к москов-

скому правительству политика их вполне независима. Донское казачество самостоятельно появляется на исторической сцене; по собственному побуждению нападает оно на соседних турок и татар. Московское правительство считается с донским казачеством, как с самостоятельной единицей. Оно старается поддержать с казаками мирные отношения, найти в них пограничных защитников. Неоднократно посылаются на Дон милостивые грамоты с прощением казакам их прежних вин. После вступления на престол новой династии, казаки организуют самостоятельный поход на Черное море, покушаются неодноктратно на Азов и, наконец, берут его. Но они не удержались в городе: Азов должен быть отдан обратно. Казачьи станицы подвергаются разграблению со стороны врагов, которые доходят до Черкасска и освобождают его. Зажиточное население Донской области, конечно, более всего страдает во время этих событий. К этому времени на Дону резко выделяются две партии казаков. Одна—оседлых казаков, собственников, стремясь сохранить прежнее экономическое положение, тянется к Москве, другая—голытьба, находя выгоды боевой жизни, мечтает о независимости. Партия казаков—собственников одерживает верх и помогает московскому правительству захватить атамана голытьбы Разина, и, благодаря этому, окончательно передается Москве. После возмущения Разина, донские казаки присягают на верность московскому государю. При Петре Великом они принимают участие в его походе на Азов и впоследствии входят в состав регулярной русской армии. Таким образом, жизнь донских казаков очень бурна и богата событиями. Эти события выставляют новых героев и способствуют забвению атамана голытьбы. Кроме того, и правительство старается уничтожить на Дону неудобную для него партию голытьбы. Последняя уходит в более глухие и спокойные места на Яик, на север, в Сибирь и уносит туда песни о своих героях, в частности о Степане Разине. Собиратель песен на

Дону, Листопадов, говорит о любви казаков к пению—обстоятельство благоприятное для сохранения песен. Но далее он же замечает, что среди донских казаков старинные песни заменились новыми чисто книжного происхождения или песнями, сочиненными для полков. Переселенцы из Донской области образовали казацкие поселения на Яике, где жизнь протекала вообще более спокойно и своим укладом более способствовала сохранению в этой местности эпических произведений. В среде оренбургских казаков разинских песен записано больше, чем на Дону. В Оренбургскую губернию попали они, по всей вероятности, из Поволжского района, так как оренбургское казачье войско образовалось из полков, переведенных туда с Камы и Волги. Действительно, репертуар Поволжья и Оренбургской губ. представляет некоторые черты сходства. Репертуар Поволжья среднего и нижнего наиболее богат песнями о Разине. Кроме причин общих, благодаря которым в этом районе хорошо сохранились эпические произведения, для песен о Разине в этой местности почва особенно благоприятна. Прежде всего среднее и нижнее Поволжье является ареной действий Степана Разина. В этой местности протекли дни его наибольшей славы и успеха. Большая часть песен о нем возникла на фоне действительных событий, происшедших именно в этом районе между Симбирском и Астраханью. Таким образом, песни о Разине сохраняются благодаря местным непосредственным воспоминаниям о великом атамане. Кроме того, воспоминания эти имеют еще внутренние основания для своего сохранения. Жизненные идеалы и представления о геройстве у жителей Поволжья, потомков поволжской вольницы, близки идеалам—приверженцев Разина. Течение средней и нижней Волги с давних времен было местом действия разбойничьих шаек, охотившихся за товарами, переправляемыми по реке. Поэтому стремление Степана Разина, героя казаков и низовой вольницы, близки и понятны жителям Поволжского края. А также жизнь у большой ши-

рокой реки, постоянное плавание по ней, прекрасный резонанс на воде располагает жителей к пению и способствует сохранению в их среде песен о вольных людях, которые действовали на этой реке.

Условия для сохранения эпических песен, и в частности песен о Разине, в центральных губерниях менее всего благоприятны. Песни о Разине, заносимые туда из мест их возникновения и бытования, не могли долго оставаться там и исчезали или переносились в места колонизационного движения населения на север и в Сибирь. Кроме того, они не могли привиться в этих местностях благодаря более развитым культурным условиям и близости культурных центров, которые пагубно влияют на эпическую традицию, а также в силу более суровых условий, чем на окраинах, крепостного права и затем в силу их бунтарского содержания.

Значительное количество записей разинских песен на севере и в Сибири обусловливается теми же причинами, которые действуют для эпоса вообще. Оторванность населения этих местностей от культурных центров, мало развитая грамотность, а также некоторые ремесла и занятия населения способствуют сохранению в среде его эпической традиции. И действительно, на губернии Архангельскую и Олонецкую падает наибольший процент записей исторических песен и былин. Благодаря эпической традиции и привычке певцов к исполнению эпических песен, композиция разинских песен на севере более полна; песни изобилуют подробностями, носят на себе следы распетости, распространенности содержания—характерная особенность северного исполнения. Благодаря тем же причинам сравнительно обширен и репертуар Сибири. Сюжеты и стиль репертуара Сибири имеют черты сходства с репертуаром севера, что, думается, можно объяснить переселением в Сибирь северян, привлекаемых выгодами жизни в нетронутом крае.

Таким образом, наиболее богаты песнями о Разине местности непосредственных его действий, именно

Поволжье и казачьи области. Повидимому, главным условием возникновения исторической народной песни является непосредственное впечатление от лица или событий. Однако это условие не имеет исключительно решающего значения для сохранения произведения. Для жизни его необходима среда и целый ряд внутренних, нередко чисто местных условий, благодаря которым оно сохраняется иной раз в местностях весьма далеких от арены действий его героев. Это обстоятельство об'ясняет сравнительное богатство репертуара северных губерний, где местные условия и весь уклад жизни способствует их сохранению. Однако перенесение с места зарождения касается лишь сюжетов общепонятных, но не присущих по своему содержанию исключительно одной какой-нибудь местности. Так наблюдаем, что общепонятный сюжет о сыне распространен повсеместно, а чисто казачья песня об отношении Степана Разина к казачьему кругу встречается исключительно в казачьих областях

3. Исторический фон песен о Степане Разине: условия способствовавшие возникновению и живучести песен.

Для исторического комментария к песням о Разине имеется следующий материал: ряд царских грамот, отправленных воеводам на места восстания, с указанием мер, которые должны быть приняты против восставших; донесения воевод с мест о действиях Разина; довольно значительное число грамот от воевод, принимавших участие в выступлениях против Разина под Симбирском; донесения о пребывании Разина на Дону; летописные известия о взятии Разиным Астрахани; сказание о нашествии приверженцев Разина на обитель Макария Желтоводского; иностранные переводы обвинительного акта, читанного Разину перед казнью. Кроме того, сочинения иностранцев, современников событий, дающие историко-бытовой очерк эпохи; и, наконец, работы историков, излагающие причины и ход событий разинского возмущения, на основании документальных данных, рассматривающие социальные и классово-политические причины событий (см. указатель исторических материалов и сочинений о Разине в конце работы).

Имя Разина начинает упоминаться в исторических документах с 1661 г. В этом году он участвует в посольстве к калмыкам, чтобы уговорить их выступить против крымского хана в союзе с московским государством. В 1662 г. Разин, по историческим известиям, отправляется на богомолье в Соловецкий монастырь. Правда, в этих событиях мало материала для

создания песен, но все же имя Разина приобретает известность. Песни, видимо, начинают слагаться тогда, когда он стал уже известен, как атаман, т. е. с 1667 года. Вот перечень основных фактов разинского движения.*)

Весной 1667 г. Разин, собрав дружину, предполагает итти на Крым. Но это решение встречает протест со стороны оседлых казаков, во главе с их атаманом, Корнилом Яковлевым. Тогда Разин со своими приверженцами двигается на Волгу, через Черкасск на Камышин. Близ Камышина они нападают на струги с хлебом и выпускают ссыльных, отправленных под конвоем в Астрахань Волгою. Следствия быстрого движения разинцев сказываются сейчас же. В успех восстания неимущих, голутвенных людей начинают верить; дружина Разина растет. А между тем Москва взволнована. Воеводы поволжских городов, и главным образом воевода астраханский, получают от государя многочисленные грамоты, с приказом жить „с великим бережением", т. к. на Дону собираются многие казаки и хотят итти „воровать на Волгу". Казацкое движение под предводительством Разина распространяется вниз по Волге. Разинцы плывут мимо Царицына, наводят страх на жителей и власти. Последние выжидают, не решаясь открыто выступать против восставших. От Царицына разинская дружина направляется к Черному Яру и затем мимо Астрахани через Каспийское море на Яик. Разинцы уверяют яицкого воеводу, что хотели бы помолиться и поклониться святыням в его городе. Их впускают в город, и они овладевают им. Между тем из Москвы посылается Разину увещевательная грамота, на которую он с дружиною отвечает, что повинятся они в своих винах лишь в

*) Считаем излишним останавливаться на изложении причин возмущения Разина. Этот вопрос подробно рассмотрен в исторических работах Фирсова, Феноменова, Тхоржевского, Костомарова.

том случае, если получат вторую грамоту от государя, ссылаясь на то, что первая послана боярами. На Яике и близ него разинцы проводят зиму 1667—68 года. Весною 1668 г. Разин с дружиною уходит в море и проводит там год. За это время он предает разграблению и разрушению селения по берегу Каспийского моря от Дербента до Баку, берет Решт, Фарабат. Зимуют разинцы на полуострове против Фарабата. Затем они перекидываются на восточный берег Каспийского моря и на Свином острове проводят 10 недель. Здесь в июле месяце нападает на них персидский флот, но терпит поражение: победителями взято много пленных и между прочими сын и красавица-дочь Менеды-хана, много богатой и разнообразной добычи. Летопись говорит, что Степан Разин настолько был богат по возвращении своем из персидского похода, что „и невероятно быти мнится". После победы над персианами, в конце августа 1669 г., возвращаются казаки в Астрахань. Между тем за их действиями очень следят в Москве и ожидают с напряженным вниманием, во что выльется это движение. Ко времени их возвращения был послан в Астрахань князь Семен Львов, с грамотой от государя, в которой прощались казакам все их вины. Когда в Астрахани стало известно, что Разин с дружиною возвращается, князь Львов выехал к ним навстречу. Но разинцы, думая, что их встречает карательный отряд, уплывают опять в открытое море. Тогда князь послал им грамоту. Разин с дружиной возвратился в Астрахань. В приказной избе положил он свой бунчук и знамена—атрибуты власти—перед воеводой и под присягой обещал верность государю; обещал вести себя мирно, возвратить пушки, захваченные в столкновении с неприятелем. В глазах астраханцев, особенно беднейших слоев населения, Разин был герой непобедимый, атаман неизмеримо богатый и щедрый. Астраханские власти,—признавая силу Разина, несколько робели перед ним и потому не очень настаивали на исполнении его обе-

щаний. А он, чувствуя свою силу, держал себя высокомерно. Власти не решились настойчиво требовать, чтобы Разин отдал своих пленных правительству, посмотрели сквозь пальцы на то, что казаки отказались дать переписать себя, отказались отдать все пушки, добытые в походах и мало поделились добычей. Поэтому астраханские власти, чувствуя неловкость создавшегося положения, были очень рады от'езду казаков. Разинцы покинули Астрахань с тем, чтобы перебраться на Дон. Когда они проплывали мимо Царицына, все голутвенное и недовольное население встречало Разина, как триумфатора. В Царицыне он выступает в роли судьи и грозит воеводе Унковскому. Приверженцы Разина открывают тюрьму и выпускают заключенных. Узнав о происшедшем, астраханский воевода, князь Прозоровский, отправляет к атаману посланного напомнить, что подобным поведением он нарушает свои обещания и может навлечь гнев государя; посланный чуть не поплатился жизнью. Разинцы приехали наконец на Дон. Они основали там городок Кагальник, обвели его земляным валом, построили земляные укрепления. Весть о славе атамана разносилась; сообщники приходили к нему толпами. Атаман был для всех шедр и ласков. Дружина звала его батюшкою. Семья Разина тоже переехала в Кагальник; перебрался туда и брат его, Фрол. Разинцы провели зиму в постоянной боевой готовности, но мирно, и, как ни старался царицинский воевода узнать, каковы его намерения,—все было тщетно. Торговых людей, ехавших на Дон, Разин задерживал, чтобы они торговали у него в городе, но ничего дурного не причинял им. Домовитые казаки, приехавшие в Москву с войсковой отпиской, сообщают о Разине: „А которые де торговые люди в судех с товары и со всякими запасы ехали с верховых городов на Дон, и он их с теми запасы на Дон не пропустил, а держит у себя, чтоб тот торг для всякой живности у него был, да и зимовых де казаков, которые приехали было к ним на Дон,

зимовать, он Стенка не пропустил, а сказал: Буде де какие Азовские люди на войско пойдут, и он де к войску на помочь и сам пойдет. *) И далее они же сообщают: „А стоит де он, Стенка, в городку Кагальнику смирно, задоров от него ни с кем нет, и казаков от себя в верховые городы не посылает".**)

Между тем правительство было недовольно снисходительностью астраханских властей по отношению к Разину и той нерешительностью, с которой велись переговоры с атаманом. Теперь в Москве решили послать к казакам в Черкасск человека, который искусно выведал бы у них их дальнейшие планы. Для этой цели был отправлен в Москву жилец Герасим Евдокимов. Встреча Евдокимова с мирными казаками прошла благополучно. Но через несколько дней в Черкасск приехал Разин, обвинил Евдокимова, что он приехал как лазутчик, и это стоило последнему жизни: Евдокимов был брошен в Дон. Депутация разинцев в Москву, посланная зимой, не имела там успеха. Она была задержана и отправлена под стражей в Астрахань, но по дороге бежала и присоединилась к Разину. Итак, уже в конце зимы 1669—70 г. окончательно самим ходом событий выясняется отношение правительства к разинцам и последних к правительству: обе стороны видят, что мирные взаимоотношения для них невозможны. К этому же времени определяются резко и в среде донских казаков две взаимно враждебные стороны. Разделение это в основе своей имеет социально-экономические расслоения.

Состав беглецов, искавших приюта на Дону, был вообще пестрый. Здесь были и крестьяне, и боярские холопы, и стрельцы, и низшие начальные люди, надеявшиеся на улучшение жизни в вольных местах. Среди них немало было и раскольников. Обычай донцов не выдавать вновь прибывших обращал их в ка-

*) Записная книга Московского Стола 7179—1671—г., Попов. Материалы, стр. 189.

**) Там же, стр. 190.

заков. Поселения казаков у рубежей были подобны оазисам свободы в Московской Руси. Пограничные казаки несли одну обязанность по отношению к Московскому государству—охранять границы от набегов врагов—соседей. В этом деле им предоставлялась свобода; в этом состояла их государева служба; за нее освобождались они от налогов и получали жалование деньгами, сукном, хлебом и военными припасами. Жалование присылалось из Москвы и разделялось казачьим кругом. Но казакам трудно было прожить на государево жалование,—оно было не велико и не всегда аккуратно присылалось. Поэтому им приходилось самостоятельно заботиться об источнике дохода. Это заставляет их за свой страх и риск нападать на соседей.—Военное дело и военная добыча становятся главным источником их жизненных средств. Но к половине XVII в. формы жизни казачества начинают изменяться. Война с Крымом перестает быть постоянным прибыльным занятием. Между Москвой и соседями пограничных казачьих областей налаживаются торговые и дипломатические сношения. Казачьи военные поселки превращаются в оседлые селения. Вместо военного дела на первый план выступает мирный труд и эксплоатация естественных богатств края. Новые формы труда и приобретения материальных средств порождают новые социальные взаимоотношения. Образовывается группа казаков-собственников, имеющих оседлое достаточное хозяйство. Эксплоатация этого хозяйства с одной стороны дает избыток продуктов потребления, с другой стороны создает недостачу рабочих рук, требует наемного труда. Но из центральных областей беглецы все прибывают. Им необходимы средства к жизни; они должны искать работы и находят ее у обеспеченных оседлых казаков. Экономические условия постепенно опять создают старые формы жизни, создают владетелей и наемных батраков. Разинская дружина формируется, главным образом, из неимущих голутвенных казаков и беглецов, вновь прибывающих на Дон.

Положение, в котором очутились крестьяне ко времени движения Разина, также много содействует успеху его дела. В XVII веке крестьянин по закону был прикреплен к земле. Закон запрещал владельцу земли сводить крестьянина с тягла и распоряжаться им по собственному усмотрению, напр. брать в холопы к себе в дом. Но все же тяжелое экономическое и социально-бесправное положение крестьянина часто заставляет его покидать свое местожительство и убегать ближе к рубежам, на поиски более свободной жизни. Эпоха Смуты остро поставила вопрос о положении крестьян, а дальнейшим ходом событий дала ему практическое разрешение. Со времени утверждения новой династии, Романовых, положение владельцев населенной землею (помещиков) укрепилось. Как следствие этого факта увеличилось стремление крестьян в вольные земли. На протяжении всей первой половины XVII века это движение все усиливается. От землевладельцев начинают поступать многочисленные ходатайства об окончательном закреплении крестьян. Этим просьбам удовлетворило Уложение 1649 г. Крестьяне обратились в вечную собственность помещиков. Сроки для перехода их к другим владельцам были отменены. А помещики были лишены права принимать и оставлять у себя чужих крестьян. Следовательно крестьянину и юридически была отрезана возможность изменить свое положение. Владелец-помещик сделался полноправным его господином, вольным в его смерти и животе. Оставался единственный путь к спасению—бегство на Дон.

Разинской дружине прежде всего нужны были зипуны, т. е. первые необходимые средства к существованию. С целью приобретения добычи, разинцы предпринимают ряд действий захватнического характера: предполагают итти на Крым, захватывают струги с хлебом, нападают на кочующих инородцев, отправляются в поход в Персию. Эти действия, имеющие целью приобретение добычи на стороне, пока не ставят вопроса об изменении экономического и вместе

с тем социального строя в его корне. Приобретение добычи на стороне, обогащая неимущих, отвлекает их мысли о социальном неравенстве в их среде. Поэтому Москва в общем снисходительно смотрит на первоначальные действия Разина и его дружины. Особенно же Москва одобряет удачный персидский поход казаков и, желая, чтобы этим эпизодом дзижение закончилось, присылает им через кн. Львова милостивую грамоту с прощением вин. Но движение Разина, в первоначальной стадии—поход за зипунами, после персидского похода разростается вглубь. Разин-победитель, имея богатую добычу и опираясь на многочисленную дружину, независимо держится по отношению к представителям власти, выступает в роли судьи и блюстителя справедливости,—защищает интересы неимущих, как социальной группы, смело говорит о своих стремлениях ко всеобщему равенству, собирается итти на Москву искоренять бояр и воевод.

Таким образом, действия Разина конкретно ставят вопрос об уничтожении корней социального неравенства и следовательно, об изменении социального строя. Тогда эти действия встречают явный отпор и осуждение как со стороны Москвы, так и со стороны оседлых казаков-собственников. Интересы последних совпадают с интересами московской власти и привилегированных землевладельцев центральных областей: объединяют их в борьбе на защиту прежних, выгодных им социально экономических отношений. Две социально и экономически враждебные стороны встают одна против другой. Одна на Дону—зажиточные казаки-собственники во главе с атаманом Корнилом Яковлевым, на стороне правительства и крупных землевладельцев,—другая голутвенные люди во главе с их атаманом Степаном Разиным. Казаки партии Яковлева пока не выступают друг против друга открыто, но вражда их уже ясно намечается, т. к. не раз оседлые казаки сообщают в Москву о действиях и предполагаемых на-

мерениях Разина „атаманов и казаков лучших людей побить". *)

Поводом к открытому разделению партии Яковлева и Разина послужил поступок разинцев с Герасимом Евдокимовым. В мае 1670 г. Разин поплыл вверх по Дону и достиг Паншина-городка; здесь присоединился к нему известный в то время атаман Васька Ус, уже года четыре разорявший помещичьи усадьбы. Московское правительство жаловалось на него донцам и просило помочь наказать его. Разин сделал его одним из своих есаулов. От Паншина разинцы двигаются к Царицыну. Царицынцы сами отперли город разинцам и встали на их сторону. Воевода Тургенев, с кучкой верных ему стрельцов, заперся в башне, но разинцы одолели их, захватили Тургенева, подвергли пыткам и бросили в воду. Между тем сверху прибыли московские стрельцы на помощь низовым городам. После некоторой борьбы и они передались на сторону Разина. Начальник отряда и высший командный состав его были захвачены и после пыток брошены в воду. Разин пробыл в Царицыне около месяца. В городе введено было казацкое устройство. Вслед за Царицыном был взят Камышин. Казаки выдали себя за московских военных людей, прибывших на помощь камышинцам. Воеводу и жителей, верных правительству, постигла та же участь, что в Царицыне. От Камышина разинцы двигаются на Астрахань. 22 июня 1670 г. они вошли в город. Воевода, князь Ив. Сем. Прозоровский, был сброшен с раската. Взяв город, разинцы сожгли все бумаги в приказной избе, а над богатыми и знатными стали чинить суд и расправу. В Астрахани так же, как и в городах, взятых ранее, было введено казацкое устройство. 13 июля Степан Разин отправляется вверх по Волге, поручив Астрахань своим есаулам: Ваське Усу, Федьке Шелудяку и Ивану Терскому. Разинцы прошли Царицын, Саратов был занят ими без сопротивления;

*) Попов. Материалы, стр. 190.

воевода, который с горстью верных ему людей не сдавался, был утоплен. В Саратове введено было казацкое устройство. Разинская дружина продолжает свой путь вверх по Волге. Быстро, хотя с некоторыми затруднениями, была взята Самара. Воеводу и приказных постигла та же участь, что и в городах, занятых разинцами ранее. В первых числах сентября восставшие достигли Симбирска. Между тем движение охватывает все большую и большую площадь в государстве. Собственно с момента перехода разинцев на Царицын и захвата ими одного за другим поволжских городов, движение их уже принимает окраску социальной революции. В занятых городах вводится новое управление по образцу казацкого устройства; искореняются высшие представители прежней власти; уничтожается богатое и знатное сословие; выдвигается стремление „чтобы всяк всякому был равен". Благодаря глубокой социально-экономической и сословно-классовой основе, движение, поднятое на Волге, распространяется в центральные области с крестьянским населением. Сочувствующие движению отыскиваются во всех концах Московского государства. Активные приверженцы дела Разина действуют с наибольшим успехом в пределах нынешней Нижегородской, Тамбовской, Пензенской губерний, немало их оказывается и в самой столице; привлекательный слух о Разине доходит даже до берегов Белого моря.

Движение Разина коснулось и так или иначе отразилось на всех общественных слоях тогдашней Московской Руси—от царя и его приближенных бояр до последнего холопа. Не было человека в государстве, которому не знакомо было бы имя Степана Разина и его деятельность. Его приверженцы: голутвенные казаки, недовольные своим положением крестьяне, холопы, бежавшие на Дон из центральных областей, инородцы и раскольники, притесняемые за веру, смотрели на Степана Разина, как на своего вождя, избавителя от бесчисленных несправедливостей привилегированных

общественных групп. Этот взгляд на себя поддерживал и сам атаман, проявляя необычайную щедрость и милость по отношению к своей дружине, не выдавая беглых (согласно обычаю на Дону), выпуская на свободу колодников и заключенных при взятии городов, давая возможность исповедывать какую угодно религию.

Бояре, служилые люди, крупные собственники и купцы тоже следили за движением Разина; они трепетали за свою жизнь и имущество. Летом 1670 г. царским указом даже была об'явлена в Москве всеобщая мобилизация столичного боярства и дворянства, чтобы сражаться с мятежниками „за свои домы" и тем защититься от наступающей голытьбы. Это войско выступило в поход 1 сентября 1670 г. Иностранец, присутствовавший на смотру этого ополчения, описывает необычайную роскошь одежды, оружия и конского снаряжения, виденную им. В общий поток борьбы влились и инородцы. Беднейшие их слои, терпевшие от собственной аристократии и от русских воевод, были всецело на стороне Разина. А с другой стороны от богатых и владетельных инородцев к русским властям неоднократно поступали жалобы, что их разоряют вместе с разинцами их неимущие соплеменники. Действительно, известны были приказы Разина убивать и разорять землевладельцев, дворян и детей боярских, и мурз и татар „за которыми есть крестьяне". Поэтому естественно, что люди имущие и знатные, против которых собственно и была направлена ненависть восставших, не могли оставаться в неведении относительно хода разинского дела.

Зажиточные крестьяне и мелкие собственники, которые были не настолько богаты, чтобы бояться ненависти неимущих, тоже не могли не обращать внимания на происходящие события. Прежде всего для них была опасность пострадать случайно, в пылу расправы с врагами, а кроме того многие из них м. б. были связаны узами кровного родства и общностью интересов с представителями разинской дружины. В курсе событий, связанных с Разиным, было и духовное

сословие. Некоторые из раскольничьих попов даже встали в ряды его дружины; духовенство же православно-государственное с укором наблюдало и осуждало атеистическое направление умов голытьбы.

Все общественные группы были втянуты в борьбу. Девиз восставших был—всеобщее равенство. Но стройной программы действий и разработанной идеологии у них не было. Действия их шли дальше своего теоретического обоснования. Их разрушительные стремления не касались представителя верховной власти—государя; они направлялись лишь против бояр, воевод и крупных земельных собственников,—представителей привилегированных общественных слоев. Действиями своими они стремились разрушить эти привилегии. Наоборот, свою деятельность по отношению к идее царской власти разинцы даже стремились использовать для привлечения колеблющихся на свою сторону. Они распространяют слухи, что сын царя Алексея Михалойвича, царевич Алексей, умерший в январе 1670 г., не умер, а бежал от суровости отца и неправды бояр, и теперь находится с ними. Опальный патриарх Никон так же, как и царевич, искал, по их уверениям, у них защиты от царского гнева и несправедливости. Окрыленный успешным продвижением вперед и огромным размахом начатого дела, Разин стремится привлечь на свою сторону соседние государства. Он пробовал завести сношения с крымским ханом, предлагая ему самостоятельное союзничество; пытался начать мирные переговоры с Персиею, которая так недавно потерпела от него. Но шах казнил его посланцев и только одного оставил в живых, чтобы тот рассказал атаману о судьбе своих товарищей.

Осада разинцами Симбирска, начавшаяся в первых числах сентября, не давала результатов около месяца. Осаждавшие сожгли предместье Симбирска, много раз пытались зажечь и самый город, однако, благодаря хорошим укреплениям и выгодному местоположению, он все держался. Помощь, которую просил

симбирский воевода, Иван Милославский, была послана казанским воеводой, Урусовым. Но путь этого отряда под начальством Юрия Барятинского был труден: в дороге его постоянно беспокоили нападениями кочующие племена и прочие беглые люди. Только к октябрю подкрепление подошло к Симбирску. Первое сражение было неудачно для разинцев. Но оно еще не имело решающего значения. Дня три спустя после него, когда Барятинский уже соединился с Милославским, Разин повел свою дружину на приступ. В этот день судьба атамана решилась. Его необученное, плохо вооруженное и частью разноплеменное войско не могло противостоять организованному войску правительства. Поняв свое положение, атаман, окруженный верными ему донцами, сел на суда и уехал вниз по Волге. Он достиг Царицына и некоторое время провел там, оправляясь от ран.

Симбирское поражение погубило атамана: города уже не сдавались ему без боя; Саратов даже не отпер ему ворот, когда он проезжал мимо; многие колеблящиеся отошли от него, не веря в возможность успеха. Корнило Яковлев, уже не скрываясь, отписал в Москву о действиях Разина и о том, что значные казаки приносят повинную за свои прежние мирные отношения с разинцами; теперь Корнило просил у московского правительства защиты против мятежников. Когда для Разина стало ясно, что партия Яковлева открыто действует против него, он задумал взять Черкасск и, таким образом, уничтожить противника. Но эта попытка не удалась, т. к. силы разинцев были недостаточны. Атаман Корнило Яковлев, после того как разинцы отошли от Черкасска, отписал обо всем в Москву и просил помощи против Разина. В Москве отлучили Степана Разина от церкви. Корнилу послан был приказ чинить промысел над Разиным и доставить его в Москву. Кроме того, был послан на Дон отряд в 1000 человек из рейтар и драгун в помощь оседлым казакам. В апреле казаками партии Яковле-

ва был взят и сожжен Кагальницкий городок. В это время был захвачен и сам Разин с братом его, Фролом. Они привезены были в Черкасск и посажены под стражу. В конце апреля оба брата были препровождены в Москву. После ужасных пыток Степан Разин был четвертован 6 июня 1671 г. Так кончилась жизнь предводителя движения. Но разбушевавшееся море не успокоилось сразу. В Астрахани—еще властвовали есаулы, оставленные Разиным. Кучки разинцев и других недовольных: беглых крестьян, холопов, раскольников, инородцев еще долго бродили по пределам Московского государства, грабили села, убивали помещиков и сопротивлявшихся жителей, и все не могли примириться, что нет у них щедрого и могучего атамана, которого не брала ни сабля, ни ружье, перед которым трепетала Москва и персидский шах, и крымский хан, и кармазинные донцы.

Однако, не только в Московском государстве, где все общественные слои были так или иначе захвачены разинским движением, но и в Западной Европе события, связанные с именем Разина, вызвали большой интерес. Об этом свидетельствует появление нескольких иностранных сочинений, посвященных описанию событий и личности знаменитого вождя. В 1672 г. в Англии выходит очень ценное сочинение о возмущении Разина, составленное англичанином, бывшим в то время в Московском государстве. Известие это носит следующее заглавие: A Relation concerning the particulars of the rebellion, lately r ised in Muscovy by Stenko Rasin: its Rise Progress and Stop; together with the manner of taking that Rebel, the Sentence of Death passed upon him and the Execution of the same Published by Authority. In the savoy Printed by Tho. Newcomb*). 1672.

Это сочинение представляет собою довольно подробный и верный рассказ о событиях Лишь иногда в

*) Русский перевод А. Станкевича. Чтения в О-ве Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1895 г. кн. III. Материалы иностр. стр. 1—22.

нем искажены имена собственные. Ни имя автора, ни звание его, ни цель прибытия в Россию—не известны.

В том же 1672 г. выходит перевод этого сочинения на французский язык под следующим названием: Relation des particularitez de la rebellion de Stenko Rasin contre le grand duc de Moscovie. La naissance, le Progrez et la fin de cette Rebellion; avec la manière, dont fut pris ce Rebelle, sa Sentence de Mort et son Execution. Traduit de l'Anglois par C. Desmares. Paris. MDCLXXII.

Французский перевод по мнению Станкевича нельзя назвать вполне точным по отношению к английскому оригиналу,—местами он сокращен, местами в нем сделаны дополнительные вставки. Текст же приговора над Разиным переведен очень точно. Это дает основание думать, что он сделан независимо от английского текста, прямо с русского подлинника Французский перевод Relation выдержал несколько перепечаток. Так, известна перепечатка его в „Archives des voyges ou collection d'anciennes relation inédites ou très rares de lettres, memoires, itinéraires etc...par Ternaux—Compans. Paris Leipsick. Tome II, page 154—176.

Кроме того, в 1856 г. текст был выпущен в Париже с предисловием кн. Августина Голицина отдельною брошюрою: Relation etc...précedé d'une introduction et d'une glossaire. Par le prince Aug. Golizin. Paris. 1856.

Имеется перевод Relation и на немецкий язык, вышедший ранее всех других сочинений о событиях, именно в 1671 г.—в год казни Разина[1]). Есть основания предполагать, что он был сделан еще с рукописи английского автора. Он носит следующее заглавие: Kurtze doch wahrhaftige Erzelung von der blutigen Rebellion in der Moscou angerichtet durch den grossen Yerraether und Retrieger Ztenka Rasin. Emqen. 1671.

В 1674 г. в Виттенберге выходит сочинение о Разине на латинском языке. Переизданное в 1683 г.,

---

[1]) Б. Д. Грековым указан еще голландский перевод приговора от 1671 года и немецкий от 1738 г. См. новые Материалы о движении Ст. Разина. Лгр. 1927.

оно носит следующее заглавие: Stephanus Rasin. donicus cosacus perduellis publicae disquisitioni exhibitus paraeside Conrado Samuele Tchurzfleich respondente Johanne Justo Martio. Wittenbergae. 1683.

Помимо сочинений, целиком посвященных разинскому движению, описание событий дают очевидцы их, современники-иностранцы. Таковы записки голландца Иоганна Стрюйса, попавшего в Московское государство в самый разгар событий; они изданы в 1678 г. в Амстердаме по немецки: Joh. Janſz. Straussens sehr schwere wiederwertige und denkwerdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moscau, Tartarey, Meden, Persien, Túerkey, Ost-Indien, Japan und untershiedliche andere Länder. Amsterdam. Anno 1678.

Изданное в 1681 г. по-французски, это сочинение озаглавлено следующим образом: Les voyages de Jean Struys. En Moscovie, en Tartarie, en Perse aux et en plusieurs autres pays etrangères. Amsterdam. MDLXXXI. Перевод этих записок был сделан в Росссии при Петре I. [1]) Кроме того, упоминания о разинском движении имеются в отчете о посольстве Фон-Klenk'a в Московское государство в 1675—6 г. Наконец упоминает о Разине и итальянское сочинение неизвестного автора. Можно предполагать, что сочинение это современно событиям [2]).

Действительно, события связанные с возмущением Разина, ярки и богаты материалом для создания героической песни: неимущие и угнетенные встают против знатных и сильных; отправляются в дальний морской путь; приобретают богатейшую добычу; одеваются в роскошные одежды; держат в страхе представителей высшей власти и, наконец, предводитель движения принимает жестокую смерть. Глубокое социальное волнение выдвигает замечательную историческую личность. Действительно, личность Разина по-

[1]) Напеч. в Русск. Арх. 1880 г., кн. I, стр. 5. и сл.

[2]) Напеч. во II т. Nistorica Russiae monumenta, Собр. А. И. Тургеневым. СПБ 1842 г., стр. 249—278.

ражает своими необычайными свойствами. Его удивительная храбрость, презрение к смерти, непомерная физическая сила покоряет его дружину. Сам презиравший смерть, Разин презирал и страдания своих врагов.

Но к угнетенным и притесненным он милостив и щедр. Он освобождает их из тюрьмы, не принуждая итти за собой, делится с ними военной добычей, старается, чтобы всяк всякому был равен. И действительно, после персидского похода богатство его сказочное; дружина его одета в роскошные ткани, украшенные золотом и драгоценными камнями. Паруса на его судах из дорогих персидских материй, веревки из чистого шелка. И песня не преувеличивает, воспевая струги атамана:

Как по морю, морю синему,
По тому морю по Каспийскому
Завиднелась в море легка лодочка,
Не простая лодочка, раз'ездна — косна;
Хорошохонько лодка изукрашена;
Бурсым жемчугом лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена:
На корме то сидел есаул с рулем,
А в носу сидел атаман с ружьем.
Посреди лодки золота казна*).

Сила, уверенность в себе, стойкость перед лицом опасности и даже смерти возводит атамана на высоту сверхчеловека. Народные массы считают его колдуном, враги уверены, что его не возьмут ни пушки, ни ружья: атаман умеет их заговаривать, т. к. знается с нечистой силой. Вера в сношения его с нечистой силой отразилась в песнях о нем, и в многочисленных легендах, которые еще живы и в настоящее время в крестьянской среде. В творческом воображении сказителей и певцов образ Разина соединяется с образами других исторических и былинных героев; имя Разина вставляется в безыменные казачьи и разбойничьи песни. Так, по некоторым песням Стенька раз'езжает на роскошном Соколе-корабле; он оказывает помощь

*) Сб Миллера № 308 Уральск. Обл.

царю Ивану Грозному при взятии Казани; гуляет со своими товарищами—голью кабацкою—и покупает вина у целовальника не на пятьсот рублей, а на целую тысячу.

Имя Степана Разина, прикрепляясь к безыменным казацким и разбойничьим песням, не только не вносит дисгармонии в их содержание, а, наоборот,- придает им больше яркости. Так, к очень известному мотиву вещего сна в лирической песне прикрепляется имя атамана. Казак видит сон: с него спадает кунья шапка; или конь оступается под ним; или стрелы его рассыпались. Сон этот толкует то его родимая матушка, то любимая женщина, причем обыкновенно все виденные приметы предвещают смерть герою. В безыменные песни разбойников, которые просят солнце обогреть их, людей беглых, тоже очень часто вставляется имя Разина.

Таким образом, при выяснении причин возникновения, обилия и живучести песен о Разине выступают с одной стороны факты, т. е. историческая действительность, дающая начало песням, и с другой стороны явления творческой ассоциации, которая связывает образ Разина с образами других героев песенных и былинных и оживляет его именем безыменные лирические казацкие и разбойничьи песни.

II. АНАЛИЗ ПЕСЕННЫХ СЮЖЕТОВ.

По сюжетам песни о Разине распадаются на две группы.

К одной принадлежат сюжеты чисто разинские и исторические, с исторически насыщенным содержанием; к другой—песни с сюжетами чужими и безыменными, к которым в силу творческой ассоциации прикрепляется знакомое имя Разина.

На основании этого деления, к I-й группе должны быть отнесены песни об отношении Степана Разина к казачьему кругу; песни о наезде Разина на Астрахань; песни о сынке и несколько единичных песен. Во 2-ю группу войдут сюжеты контаминированные (Разин и Ермак, Разин и былинные герои) и сюжеты безыменные, притягивающие к себе имя Разина.

1. Песни об отношении Степана Разина к казачьему кругу.

Сюжет песен об отношении Степана Разина к казачьему кругу индивидуален. Содержание их порождено событиями разинского движения и понятно, более всего, казачьей среде. Записи песен об отношении атамана к кругу произведены в казачьих областях; исключение составляет лишь одна песня, записанная в Симбирске Д. А. Валуевым (Сб. Миллера № 320). Самая старшая запись этой песни напечатана в Новиковском песеннике. Остальные записи более позднего времени. Так одна напечатана в Отечественных Записках за 1848 г., две песни записаны в 90-х годах прошлого столетия И. И. Железновым; наконец, по-

следние записи сделаны сравнительно очень недавно: две записи А. А. Догадина—в 1902 году и две записи А. И. Мякутина относятся к 1903—4 годам. По содержанию и по внутренней схеме песни об отношении Стеньки Разина к кругу распадаются на две группы: 1) песни о том, как Ст. Разин не ходит во казачий круг, а думает думушку только с голью кабацкою и 2) песни о том, как атаман приходит во казачий круг.

Записи песен о неприходе атамана в круг (всего 5) произведены в губерниях: Оренбургской (1), Астраханской (2), Симбирской (1) и без указания места записи; последняя, помещенная в собрании песен Чулкова, возникла, по всей вероятности, на Дону.*) Содержание трех вариантов этой темы почти тождественно. Начинается песня запевом о том, как на Дону появился удал—добрый молодец:

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону во Черкасском городу
Породился удал—добрый молодец
По имени Стенька Разин Тимофеевич.

Молодец не ходит во казачий круг, не думает думы с казаками, а предпочитает думать ее или один своей буйной головушкой (Сб. М № 320), или с голью казацкою (№№ 288, 328, 332, 343). Некоторые варианты, изображая атамана, не идущего во казачий круг, указывают на то, что молодец посещал царев кабак, (№ 228):

Во казачий круг Степанушка не хаживал
Он с нами казаками не говаривал;
Ходил гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голытьбою.

Разин приглашает голытьбу принять участие в его походах—гулять на синем море, разбивать вражьи басурманские корабли, поехать на Волгу, потом в

*) Сб. Миллера №№ 288, 320, 328, 332, 343.

Москву, купить там себе цветное платье, взять казны сколько надобно и затем вернуться. Молодец обращается к голи:

Сударн мои, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море
гулять.
Разобьемте, братцы, басурманские корабли,
Возьмемте, братцы, казны сколько надобно;
Поедем, братцы, в каменную
Москву,
Покупим мы, братцы, платье
цветное,
Покупивши цветно платье да на
низ поплывем.

В одном из астраханских вариантов (№ 332) вместо одного молодца поется о двух братцах родимых:

В войсковую канцелярию они
мало хаживали,
С господами офицерами они
мало разговаривали.

И как в прочих вариантах, „думали думушку со своей голытьбой". Во всех вариантах атаман приглашает свою дружину погулять „на сине море", в астраханском же варианте два брата приглашают голытьбу в сухопутный поход:

Хор. Ты голытьба, наша голытьбушка,
Хор и зап. Голь наша несчастная (2 раза)
Собирайся-ка ты, голытьбушка
Наша, во единый круг
Зап. Голь, ты, во единый круг
Хор. Во едином-то мы кружечке станем думу думати (2)
Передумамши крепку думушку,
Хор и зап. Станем мы коней седлать (2)
Оседламши то своих добрых коней, сядем да поедем
Зап. Сядем да поедем мы.
Хор. Уж поедем мы за Кубань реку; там живет орда богатая.
Хор. Уж мы эту то ордыночку
Зап. и хор. Выжгем ее, вырубим (2)
Хор. Мы рогатую всю скотинушку ее всю повырежем.

Симбирский вариант несколько отличается от рассмотренных выше. Запев в нем характерен для приволжской местности (№ 320):

Разливалася в зеленых лугах
вода полая,
Потопляла у казаченьков теплы
лагери.

За запевом песня изображает воровской корабль; на корабле находится знамя и золотой бунчук; около

знамени стоит часовой, против которого задумавшись сидит атаман Степан Разин.

На стулу сидит воровской атаман,
По имени атаманушка Степанушка,
По батюшке Степанушка Тимофеевич,
По великому по фамильицу Степан Разин.

С старшинами он думушку не думает,
К казакам он, Степан Разин, в круг не хаживает;
Он думает крепку думушку с своей буйной головушкой.

Песни этой темы за исключением симбирского варианта постоянны по своему плану. Эпизоды ее намечаются следующим образом: 1) запев о том, как на Дону появляется добрый молодец, Стенька Разин; 2) отрицательное его отношение к казачьему кругу или к войсковой канцелярии; 3) приглашение атаманом голи принять участие в его походах.—Главный момент, о котором поет песня—отрицательное отношение Разина к казачьему кругу и его желание быть заодно с голытьбой. Расхождение Разина с кругом есть расхождение партии разинцев—неимущих голутвенных казаков—с партией Яковлева, партией оседлых и зажиточных собственников. Имея в своей основе глубокие социальные корни, оно начинается уже с того момента, когда Корнило Яковлев в 1667 г. отклонил намерение разинцев итти на Крым и атаман с дружиной отправился на Волгу. Действуя самостоятельно, Разин появляется в Черкасске лишь в исключительных случаях и на очень короткое время. Так, когда на Дон приехал в 1670 г. Герасим Евдокимов с грамотой от государя и с тайной инструкцией проведать о намерениях Разина, Яковлев собирает круг, чтобы обсудить грамоту. Разина на это собрание не приглашают Но он сам через 2 дня приезжает в Черкасск и расправляется с Евдокимовым, найдя, что решение круга было неправильно. Когда же намерения Разина окончательно определились, когда разинцы с оружием в руках начали брать один город за другим, казачий круг признал перед Московским правительством свое

отрицательное отношение к ним; партия Яковлева окончательно отмежевалась от них. Следовательно. песня, изображая отрицательное отношение Разина к казачьему кругу, поет о действительном событии из жизни его. Разин в самом деле не ходил во казачий круг, а советовался только со своими приверженцами.

Важную роль в песнях о неприходе атамана в круг играет голытьба. Атаман дает ей нежные, ласкательные названия: голытьбушка, голь моя, сударь мои, голь кабацкая... Действительно, чувствуя себя отчужденным от кармазинных казаков и их круга, Разин с любовью относится к „голутвенным людям", как их называют акты, людям, у которых нет собственности, которые не знают, что они будут делать и куда пойдут завтра. Голутвенных людей атаман приглашает погулять на кораблях по синю морю, пограбить богатую орду, обещает им цветное платье и казны в том размере, „сколько надобно". Перспективы, рисуемые атаманом своей дружине, повторяются, почти слово в слово, во всех вариантах; они согласны с действительными обещаниями, которые давались и исполнялись Разиным. Самое движение является живым осуществлением этих обещаний. Историческая основа сквозит также и в упоминании некоторыми вариантами „каменной Москвы", как конечной цели странствий казаков. Мечта разинцев была добраться до Москвы и установить там порядок, наказав знатных и мочных людей; с другой стороны, и Москва всегда старается быть осведомленной о действиях Разине.

Царев кабак, куда заходит атаман, вместо того чтобы итти во казачий круг—тоже отражение действительности. Вино являлось необходимым условием для счастья разинцев, их удачи, покойного отношения к своей дальнейшей судьбе. Но, по мнению властей, оно оказывало на разинцев нежелательное действие, почему воевода астраханский, кн. Прозоровский, неоднократно предупреждает воевод Царицынского и Черноярского, чтобы те распорядились не давать разинцам

много вина. „А на Черный Яр и на Царицын к воеводам писали, чтоб от казаков Стеньку Разина с товарищами в городы не пускали и вина им продавать не велели, чтоб у них тех городов, сел с жилыми людьми ссоры и никакого дурна не было"*). Царицынский воевода принял во внимание это предупреждение и распорядился продавать вино к приезду разинцев вдвое дороже. Это вызвало взаимные неприятности: „С Андреем Унковским (читаем в одной из грамот астраханского воеводы к государю) Стенька Разин бранился за то, как де они казаки из Астрахани пришли на Царицын, и Андрей де велел с кручного двора вино им продавать перед прежнею ценою вдвое"**).

Исторические штрихи, проступающие в песнях о неприходе, убеждают, что содержание их глубоко реально и согласуется с обстановкой событий времени Разина. Сюжет песен близок и понятен определенной среде населения, именно казакам: на Дону, в Черкасске, столице Донской Области, появляется удалой казак Ст. Разин. Он игнорирует орган управления казачьим войском — казачий круг. Он приглашает своих приверженцев в поход. Географическое распространение песен определенно и ограничено только казачьими областями. Песни этой темы не разнеслись повсюду, как некоторые другие песни о Разине: их нет ни на Волге, ни в Центре, ни в Сибири. Единственный вариант, записанный в Симбирске, неточен и неустойчив по своей внутренней схеме, в то время, как содержание остальных вариантов очень постоянно. Нельзя не допустить, что песни данной темы не заносились в другие местности, хотя бы соседние с казачьими областями,—они просто не сохранялись там, т. к сюжет их был чужд и далек новой среде. События, воспеваемые песнею, точно локализированы и прикреплены к

*) Попов. Материалы, стр. 43.

**) Попов. Материалы, стр. 46.

Донской Области. Все варианты начинаются одинаково: „У нас то было на батюшке, на тихом Дону, на тихом Дону, во Черкасском городу"... Близкое и понятное определенной среде содержание, его точная локализация, строго ограниченное казачьими областями географическое распространение песен,—все это дает право сказать, что песни этой темы зародились и живут в казачьей среде. Местом их возникновения была Донская Область, район Черкасска, где собирался казачий круг. Вблизи Черкасска находился и городок Разина—Кагальник. Возникнув на Дону, песня переносится на Яик и в Астраханскую губернию, куда приезжал Разин, и сохраняется там в благоприятной среде. С образованием Оренбургского войска из казачьих полков с Камы и Волги, песня о неприходе переносится в Оренбургскую губернию. Из Донской области она исчезает. заменяясь новыми песнями более позднего времени*).

В какой именно среде возникает песня о неприходе? Разинская ли дружина складывает ее или зарождается она у оседлых казаков, как поэтический отклик на разинские события, прозвучавший post factum? Имеющиеся налицо песни поются от имени оседлых казаков, т. е. от стороны противной Разину. Во всех полных вариантах поется, как Разин „с нами казаками думушку недумывал", а приверженцы Разина выставляются, как чуждая сторона. Возможно, что эта песня есть переработанный остаток первоначальной песни, сложенной разинской дружиной и распевавшейся ею. Но эта первоначальная песня не дошла до нас. С течением времени, когда вражда сторон и события, воспеваемые в песне, утрачивают остроту, теряют свое реально-ощутимое значение, личность героя отходит от современности, подвергаясь даже в среде противников поэтической идеализации. Таким образом возникает рассматриваемая выше песня о неприходе.

*) См. Листопадов Казачья песня на Дону.

Однако она не остается в том виде, как складывается. Эволюцию ее текста можно заметить, всматриваясь в ее композиционный строй. Одним из этапов переработки данного сюжета (как Ст. Разин не идет во казачий круг) является астраханский вариант о двух братьях. Здесь песня изображает не одного молодца, а двух братьев, которые не ходят в войсковую канцелярию. Содержание эпизода—приглашение дружины в путь—тоже иное. Они не предлагают своей дружине садиться в легкий кораблик и выплывать на сине море, но призывают ее седлать коней и ехать за Кубань-реку, где живет орда богатая, чтобы там от нее поживиться добычей. Схема песни та же, но содержание эпизодов изменено. По мнению В. Ф. Миллера, песня о двух братьях имеет в виду двух братьев Разиных, Степана и Фрола, которые в самом деле действовали вместе. Но следует отметить, что во всем разинском репертуаре нет упоминания о брате атамана. Астраханский вариант в данном случае единственный. Песня о двух братьях записана А. А. Догадиным в Астраханской губ. в 1902 г. В сборнике Листопадова и Арефина, составленном в 1902—3 году из песен донских казаков, находим почти тождественную песню о двух братьях Боярченковых (№ 19, стр. 38):

„Два брата Боярченковы ай в войсковуя они канцелярию совсем редко хаживали,
Ай с господами они офицерами совсем мало думали, мало думали,
Ай совсем мало думали, думали; ей они думушку крепко думали
Сы своей голыдьбою, ай сы своею голыдьбою (2)

Далее следует приглашение голи в поход:

Ах ты голыдьба наша, голыдьбушка, голь наша несчастная, ты несчастная
Ай голыдьба несчастная, ей, собирайся ты, наша голыдьбушка,
Вы большой казачий, вы казачий круг; ей, да вы думайтя крепку думушку,
Думу за единою, за единою, ай думу за единою.

Ай передумамши крепку думушку станем мы коней седлать, мы коней седлать.
Ай оседламши мы своих добрых коней седлами черкассками, все черкассками,
Ай седлами черкасскими, все черкасскими Ей поедем мы с вами на-й-охотушку,
Братцы, за Кубань-реку (2), ай, братцы, за Кубань-реку. за Кубань-реку.
Ай вы тою то мы, братцы, с'ездим ка вы орду богатаю, вы богатаю.
Ах мы захватим у этой ордюки то коней много тысячей (2).
Ай коней много тысячей; ое да прогоним мы этих лошадушек к городу (2) Черкасскому
Ай кы тому ли братцы к атаманушке, к славному Иловайскому (2).

Таким образом, в астраханском варианте о двух братьях наблюдаем перерождение песен о неприходе Разина во казачий круг. Сохранилась схема разинской песни, но содержание эпизодов изменилось и приобрело черты позднейших казацко-разбойничьих песен, м. б. песен об Иловайском. Как следствие эволюции, находим вместо одного героя разинской песни—двух братьев, штрих, который не вносит дисгармонии в действительную биографию Разина, но, думается, не принадлежит содержанию чисто разинских песен. Казачий круг разинских песен заменился названием более позднего по времени учреждения—войсковой канцелярии; приглашение голи гулять по синю морю и по Волге (что находим в разинских песнях), заменилось приглашением седлать коней и отправляться по сухому пути за добычей.

Итак песня о неприходе складывается уже после разинских событий; она не современная им. Ее несовременность звучит в ее тоне, любовно-спокойном по отношению к Разину: тоне, который едва ли мог быть у оседлых казаков в момент самого движения. Должно было пройти известное время, стереться острота событий, утихнуть страсти. С течением времени песня подвергается переработке в сторону стирания исторических черт. Песня утрачивает историческое имя и

превращается в безыменную (песня о двух братьях). Но эта последняя дает жизнь новой песне, притягивая к себе более поздние имена (песня о двух братьях Боярченковых).

Песни о том, как Степан Разин пришел во казачий круг составляют особую группу и являются одним из дальнейших видов переработки песен о неприходе. Напечатанных записей песен этой темы—4*): одна запись из Оренбургской губ. и три из Уральской области. Три варианта начинаются почти тождественно; именно описанием воровского корабля, который стоит на взморьице; на карабле находится золотой бунчук, развевается знамя; около знамени—часовой (289):

„Как на морьице, на взморьице
Стоял воровской карабль;
На караблике стоял раскрашен чердак,
Во чердакушке стоял золотой бунчук;
Во бунчукушке стоит царско знамечко;
У знаменушки стоял часовой с ружьем".

Начало 3 вариантов одно. Но далее в оренбургском варианте замечается некоторая путаница: часовой оказывается самим Разиным, ему 17 лет:

„У знаменушки стоял часовой с ружьем,
Он не стар не млад лет 17;
Да по имечку звать Степанушкой,
по прозванию Стенька Разин сын".

Содержание других вариантов более осмыслено. Атаман и часовой не одно и то-же лицо. Против часового сидит сам атаман, задумавшись и опустив голову (310):

„Супротив того караульщика
Раздвижной стоит деревянный стул;
На том стулике пригорюнившись,
Сидит голову повесивши,
Удалой казак Стенька Разин сын.

Стенька Разин, прежде не ходивший во казачий круг, теперь пришел в него:

„А дотолева наш Степанушка
Во казачий круг сам не хаживал
И с казаками крепкой думушки
Братски в те поры не думывал,
А теперево наш Степанушка
К казакам в кружок, гляди, сам взошел № (310).

*) Сб. Миллера №№ 289, 307, 310, 312.

По оренбургскому варианту (№ 289) атамана беспокоит вопрос о зимовке. Разин во кружок взошел и речь возговорил: „Да где же мы, братцы, зимовать будем—на Яикушке, или на восход пойдем“. Мотив беспокойства о зимовке постоянен в ермацких песнях о выборах атамана. Содержание 4-го в-та значительно длинее остальных. В начале этого варианта, вместо описания воровского карабля, как в остальных вариантах, имеем короткий запев и затем описание необычайных обстоятельств рождения атамана от благочестивой вдовы (№ 307).

„У нас то было на батюшке, на тихом Дону.
Во славном было городе у нас во Черкасске*).
Жила-была у нас тут благочистивая вдова.
Не имела то она, братцы, бескорыстного греха.
А нынче вдова себе сына родила“.

Когда родился Разин, пошла слава по всему тихому Дону. Ребенка с'ехалось крестить все духовенство „нарекали ему имечко Степанушкою“. Затем следует часть, тождественная во всех вариантах: именно выясняется отношение атамана к кругу:*)

„Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте.
Как мил-ясен сокол стал на возлете.
Дотолева Степанушка в круги к нам не хаживал.
Крепку думушку с казаками не думывал.
А ныне и Степанушка в кругу стоит,
С казаками крепку думушку он думает“.

В противоположность остальным вариантам, которые обрываются на моменте прихода Разина в круг, в этом варианте содержание развивается. Атаман приглашает казаков сопровождать его в походах,—(сходство с эпизодом приглашения погулять по синю морю в песнях о неприходе). В данном варианте атаман приглашает дружину сесть в легкие корабли и поехать за добычей. Дальнейшее содержание песни ново: его

*) В примечании собиратель говорит: „Иные казаки вместо Черкасска упоминают г. Владимир“. Следов., ему были известны еще варианты этой песни, к сожалению, им незаписанные“.

нет в прочих вариантах. После приглашения дружины ехать гулять по синю морю, атаман предлагает ей ехать к царю с повинною и отвезти ему драгоценные подарки:

„Поедемте, ребятушки, к царю с повинною,
Повеземте с собой, братцы, топор-плаху,
Повеземте, братцы, царю дары драгоценные:
Серебро, злато и каменья самоцветные".

Затем перечисляются предполагаемые вопросы царя:

Уж вы гой еси, молодые карабельщики,
Степана Разина все согласнички,
Скажите Вы мне правду-истину:
Где Вы были, где все ездили...

Отвечая на вопрос царя, казаки рассказывают ему о своих странствиях, просят о прощении вин, просят отпустить их на Яик—реку. Затем исполнитель, как бы от себя, заканчивает песню перечислением тех местностей, где бывали казаки: город—Гурьев, Волга—река, Узень—река, Яик—река... Схема песен о приходе Разина в круг проста: 1) описание воровского корабля, 2) атаман приходит во казачий круг, 3) приглашение дружины сопровождать его в странствиях. В уральском варианте 3-я часть имеет свои подразделения. Песня изображает приход атамана во казачий круг, подчеркивая то обстоятельство, что он ранее туда не хаживал.

Эпизод прихода Ст. Разина в круг, изображенный в песне, основан на искажении исторической действительности. Основанием для этого могло служить то обстоятельство, что дружина Разина имела казацкое устройство, и дела решались по приговору круга. Фантазия певца позднейшего времени изображает Разина пришедшим во казачий круг (по всем данным к кармазинникам), т. к. атаман, действительно, собирал круг из своих дружинников. Реальное содержание песни забылось; уже стало возможным появление Разина в кругу кармазинных казаков и как бы примирение с ними и совместные действия. Вариант

из уральской области, записанный Железновым, наиболее длинный из всех вариантов данной темы. Он содержит некоторые исторические штрихи, но они не имеют органической связи с сюжетом песни. Присутствие их в данной песне может быть об'яснено поздним происхождением ее. Кроме того, некоторые вставки в этом варианте могут быть об'яснены суб'ективными особенностями певца. По словам собирателя, исполнитель знал множество песен, легенд и преданий, связанных с местным краем, известны ему были также и былины. Так запев этого варианта свидетельствует о знакомстве певца с былинами, в частности с былинами о Вольге. Приглашение атамана ехать к царю с повинной и просьба о прощении вин—есть эпизоды из песен о Ермаке. Просьба казаков отпустить их на Яик—реку должна быть рассматриваема, как вставка мотива о пожаловании казаков землею. Мотив о милостях царя и наградах—мотив, имеющий за собой многочисленные исторические факты. Он очень распространен в песнях о Ермаке. Схема построения песен о приходе Разина во казачий круг не принадлежит исключительно этому сюжету. Первый эпизод, описание казачьего корабля, стоящего на Каспийском море, не прикреплен к песням о приходе. Его встречаем в песнях других тем, напр., в песнях о вещем сне, в песне о девушке, захваченной в плен разбойниками. Эпизод прихода атамана в круг есть позднейшая переработка. Действительный образ Разина забылся. Третий эпизод—приглашение атаманом дружины в поход—тоже не присущ песням рассматриваемой темы,—он принадлежит песням о неприходе. В уральском варианте—встречаем вставку в песню о Разине эпизодов из песен о Ермаке. Как следствие хорошего знакомства певца с уральским краем, должны быть рассматриваемы и топографические указания певца на места, где побывали казаки. В композиции песен о приходе Ст. Разина в казачий круг замечается лишь эпи-

зод прихода, который характерен для темы. Но он мог возникнуть лишь в пору позднейшую. Остальные эпизоды не имеют неразрывной связи с основным. Также мы не имеем старых записей песен о приходе. Все эти обстоятельства заставляют утверждать, что песня о приходе возникла в позднейшую пору, может быть, весьма близкую к нашему времени.

Рассмотрение песен об отношении Стеньки Разина к казачьему кругу проясняет путь их эволюции. По всей вероятности, первоначально создается в среде самих разинцев не дошедшая до нас вольная песня о том, как Ст. Разин не идет во казачий круг, а имеет дело лишь с голытьбою. Затем, когда уже стирается острота событий, она переходит в широкие массы казачества и распевается как бы от лица чуждой разинцам среды (от лица представителей того казачества, которое участвовало в круге кармазинников). Эта песня с течением времени все более и более забывается и, отмирая в точной своей передаче, порождает новые песни, соединенные с казацко-разбойничьими (такова песня о двух братьях и их мечтах о сухопутных походах); или же перерождается в сторону окончательного забвения реального образа вольного атамана, и таким образом возникает песня о приходе Разина в казачий круг.

2. Песни о наезде Ст. Разина на Астрахань.

Этим названием может быть об'единен круг песен, главным моментом которых является наезд Ст. Разина на Астрахань. По содержанию песни этого круга разделяются на 2 группы: 1) собственно песни о наезде и 2) песни войска, посланного захватить Разина, подплывающего к Астрахани. Ту и другую группу об'единяет один и тот же фон, на котором развертывается действие, а также некоторые общие эпизоды. Собственно песен о наезде—известно 5 вариантов. Самый старший по времени записи, напечатанный в песеннике Трутовского, наиболее богат историческими штрихами. Содержание его следующее.

Что-то зачернелось на Волге: это струги Ст. Разина с белыми тонкими парусами:*)

Что да на на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге Черноярские стружечки,
Забелелися на мачтах тонкие белые парусочки.

Степан Разин предлагает своей дружине грести со всею силою, чтобы возможно скорее и незаметнее пройти мимо поволжских городов:

Что не черный ворон гаркнул, то возговорит Стенька Разин:
„Ох вы гой еси, казачье наше вольное собранье.
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалейте,
Нам бы Астрахань город ополночь пробежати,
Черноярский городочек, что на утренней заре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал.

Струги атамана замечает черноярский воевода. Воевода приказывает звонить в большой колокол, чтобы снаряжались пушкари и стрельцы огнем встретить появившиеся суда. Но Ст. Разин гордо заявляет вое-

*) Сб. Милл. № 340.

воде, что он не боится его приготовлений: его не тронут пушки, не возьмут ядра:

И вы пороху не теряйте, и снарядов не ломайте:
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет.

Далее песня изображает расправу атамана с воеводой: он бросает воеводу с раската и вешает его детей:

Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великого раскату воеводу долой сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

Точный вариант этой песни записан (в 1896 г.) Пальчиковым в Уфимской губернии. Содержание его одинаково с приведенным выше, за исключением финала, который отпал, несомненно, по условиям цензуры. Две записи из Саратовской губ. потеряли свою историческую яркость: здесь изображается Ст. Разин, приставшим к берегу: *)

„Как черненький ярок прогребали, прогребали,
Как к Астрахани городу под'езжали, под'езжали,
К Астраханскому мы городочку, городочку,
Ко желтому мы ко песочку, ко песочку...

Атамана узнает не воевода, как в остальных вариантах, а два солдата:

„Ой да вот никто же Стенюшку не узнает
Никто Стенюшку не узнает не признает,
Как признавали Стенюшку два солдата,
Преображенского полку два офицера".

Песни второй группы поются от лица войска, посланного воеводой захватить Разина. Из трех вариантов этой песни, которые известны, два записаны в различных очень далеких одна от другой местностях (именно в губерниях Смоленской и Енисейской); третий вариант напечатан без указания места записи. Начинается песня с запева, в котором войско, посланное против Разина, обращается к горам и просит позволения постоять под ними—переночевать одну ночь:

„Одну ноченьку нам ночевати—пуль пороху набирати [2].
Пушки-ружья заряжати—Стеньку Разина стреляти.

*) Сб. М. № 325, 326.

Однако войско видит, что на Волге появляются суда атамана. Далее песня передает эпизоды, общие для всей группы песен о наезде на Астрахань: появление судов атамана и его вызывающие, бесстрашные слова. Уверения атамана, что он не боится, имеют несколько иной смысл в песнях войска. Атаман заявляет, что он ничего и никого не боится, кроме девки-Астраханки, Маши или Машки, по некоторым вариантам.

„Никого я, Стенька Разин, не боюся,
Никого я, братцы, не страшуся, опричь Астраханского городочку.
В Астраханском городочку живет девка Машка.
Ко всему та девка меня научила, научила девка приучила,
С добрыми молодцами гуляти, из огненных ружей стреляти".

В варианте из Смоленской губ. выставляется более ясная любовная мотивировка власти Астраханки над атаманом. Он говорит:

„Мяне пушичка ня вобьеть, мелкая ружичка ня возьметь,
А только вобьеть и возьметь адна—деука Астраханка,—
Вот она мяне ссушила и живот-сердце сукрушила".

Третий вариант (Сб. М. № 350) изображает самый захват Разина благодаря чарам девки-Астраханки:

„По бережку Маша ходит, шелковым платком машет;
Шелковым платком махала, Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила, к себе в гости заманила,
За убран стол посадила; пивом-медом угостила и до пьяна напоила,
На кровать спать положила и начальству об'явила".

Приходят солдаты, и атаман схвачен:

„Что сковали руки-ноги железными кандалами.
Посадили же да Стеньку во железную во клетку.
Три дни по Астрахани возили, три дни с голоду морили".

Но Разин избавляется от беды чудесным образом:

„Попросил же у них Стенька хоть стакан воды напиться и во клетке окатиться.
Он во клетке окатился и на Волге очутился".

Во всех песнях изображается приближение Разина к Астрахани или как главный момент или как подчиненный. Гордые слова атамана входят, как отдельный эпизод, во все варианты, кроме двух Саратовских; также изображаются приготовления в Астрахани для встречи Разина.

Содержание собственно песен о наезде распадается на 5 эпизодов: 1) запев и появление стругов Разина, 2) предложение атамана дружине грести со всею силою и соблюдать осторожность, 3) суда атамана замечены воеводой или двумя офицерами (эпизод, на котором кончаются три варианта №№ 325, 326, 344), 4) гордый ответ атамана; 5) умерщвление воеводы—финал, имеющийся в единственной, самой старшей записи. Внутреннее построение песен войска близко к приведенной выше схеме песен первой группы (о наезде). Песни войска содержат следующие эпизоды: 1) запев; 2) войско, посланное против Ст. Разина; 3) гордые слова атамана; 4) власть девки-Астраханки над ним и надстройка одного из вариантов—захват атамана с помощью хитрости Астраханки и чудесное избавление его. Содержание песен первой и второй группы, кроме одинакового фона, имеет общий эпизод—гордый ответ атамана. Эпизоды первой группы: появление стругов Разина, предложение его дружине торопиться и соблюдать осторожность—находим в измененном виде и в песне войска. Например, в одном из вариантов (№ 300 Енисейской губ.) войско, посланное против Разина, замечает появление стругов атамана и таким образом содержание этого эпизода приближается к 1-му эпизоду группы песен о наезде; осторожность в пути мимо городов, чтоб никто не увидел и не услышал, приписана войску. Различие между песнями той и другой группы в том, что песни войска скорее лирические по содержанию; кроме того в них появляется новое действующее лицо—Астраханка.

Песня о наезде поэтически отображает настроение и события в Астрахани до перехода этого города

в руки разинцев. Астрахань являлась самым крупным окраинным городом во время движения Разина. Московское правительство видело в нем опорный пункт против казаков и беспокойного кочевого инородческого населения степей по обоим берегам Волги, и со стороны моря. Поэтому в многочисленных грамотах из Москвы астраханским воеводам предписывается жить „с великим береженьем". С другой стороны правительство высказывает астраханским воеводам пожелания активных выступлений против беспокойных соседей и казаков. Так, в грамоте государя астраханским воеводам от 3 июня 1667 года читаем: „...И будет где те воровские казаки об'явятся, и на них посылать для промыслу служилых людей, а тем нашим служилым людям ходить на тех воровских казаков свестясь и над ними промысл чинить по нашему великого государя указу, чтоб однолично казаков с Волги сбить и на море не пропускать" [1]). Действительно, опасное положение Астрахани, как пограничного города, налагало на воевод большую ответственность. Благодаря отсутствию достаточной энергии в действиях против казаков, был смещен астраханский воевода, кн. Хилков и на его место назначен кн. Прозоровский. Астрахань встречается на пути казаков с самого начала их движения: то плывут они мимо города по самой Волге, то по одному из ее протоков. И песни, изображая атамана, плывущего к Астрахани на стругах, отражают действительные события разинского движения, повторявшиеся неоднократно. Однако, несмотря на желание Московского правительства и местных властей отвратить события, Астрахань более всех остальных городов пострадала за время возмущения. Часовые и войско, о которых поет песня, которым приказано наблюдать с высокой башни за появлением судов на Волге, действительно расставляются всякий раз, когда Разин с дружиной находится вблизи Астрахани. В августе

[1]) Акты Историч. т. IV, 378.

1669 г., когда Разин снова должен появиться в Астрахани, воевода астраханский, еще более усиливает охрану и разведку, с целью не пропускать судов атамана и не быть застигнутым врасплох. Кроме того, он высылает против разинцев в море рать под начальством кн. Львова, чтобы в случае необходимости оказать им вооруженное сопротивление. Когда же намерение разинцев взять город становится очевидным, воевода принимает высшие меры предосторожности: „Болярин же в то время укрепляше градные врата кирпичем, по стенам же и по башням повеле расставить пушки и людей всех разводя по бойницам и по стрелницам ради осады, и иноземцев всяких земель на стену ради бою постави". [1]) Чем ближе подходило время открытого наступления разинцев на город, тем серьезнее были приготовления астраханцев. Так, накануне взятия города воевода, с близкими ему людьми „убрався с своими держалниками и со всеми дворовыми людьми в ратную сбрую и веле перед собою вести простых коней под покровы и бить едучи тулунбасы и трубы трубити поход и поиде с головы стрелецкими и со дворяны и с детьми боярскими, сотники стрелецкими и под'ячими в Белый город к Вознесенским воротам, где чаять их воровскому быти приступу"... [2])

Возможно, что песни о войске, идущем стрелять в Стеньку Разина, отразили действительные события перед взятием Астрахани. Мочные люди защищались против голытьбы. Песня, самая старшая по записи, в финале сохранила краткое указание на расправу Разина с воеводой и его детьми:

Действительно, печальна была судьба астраханского воеводы, кн. Ив. Сем. Прозоровского и его детей. Тяжело раненый, он был сброшен с раската, а его два сына были повешены головою вниз. Указания на их судьбу имеем и в летописи, и в Relation и в других до-

[1]) Попов. Материалы, стр. 249.
[2]) Попов. Материалы, 250.

кументах по истории возмущения. Наибольшее подробно на этом факте останавливается астраханская летопись*).

Все песни рассматриваемой группы имеют эпизод, вызывающего заявления Разина о том, что его не тронут пули, не возьмут ядра. В этом случае мы не находим различий между отдельными песнями, за исключением двух Саратовских записей, которые имеют иной финал—именно узнавание Разина двумя офицерами. Мотив чародейства встречается и в других темах разинских песен. Так одна из песен (Сб. Миллера, 284) изображает, как атамана, уже пойманного, не могут связать. В одном из Оренбургских вариантов песни о сынке изображается чудесное избавление Разина из тюрьмы. В песнях о наезде (Сб. М. 350), атаман, уже схваченный и посаженный в тюрьму, просит стакан воды напиться, обливается ею и переносится на Волгу. Среди легенд о Разине очень распространена легенда как атаман, сидя в тюрьме, рисует на полу мелом или углем лодку, и этого ему достаточно, чтобы очутиться на Волге в действительной лодке. Ал. Соколов в статье „Русские морские песни", приводя несколько песен о Разине и между ними песню о сынке, пишет: „В другой, слышанной мною подобной песне, сын Стеньки Разина, сидевший в темнице, рисует на стене углем лодку, приглашает товарищей садиться в нее и спокойно выплывает на Волгу!**) Действительно, у современников сложилось о Разине мнение, как о сверхчеловеке, которому помогает какая-то таинственная, по всей верятности, нечистая сила. Отражение этого убеждения попало и в документы, современные эпохе. Так в одной из грамот к государю Симбирский воевода, кн. Иван Дашков пишет.... „донские казаки атаман Стенька Разин, да есаул Ивашко Черноярец, а с ними

*) Сказание Летописи о граде Астрахани. Попов. Материалы, стр. 252—255.

**) Морской Сборник 1854 г. июнь, стр. 118.

1000 человек да к ним же пристают Волские ярыжки, караван астраханской остановили выше Царицына, а как они воры мимо Царицына Волгою плыли и с Царицына де стреляли по них из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил, а стояли от города в 4 верстах и присылали они на Царицын ясаула, чтоб им дать Льва Плещеева да купчину Кызылбашского и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть, а дал им он, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пищаль, ни сабля, ништо не возьмет и все де войско они берегут". *)

Современники были уверены, что никакая цепь не могла удержать Разина. Из опасений чудесного бегства, после ареста, Разина сковывают цепью предварительно освященной и содержат в церковном притворе. Мотивы о чародействе, приверженности, нечистой силе, способности чудесным образом избавляться от опасности, бессилие пушек и ружей перед ним— встречаются во всех преданиях о Разине. Отражаясь в легенде, эти мотивы, естественно, могли войти и в песню.

Три песни о войске, идущем схватить Разина, упоминают о девке Астраханке, Маше или Машке. Биография Разина не упоминает этого имени. По историческим данным известно, что Разин был женат, имел детей и был привязан к семье, что подтверждается его стремлением соединиться с ней, когда обстоятельства разлучали их. Однако существование таинственной Астраханки, взявшей такую власть над атаманом, может и не противоречить действительности. Факт упоминания ее имени, во всех вариантах точно приуроченного к Астрахани (даже в таких отдаленных как губерния Енисейская и Смоленская), говорит, скорее за существование действительного лица. Имя этого лица вошло в песню о самом крупном астраханском событии времени Разина.

*) Выписка из дела о Разине, сообщенная из Казанского Приказа в Посольский Приказ. Попов. Мат., стр. 23.

Итак, в песнях отразились астраханские события времени возмущения Разина: неоднократно повторявшиеся проезды разинцев мимо Астрахани, их осторожность и стремление пройти мимо города незамеченными: с другой стороны испуг и смятение астраханских воевод, их меры против восставших—усиление караулов и высылки войска. Эти моменты составляют исторический фон песен. Ввиду частой повторяемости и отсутствия единичных признаков, события эти не могут быть отнесены к определенной дате. Их можно определить лишь периодом времени от 1667 до 1670 года. Большею историческою насыщенностью обладает песня о наезде из песенника Трутовского. В ее финале изображается расправа с воеводой, событие определенной даты (22 июня 1670 г.). Но конечно, меры предосторожности астраханских властей хотя и принимались всякий раз, как Разин проезжал мимо Астрахани, но приготовления эти конечно были гораздо интенсивнее и серьезнее перед последней осадой города. Поэтому имеет право на существование утверждение, что песни о наезде сложились на фоне всех астраханских событий 1667—1670 г., но более всего отразили собой события второй половины июня 1670 г., т. е. время перед окончательном взятием Астрахани.

Песни о войске, посланном астраханским воеводой, могли отразить собою историческое событие определенной даты. Перед взятием Астрахани была послана астраханским воеводой на встречу Разину рать, под начальством кн. Сем. Львова, которая передалась на сторону восставших: ... „а которые Наши Великого Государя служилые люди были посланы из Астрахани на него вора Стеньку Воеводою с князь Семеном Львовым и те Астраханские служилые люди Нам Великому Государю изменили и приложились к нему вору, и Воеводу князя Семена Львова отдали ему вору, а начальных людей и Московских стрельцов побили и в воду пометали"*).

*) Свод Законов Р. И. № 480, стр. 847.

Песни войска по своему размеру, содержанию и настроению очень близки к песням молодцев (разинцев), грустящих о потере своего атамана.

(Приводим их параллельные тексты:)

Песня войска (Сб. М. № 300).

Уж вы горы, ли, вы мои горы,
горы Сиевы.
И Сиевы вы, горы, горы Змиевы,
Вы позволь-ка те горы, под
собой постояти—
И не годик нам, горы, под вами
годовати,
Одну ноченьку ночевати, одну
ноченьку нам ночевати,
Пуль-пороху нам набирати (2)
Пушки-ружья заряжати, пуш-
ки-ружья нам заряжати,
Стеньку Разина стреляти.
Вы подика те, братцы-ребята.
На высокую крутую гору, по-
смотри-ка-те братцы-ребята,
Вниз по матушке да по Волге.
Как на матушке да на Волге.
Не черняночки чернеют, зачер-
нелися на Волге
Легки дубовы стружечки, забе-
лелися на Волге
Тонки белы парусочки.

Песня разинцев (Сб. М. № 301).

Горы, горы, горы крутые, вы
горы Змеевы.
Вы позвольте, горы, горы по-
стояти,
Нам не годик здесь годовати,
одну ночку ночевати,
И тою всю не спати, пуль—по-
роху набирати,
Пушки—ружья нам заряжати,
Во чисто поле стрсляти,
Стеньку Разина на встречати,
На Петровском на лужечке
Все майданики запустели
Все несчастные приуныли:
Стеньки Разина вот у нас не
стало.
Мы пойдем те ка, ребята,
В белокаменны палаты.
Ах да из палатушек посмотрим
Вниз по матушке да по Волге.
Да по широкой славной долгой:
Не белым бело на ней забелело,
Не черным черно зачернело,
Забелели то тонки парусочки.

Далее в песне следуют гордые слова атамана, что он не боится ни пушек, ни ружей, а признает над собой власть только девки-Астраханки. Совершенно тождественное начало имеем и во втором варианте этой песни (песни Киреевского, вып. 7-й стр. 141—143; тоже в Сб. М. № 350. Как видно из приведенных текстов,

песни войска и данные песни разинцев очень близки. Начало их совершенно одинаково, только слово „встречати" (песня разинцев) заменено в песне войска словом „стреляти". Эта замена изменяет весь смысл песни. Если отбросить лирическое отсупление разинцев, о том, что они лишились атамана,—то песни будут совершенно тождественны до эпизода гордого заявления атамана, что он не боится пушек и ядер, а признает только девку—Астраханку. Причина сходства содержания этих песен может иметь и историческое об'яснение: именно ненадежность астраханских стрельцов, которые скорее являлись разинцами, чем войском, идущим против Разина. М. б., этим обстоятельством и об'ясняется та лирическая окраска песен войска, которая свойственна песням разинцев. Возможно предполагать, что песня, войска—самостоятельно создавшаяся песня, имеющая своим историческим фоном многочисленные высылки стрельцов против разинцев, и частые случаи их перехода на сторону Разина. Предположение это потому кажется нам вероятным, что содержание, действующие лица и схема песен войска вполне самостоятельны и постоянны.

Время возникновения песен той и другой группы трудно определить точно, но правдивость изображения исторических событий говорит за то, что песни о наезде создались во время весьма близкое изображаемым событиям. Место создания песен—район нижней Волги, по всей вероятности, Астрахани.

Нежные эпитеты и ласковый тон по отношению к атаману, в чем сходятся все варианты, дает право думать, что песни о наезде на Астрахань первоначально сложились в среде самих разинцев, близких атаману. Они воспевали события, которых были непосредственными свидетелями. Песни отобразили наезды Разина на Астрахань, взятие города, расправу с астраханским воеводой, отобразили необыкновенную мощь

атамана, передали настроение и отношение к атаману в правительственных отрядах, высылаемых против восставших. Сравнение вариантов доказывает, что схема содержания и расположение эпизодов песен о наезде устойчивы. Однако и эволюция песен на лицо. Эпизоды теряют историческую яркость; старейшие из вариантов, с эпизодом расправы Разина с воеводой, уже именуют астраханского воеводу—Черноярским, изменение, которое могла допустить песня лишь тогда, когда утратилось уже прикрепление события к определенному лицу и месту. В двух саратовских вариантах наезд Степана Разина на Астрахань утратил свой реальный смысл. Он превращается в прогулку, гулянье:

„Ох, как в одном то стружечке сам Степан гулял,
Да не один Степанушка гулял—со всем со с прибором,
Со с прибором Степанушка гулял со друзьями"... (Сб. М. №№ 325—326).

Момент узнавания Разина воеводой или астраханцами, полный глубокого исторического смысла, сохраняется тоже лишь в виде глухого намека,—Разина, гуляющего на стругах по Волге, узнают два офицера преображенского полка. Внутренний смысл и мотивировка песни уже утрачены. Эпизоды гордого ответа и расправы с воеводой—исчезли совершенно. Потускнение, иногда доходящее до затемнения и потери смысла, замечается и в песнях войска. Утратив исторические штрихи, песня вбирает бытовые, которые иногда разрастаются в целые эпизоды. Таков эпизод—поимка Разина благодаря девке-Астраханке, которая его „ссушила". Эпизод чудесного избавления атамана из тюрьмы с помощью колдовства—позднейшая надстройка—попал в песню из легенд и преданий, где он почти всегда является Leit—мотивом. Енисейский вариант, развертываясь в сторону бытовых и сказочных мотивов, приписывает даже происхождение могущества атамана—девке-Астраханке. Но опять-таки реаль-

ный смысл этого могущества утрачен: Астраханка научила Разина „с добрыми молодцами гуляти, из огненных ружей стреляти".

Таковы штрихи эволюции песен о наезде. Действию ее общих законов помогало время, а также и другой могучий фактор, цензура, недозволенность свободно распевать песни явно повстанического содержания. Эта недозволенность содействовала изменению их и постепенному выветриванию.

3. Песни о сыне (сынке) Степана Разина.

Песня о сыне Разина, или сынке самая известная из всех песен разинского цикла. Она записана в 66 вариантах и во всех местностях, где только производились записи разинских песен: на севере, в Сибири, на Волге, в казачьих областях, в центральных губерниях и даже на Украине. Так, в Архангельской губ. имеется всего 5 записей песен о Разине, из них 4—о сыне; в Олонецкой губ.—4 записи, и все о сыне; в Саратовской губ. записано 14 вариантов песни о сыне; в губерниях Вологодской, Томской, Владимирской находим только записи песен о сыне; 3 варианта ее записаны на Украине. Ни одна из разинских песен не имеет такого широкого географического распространения.

В печати песня эта известна в песеннике Трутовского, в сборниках Новикова и Чулкова; также имеются записи, сделанные в очень недавнее время: напр., Григорьевым, бр. Б. М. и Ю. М. Соколовыми, мною в 1923 г. и, наконец, летом 1925 г.—участниками экспедиции в Вольский уезд, Саратовской губ., под руководством проф. В. В. Буша. Сюжет песни о сынке чисто разинский; он не смешивается с другими сюжетами, даже, наоборот, притягивает к себе имена других героев, сохраняя собственную схему. Так напр., к сюжету о сынке прикрепляется имя царя Петра Алексеевича и эпизоды из былины об Илье Муромце.

Содержание песни по отдельным вариантам почти тожественно—разница заключается лишь в большей или меньшей распространенности отдельных частей.

В Астрахани (иногда в неопределенном месте) появляется молодец, незнамый человек. Он гуляет по городу и обращает на себя всеобщее внимание. Его наряд или слишком великолепен, или слишком небрежен:

„Баско, щепетко по городу погуливает,
Черный бархатный кафтанчик на распашечку таскал,
Персидску опояску носил во правые руки,
Зелены сафьянны сапожки носил на шелковых чулках,
Черну шляпу со полями носил на желтых кудрях“ (См. М. № 278).

Иногда костюм молодца поражает своей небрежностью:

„На босу ножку сапожки понашивает,
На распашку чекменишко на правом плече,
Черна шляпа с позументом на левом ухе,
Баретову опояску за един конец тащит“.

Жителей города поражает не только костюм молодца, но, главным образом, его вызывающее поведение по отношению к власти: он „воеводам челом не бьет; гражданским обывателям не кланяется; астраханскому губернатору под суд не идет“. Астраханский губернатор заинтересовался незнакомцем и приказывает привести его к себе. Иногда молодца находят во царевом кабаке (См. М. №№ 280, 297, 305, 333). Начинается допрос. Губернатор (анохронизм, встречающийся почти во всех вариантах) спрашивает молодца, откуда он, чьего роду и племени:

„Ты скажись-ко, скажись, детинушка, незнамый человек,
Да незнамый, незнакомый, неведомый откуль,
Да ты какой орды, какой земли, да какого отца, да чьей матери,
Али с Дону казак, али казачий сын?“.

Молодец поражает губернатора дерзким ответом. Он называет себя сыном удалого Ст. Разина и добавляет, что завтра будет в гости к губернатору сам его батюшка. Советуя встретить его с честью, он угрожает губернатору: если прием батюшки будет недостаточно

почтителен, то тот посадит его в тюрьму, а может быть и на виселицу:

„Отвечает молодец не с упадкою:
„Я не со Дону казак, да не казачий сын.
Я из-за Матушки-Москвы, да я со Камы со реки,
Со Камы со реки да Стеньки Разина сын.—
Завтра батюшка приедет, дак ты умейко гостя встретить.
Хорошо ты гостя встретишь—кунью шубу подарит,
Уж ты худо гостя встретишь, во тюрьму тя посадит,
Аль мало тово, так и на виселицу". (Сб. М. № 276).

На этот вызов губернатор отвечает приказом заковать молодца в цепи и отвести в тюрьму:

„Востраканьскому губернатору
не слюбилися словеса.
—Еще есть-ли то при мне, а слуги верны при себе:—
Вы сведите-тка молодца в белокаменную тюрьму.
Взяли брали молодца за желтые волоса,
Повели его, молодца, в белокаменную тюрьму".
(Сб. М. № 277).

Угрозы молодца исполняются. Разин подплывает к городу. Место действия меняется:

„Что по матушке по Волге, по Каме по реке
Легка шлюпочка скорешенько плывет,
Что в этой легкой шлюпке Стенька Разин атаман".
(Сб. М. № 273).

Отец в тоске предчувствует, что недоброе что-то угрожает его сыну. Он просит друзей зачерпнуть ему воды, чтобы узнать по ней посредством волхования, справедливы ли его предчувствия.

„Ишшо что-то мне, ребятушки, тошным тошно.
Как тошным-то мне тошно, да пособить не-можно.
Да зацерпните мне, да воды, да со правой стороны,
Да подайте-тко воды да и с правой руки.
Верно, знать, що мой сыноцек во неволюшки сидит,
Во неволюшки сидит-да, в белокаменной тюрьмы".

Узнав, что сын его действительно попал в тюрьму, Стенька грозит отомстить губернатору:

„Уж мы стену разобьем, а тюрьму по камню разнесем,
И Востраканьского губернатора в полон к себе возьмем,
И Востраканьску губернаторшу в наложницы".

Формы мести в различных вариантах различны. По некоторым вариантам угроза молодца исполняется (Сб. М. №№ 274, 275, 278).

„Как гренули, прихватили прямо к губернатору на двор.
Не успел губернатор Стеньки встретити,
Ах посадил-то Стенька Разин губернатора в тюрьму,
Мало того, его на виселицу". (Сб. М. № 278).

На этом и оканчивается песня. Вариант из Якутской области (См. М. № 306) изображает смерть губернатора от угрожающих слов молодца.

Изображение смерти трафаретно-былинное:

„Тожна его белы ручки опустилися,
И тожна его резвы ножки подломилися,
Его буйна голова с плеч покатилася,
Тожна то губернатору смерть случилася".

Содержание подавляющего большинства вариантов почти не имет отличий от приведенных выше. Только очень незначительное число их имеет измененный смысл. Так в одном из вариантов Донской области (Сб. М. № 352) изображается, как молодцы подплывают к царству Астраханскому:

„Добры молодцы во Астрахани
Погуляли, поцарствовали, попили-поели, на отвал пошли".

Молодцы видят из окна воеводу. Он приказывает: „заловите, поймайте добрых молодцев". Приводят одного из пойманных. Воевода задает ему обычные вопросы. Молодец называет себя, об'являя воеводе, что к нему в гости собирается его батюшка, и спрашивает, чем хозяин его будет потчевать. Губернатор отвечает, что у него есть сухари, которые в Москве сушены, в Казани крошены (т.-е. пули и ядра). Молодец испугался, побежал к своим товарищам, об'явил им, что воевода на них рассердился: „Добры молодцы ужаснулися, заторопилися, отгрянули ко крутому берегу". Аналогичный ответ губернатора встречается еще в одном из симбирских вариантов (См. добавочн. тексты).

На вопрос молодца, чем он будет потчевать его батюшку, губернатор отвечает:

„Есть у нас пироги—в Туле печены,
А есть сухари—в Петербуге крошены, и в Москве высушены,
Есть легкая похлебка у солдата на бедре".

В варианте из Орловской губ. (см. доб. тексты) губернатор говорит, что Разину готов дессерт, имея в виду пули и ядра, как в предыдущих вариантах. По одному из вариантов Енисейской губ., молодец приезжает в Астрахань свататься за дочь губернатора, Настасьюшку. На вопрос губернатора, откуда молодец, последний отвечает:

„Я из дому, я из Дону, я из матушки Москвы.
Я ни Вас пришел смотреть, я ни хозяишку твою,
Я пришел посмотреть дочь Настасьюшку твою:
Не отдашь ее—возьму, и отдашь ее—возьму
За белы руки возьму, в Божью церковь поведу
Из Божой церькви пойду—да к губернатору зайду". *)
(См. доб. тексты).

Возникает вопрос об историческом фоне песни. Какое событие повлекло за собой ее создание. Сюжет песни—дерзость молодца в отношении властей, его наказание губернатором, месть за него отца, а также некоторые исторические штрихи,—все это является характерным именно для разинского возмущения. Громадное большинство вариантов указывает как место действия Астрахань, город, который в эпоху возмущения Разина играл исключительную роль, являясь оплотом государственной власти против восставших. Его положение в устье реки и у моря, как раз на пути, который много раз совершал атаман со своей дружиной, было крайне опасно. Поэтому подозрительность губернатора и приказание отвезти молодца в тюрьму ялляется отражением в песне исторической действительности. В отношении губернатора к неизвестному молодцу проявляется именно то „великое бережение", которое

*) Напеч. в Этн. Обозр. 1915 г. № 1—2, стр. 107.

предписывалось астраханским воеводам из Москвы. Также характерен для эпохи внешний вид и поведение героя. Неизвестный роскошно, но небрежно одетый молодец появляется в Астрахани, не кланяется воеводе, иногда запечатывает гостинный двор у купцов, на вопросы об его имени вызывающе об'являет себя сыном удалого атамана Стеньки Разина и грозит появлением отца. Он советует губернатору с честью встретить отца и обещает за это со стороны последнего дорогой подарок—кунью шубу,—в противном же случае воевода рискует попасть на виселицу. Подобные проявления вызывающей дерзости разинцев по отношению к представителям власти не были редкостью. Угрозы атамана также согласуются с исторической действительностью. Почти по всем вариантам атаман обещает разобрать астраханскую тюрьму по камешкам и затем по собственной воле расправиться с воеводой и его семьей. Взятие разинцами каждого города сопровождалось именно теми действиями, о которых поется в песне: освобождались колодники из тюрем, а над сопротивлявшимися представителями власти чинилась расправа. Имя Разина в песнях о сынке отнюдь не может считаться наносным. Все варианты указывают на молодца, как на сынка именно Разина, а кроме того, в некоторых вариантах сам атаман выступает действующим лицом. Принадлежность песни к разинской эпохе определяется не только именем Разина, но и органической связью, которая устанавливается между именем героя и обстановкой действия. В духе времени выдержано все содержание песни. Картину дополняют мелкие штрихи. Так губернатор спрашивает молодца, не с Дона ли он казак, не казачий ли сын,—вопрос имеющий значение, если вспомнить, что в разинском движении принимали участие, главным образом, вольные люди с Дона. По очень многим вариантам молодца находят во царевом кабаке, месте, игравшем большую роль для них Костюм молодца роскошен, но небрежен, в его составе находятся: персидская опояска, бархатный

халат, сапожки зеленого сафьяна, шапочка кабардинка,— предметы, которые могли появиться у разинцев после персидского похода. Итак, песня о сынке по обстановке и по сюжету разинская. Но воспевает ли она определенное, точно датированное событие разинской поры? Кто этот молодец, которого песня называет сыном атамана? История не указывает на то, что бы у Разина был сын, прославившийся таким образом. Да и сама песня не настаивает на кровном родстве этого сынка с атаманом. Так, в одном варианте (Сб. М. № 294) на вопросы губернатора молодец отвечает: „Я сродства свово не знаю, только слышу по народу: Стеньки Разина сынок". Некоторые варианты дают сынку имена: Михайло, Семенушка, но в них нельзя усматривать ничего исторического, т. к. внесение их в песню может явиться позднейшей вставкой. Герой песни только названный сын атамана, м. б., один из любимых его дружинников, а м. б., просто один из разинцев, т. к. в казачьей среде атаман очень часто называется батюшкой. Современник событий, Стрюис, подтверждает это: „Когда к нему (Разину) обращались, то запрещалось называть его иначе, как батько, Batsko, что на их языке значит—отец". *) Яковлев **) полагает, что в песне о сынке отразилась вообще судьба агентов Разина, посылаемых во все концы государства и прежде всего в Астрахань. Костомаров и Аристов придерживаются мнения, что герой песни—определенное лицо, именно один из агентов Разина, посланный в Астрахань весною 1670 г. (т. е. за 1 месяц до ее взятия). Агент этот был схвачен, заключен в тюрьму и после страшных пыток повешен для примера. Случай этот известен со слов очевидцев-иностранцев. Так Стрюис сообщает.... „чтоб задержать нападение казаков на Астрахань, приблизительно за месяц до ее взятия был отправлен оттуда флот под начальством кн.

*) Путешествие Стрюиса. Русск. Арх. 1880 г. т. I-й.
**) Нар. песнотв. о Ст. Р. Стр. 20 и след.

Семена Львова. Флот этот вышел из Астрахани 25 мая, в Троицын день. Чтобы настращать воинов и заставить их исполнять свои обязанности, во время салютов перед открытием в виду всего флота повесили бедного полуживого казака". *) Капитан первого русского корабля „Орел", Бутлер, в письме из Испагани от 6 марта 1671 года, описывая астраханские события, которых он был свидетелем, также упоминает об этом факте: „В понедельник 25 мая отправили 40 лодок barques с 2105 чел., взятыми большею частию из гарнизона. В этот день в виду всей армии повесили пленного казака... подвергнув его страшным мучениям". **)

Действительно, песня, по всей вероятности, сложилась на фоне событий, незадолго перед взятием разинцами Астрахани и ближайшего времени после ее взятия. Прообразом песенного сынка мог быть казак, о казни которого сообщают иностранцы. Хотя факт прибытия в Астрахань агента Разина для разведки, конечно, не был единичным, но судьба агента, казненного перед всем флотом, и события, происшедшие вскоре после его казни, не могли не запечатлеться наиболее ярко. Поэтому песня **) о сынке м., б, и отразила повторявшиеся приезды в Астрахань многих агентов Разина, но более всего она явилась откликом на судьбу определенного лица. Однако песня изменила и разукрасила события, сохранив историческую обоснованность их. Возможно, что упомянутый агент Разина, появившись в Астрахани, действительно вызывающе держал себя и был схвачен; возможно, что дерзко отвечал на допросе и грозил воеводам приездом батюшки. Песня опускает судьбу сынка после его допроса, а прямо переносит слушателя на Волгу и изображает отца, спешащего выручать сына. Батюшка, действительно, приехал через месяц после угроз сынка, взял город и расправился с воеводой. Песня поэтически истолковала его

*) Путешеств. Стрюйса. Русск. Арх., т. I-й, стр. 101.
**) Там же стр. 114.

приезд и связала с судьбой сынка. Один из вариантов называет неизвестного молодца царем Петром Алексеевичем, но этот вариант, подвергшись значительным переделкам и изменениям, контаминировался с былиною об Илье и голи кабацкой. В Саратовской губернии, записан вариант, где вместо сынка Разина действует Емельян Пугач. Схема построения песни о сынке сохранена*).

„Как во славном городе Астрахане
Проявился добрый молодец,
Добрый молодец, Емельян Пугач;
Обряженный он в кафтанчик сто рублей.
Шефорочек на нем в пятьдесят рублей.
Шапочку на бекрень держит;
Во правой ли руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается, ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К Астраханскому губернатору и под лад не идет.
Астраханский губернатор призадумался;
Он увидел из хрустального стекла;
Посылает за ним слуг верных,
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,
Допрашивали его словесным допросом:
— Какого ты рода—племени,
Царь ли ты или царский сын.
А он им на то молвил:
— Я не царь и не царский сынок.
Я родом—Емельян Пугач,
Много я вешал господ и князей,
По России вешал я неправедных людей".

Содержание песни о сынке распадается на 6 частей, на 6 эпизодов: 1) появление в городе молодца, обращающего на себя всеобщее внимание, 2)—допрос молодца губернатором, 3)—ответ молодца, 4)—заключение молодца в тюрьму, 5)—появление отца на помощь сыну и 6)—финал, не всегда встречающийся в песнях этой темы,—исполнение угроз отца. Первый эпизод состоит как бы из 2-х частей: а)—появление молодца в городе, б) привлечение им к себе всеобщего внимания. Первая часть знакомит с обстановкой,

*) Зап. В. А. Мясоедовой, Сарат. губ. Петровск. у. Напеч. Русск. Старина 1874 г. кн. XII, стр. 817.

где предстоит развернуться действию; вторая часть определяет завязку дальнейшего действия. Второй эпизод—допрос молодца губернатором—тоже распадается на 2 части: а)—приказ губернатора привести молодца и б)—вопросы губернатора к молодцу. Первое подразделение этого эпизода не имеет существенного различия в отдельных записях песни. Разница заключается только в большей или меньшей подробности обращения губернатора к слугам с приказом отвести молодца в тюрьму. Это обращение почти всегда выражено прямой речью. Вопросы губернатора тоже большею частью однообразны во всех вариантах. Он спрашивает молодца: „С Дону ли ты, казак, или казачий сын, или с матушки—Москвы разудалый молодец (см. доб. текст Симб. губ.). В некоторых вариантах губернатор спрашивает молодца,—царь ли он, царевич или царский сын (Сб. М. № 305). Но этих вариантов наперечет, и они могут являться исключениями. Третий эпизод—ответ молодца—тоже не представляет особенно резких вариаций по различным записям. В большинстве песен встречаем его состоящим из двух частей: а)—раскрытие молодцем своего имени и б)—угроза губернатору приездом отца. Очень часто песня обрывается на 3-м или 4-м эпизоде. Однако, все-же она остается вполне законченным целым, т. к. 5-й эпизод меняет место действия, а герой первой части песни—сынок Разина—заменяется его батюшкой. 5-й эпизод—появление отца, спешащего на помощь сыну, состоит из 3-х частей: а)—краткий запев и затем предчувствие беды, грозящей сыну, б)—приказание отца дружине под'езжать к Астрахани, в)—угроза губернатору, высказываемая или самим атаманом или его дружиной, в форме ответа последнему на его предчувствия. Иногда песня пропускает первое подразделение, (а),—т. е. предчувствие беды с сыном и колдовство: после описания лодки, плывущей вниз по Волге, на которой находится атаман, сразу следует приказ последнего подезжать к Астрахани. Часто песня просто замечает,

что Разин приезжает в Астрахань, как только узнает что с сыном;—весь 5-й эпизод заменяется в ней словами: „Как узнал же все об этом, Стенька Разин приплывал, и говорил же Сенька Разин: белокаменну тюрьму всю по кирпичику раскладу"... Из всех имеющихся налицо вариантов—4 имееют финал, 6-ю часть. Она не может быть выделена в особый эпизод из-за ее краткости. Отличительная черта этой части—перемена времени настоящего, в котором ведется рассказ, на прошедшее: „Ище грянули ребята да вниз да по Камы по реки"... В одном из оренбургских вариантов (Сб. М. № 295) содержание финала несколько иное. Разин освобождает сына из тюрьмы, сажает туда губернатора и увозит губернаторшу. Финал своим содержанием не вносит в песню ничего нового. В этой части приводятся в исполнение угрозы отца (атамана). Так он обещает (Сб. № 275, 278).

„Белокаменную тюрьму всю по кирпичику разберу, С Астраханского губернатора сжива кожу содеру".

И за этими словами угрозы без всякого перехода следует финал,—угроза уже приведена в исполнение:

„Белокаменну тюрьму всю да по камню разберал. С Астраханского губернатора с жива кожу сдерал".

Часто исполнитель повторениями одного и того же знакомого оборота, удлиняет второстепенные части песни, сокращая за их счет основное содержание. Так, напр., известный оборот – появление героя, некоторыми певцами вставляется в песню при каждом удобном случае:

„Молодца скоро поймали;
Ко широку двору подводят—не устрашится,
На широкий двор восходит—не ужахнется,
На часты ступеньки ступает—только ступеньки говорят,
На красно крыльцо восходит—крыльцо зыблется,
Новы точены балясы рассыпаются,
В новы сени заходит—верхи ломятся,
На порог ногой ступает—Богу молится,
На все стороны челом, губернатору поклон..."
(Сб. М. № 286).

Со стороны композиционной особенно важна полнота первого эпизода, в котором берут начало все элементы остальных. Для внутренней обоснованности необходима полнота экспозиции, роль которой падает на первый эпизод. На нем покоится все содержание. Необычайный костюм молодца и его вызывающее поведение перед властью влекут за собой его допрос, эпизод, на котором развивается дальнейшее действие. Остальные части важны, но необходимы в той мере, как первый эпизод. Отсутствие последних эпизодов не играет роли для логической стройности песни. Варианты, обрывающиеся на 4-м эпизоде, еще с большим правом могут быть отнесены к цельным песням. Песня о сынке имеет две совершенно самостоятельные и законченные части: 1) дерзкий молодец и его наказание губернатором; 2) отец, спешащий на выручку к сыну. Но исследователь вправе утверждать, что первоначальный текст песни был неразделен, имел в себе обе эти части; они органически связаны одна с другою, а экспозиция песни—появление в городе дерзкого молодца—является основанием как для первой, так и для второй части песни (выручение отцом сына). Кроме того, вторая часть песни—отец, спешащий на помощь сыну, самостоятельно встречается только 2 раза, в то время как вариантов цельных подавляющее большинство. Число эпизодов в песне, по всей вероятности, определялось 6-ю. Но 6-ая часть—исполнение угроз отца—постепенно исчезает (подобно финалу песен о наезде на Астрахань), он не вносит теперь ничего нового в содержание песни, в нем перечисляются угрозы отца, как уже совершившийся факт. Во многих вариантах он превратился в трафаретный оборот, буквальное повторение угроз отца с переменой времени будущего на прошедшее.

Первоначальный текст песни имеет двух героев: сынка и батюшку. Хотя в очень немногих вариантах наблюдается слияние их в один образ, именно Ст. Разина. Так в варианте, записанном

в Оренбургской губ., сначала песня изображает сына Разина, попадающего в тюрьму, но когда он освобождается оттуда чудесным образом, то оказывается уже не сынком, а самим атаманом. Это смешение двух героев может быть об'яснено созвучием слов: „Разин-сын" и „Стеньки Разина сын", а также указывает на вырождение песни, утрату внутреннего смысла и отчетливости образов героев. Точно также под влиянием времени изменилось содержание тех немногих вариантов, которые представляют отклонение от обычного содержания. Позднейшим изменением текста, является то, что молодец приезжает жениться на дочери губернатора или спешит скрыться. В записях экспедиции проф. В. В. Буша в Вольском уезде, Саратовской губ. встречаем вириант, где первый эпизод песни о сынке присоединился к любовной казацко-солдатской (см. добавочн. текст).

В первоначальном тексте молодец своей родиной называл во всех вариантах не Каму реку, а Камышинку. (Приток Волги близ Камышина)—место более соответствующее изображаемым событиям. Название Камышинки могло быть заменено названием реки Камы по звуковому составу близким и более кратким. Действие песни в первоначальном тексте локализировалось в Астрахани, а не в неопределенном месте или других городах, как изображается в некоторых вариантах. Подтверждение этому находим в громадном большинстве вариантов и в непосредственном указании на Астрахань, как на место действия. Кроме того, в первоначальном тексте, конечно, отсутствовали анахронизмы, которые встречаются в современных записях: губернатор, енерал, господа-офицеры, банбандеры-урванцы (слуги губернатора), которыми заменились современные песни слова и выражения.

Историчность содержания и выдержанность обстановки могли быть изображены с точностью только на месте событий. Поэтому можно утверждать, что песня возникла на нижней Волге и в частности в районе Астрахани. Правда, на Волге в губерниях Астра-

ханской и Саратовской отсутствуют варианты столь длинные, как на севере, но они сокращены за счет последних эпизодов (5-го и 6-го), отсутствие которых, как уже указывалось, не нарушает логической стройности песни. Зато в нижневолжских вариантах не наблюдается искажения событий, напр., смерти губернатора от того, что молодец назвал себя сынком Разина или искажение имени атамана (Сенька вместо Стенька), что встречаем неоднократно в северных губерниях—обстоятельство, которое об'ясняется отсутствием точной ассоциации между именем и образом героя на севере, в местностях отдаленных от арены его действий.

Точно определить время возникновения песен очень затруднительно. Но все указанные выше основания дают право думать, что песни возникли в самое ближайшее время после взятия Астрахани. Отличительною особенностью песен о сынке является отсутствие лиризма. Богатое драматическим действием содержание развертывается постепенно, от третьего лица. Инкогнито молодца раскрывается лишь в конце песни. Атаман, отец, спешащий выручать сына и отомстить за него, по основному настроению песен является олицетворением как бы чужой таинственной силы. Это не близкий, свой Степанушка, как поется в песнях о казачьем круге. Эти особенности содержания песен о сынке наводят на мысль, что последние сложились не в среде разинцев, где должно было быть иное отношение к батюшке-атаману, а скорее среди населения, осажденных городов (в частности Астрахани), для которых атаман представлялся могучим ведуном.

Сюжет разинской песни о сынке встречаем на Украине в рассказе-песне рыбаков о некоем славном казаке Гарасиме и его сыне. Здесь ясны отголоски преданий о Разине, соединенные с прекрасно сохранившеюся песнею о сынке: [1]).

[1]) Зап. Ганицким в Аккерманск. у., Бессарабск. губ., в 1874 г., Киевск. Старина 1882 г., ноябрь, стр. 243—245.

„Був колись на Україні славный козак Гарасим, такий, як Максим Залізняк, або козак Нечай. Як настала недобра година, Гарасима кілька раз сажали за камінні стіні, в тюрьму, але славний Гарасим завше пробивав стіні й втікав. Він війка не мав, а як тільки свисне, то набіжить козаків зо всіх сторін.

От Гарасим як втік уже може в десятый раз з каторжної тюрьмы, зібрав козаків и пішов в Рассею бо Україна за всіх сторін тоді була вже занята, в перед Гарасим пустив свого сына, щоб распизнав тіх людей и ту сторону...

Проявився дитинушка, незнакомый чоловік;
Він не заходит по Калугі, Калуіиським мужикам,
Він почав дитинушка в кабаку гулять
И про себе пісню запівать...

Губернатор, узнавши об ему, велів его привести:

— Эх, вы слуги, вы лакеі вірніі мои,
Идіте, приведіте мужика
З пишного кабака.
— Скуль ты, дитинушка, скуль ты родом чоловік.
Чи ты з Дону козак, чи ты козацький сын.—
— Я не з Дону козак, я не козацкий сын;
Мій батько хоче у вас в гостях бувать,—
Знайте-ж, як мого отця приймать.

Розсердився губернатор на вдалого молодця:

— Эй, вы слуги, вы вірніі, возьміте козака.
Засадить его в тюрму, за каменну стіну.
— Якая ваша тюрма:
Каменна, чи кирпичная
Мы вашу тюрму по кирпичу разберем,
И вашего губернатора в полон візьмем.

Герасимів сын, кепкуючи над губернатором, як туйнув его, то всі вікна в губернаторському дворці потріскались. Гарасимів сын ишов весело в тюрму, бо добре знав, що отець его в скорім часі прибуде и висвободить:

Ище не світ, ище не світ
Красну лотушку видать.
Красну лотушку звидав,
Отець до его прибував".

Кроме этого рассказа-песни, имеем отрывок песни о сынке, уже утратившей имя героя, но сохранив-

шей основные моменты (поимка молодца и его дерзкий ответ губерньтору) [1]).

Выходила дитина
З-під білого каміня,
Ой як крикне пан губернатарь
На своіх прежних бурлаков:
— Вы набийте дитині
На ноги кайдани,
На ноженьки кайданочки,
А на ручки рушнички.
— А чи бачишь, губнрнаторь,
О той кам'яный острог
По каміньцям рознесу,
Я тобі Дунай річку
До писочку перебю.

Устойчивость содержания сюжета о сынке, широта его географического распространения, известность его до настоящего дня, доказывает его живучесть, по всей вероятности, в силу привлекательности об'ективно-драматического содержания.

[1]) Зап. Черняком около 1876 г. в Павлоградск. уезде, Екатеринославск. губ. Киевск. Старина 1882 г. ноябрь, стр. 243—245.

4. Единичные записи Разинских песен.

Среди разинских песен встречается несколько вполне законченных и самостоятельных, записанных единственный раз. Одни из них богаты историческими чертами и сохранили характерные особенности старинных песен, другие, наоборот, искажают исторические события, останавливаются на бытовых подробностях; содержание их имеет связь с легендами и рассказами о Разине и носит на себе отпечаток позднейшего времени. Единичные старинные песни встречаются в старых сборниках: Чулкова, Кирши Данилова, Кашина. Их варианты не повторяются в позднейших собраниях песен. В старинных же сборниках встречаем наиболее богатые историческими штрихами варианты других разинских песен, которые еще сохранились до последнего времени в крестьянской среде,— Такова песня о наезде на Астрахань с эпизодом расправы Разина с губернатором.

Возможно, что эти единичные записи суть остатки исчезнувшего репертуара старинных песен о Разине. Перенесенные в Сибирь колонизационными движениями казаков, они попали в сборник Кирши Данилова. Возможно, что в пору более близкую событиям, следы которых они сохранили в своем содержании, географическое распространие их было более широко. Но со временем они начинают встречаться только в Сибири, а затем и совсем исчезают, (как напр., песня, об убийстве кн. Репина, астраханского воеводы) или же утрачивают исторические подробности (песня о наезде на Астрахань, наиболее полные песни о сынке). Стиль этих старинных единичных песен более чист и целен, чем песен позднейшего времени, в них

не встречается вставок для рифмы, меньше анахронизмов, чем в позднейших записях. В числе единичных старинных песен, находим две песни об убийстве кн. Репнина, одну—о наезде на Астрахань и три песни, относимые исследователями к персидскому походу Разина. В числе единичных новых песен, носящих на себе ясный отпечаток позднейшей эпохи и, м. б., некоторой ретушировки, находим следующие:—песню о взятии Разиным Гурьева, песню о грамоте царя на Дон с приказом захватить Разина, песню о казни Разина на Красной площади. По всей вероятности, эти песни сложились в позднейшее время под влиянием рассказов и, возможно, печатных сочинений о Разине. Кроме указанных выше, в кругу разинских песен, записанных в единственном экземпляре, выделяется группа песен, основа которых не историческая, а бытовая. Они стоят особняком. Сравнительно с песнями других тем их очень немного. Время и место их возникновения различны. Многие из них носят следы исправлений и поправок и являются как бы стихотворениями о Разине. К этой группе мы относим песни об отношении Разина к женщинам, возникшие, вероятно, под влиянием рассказов об атамане, и песни, связанные с легендами о нем.

Песни об убийстве Астраханского губернатора.

Кроме песен о наезде Ст. Разина на Астрахань, с образом Астраханского губернатора связана старинная песня, обязанная своим происхождением низовой казацкой волжской вольнице. Она возникла, вероятно, в последней трети XVII в., но и последующие исторические наслоения отразились в ее содержании. Она не встречается в современном песенном репертуаре, но помещена в сборнике песен Чулкова. В 1834 г. она была напечатана с напевом в сборнике Кашина и затем уже перепечатана у Киреевского. Вариант ее, содержащий некоторые исторические подробности,

встречаем среди песен из Сибири, напечатанных в сборнике Кирши Данилова. По вариантам Чулкова и Кашина песня не указывает имени губернатора. Она начинается обычным запевом казацких волжских песен, как на Волге, пониже Саратова и повыше Царицына, по реке Камышинке выплывают стружечки есаульские:

„На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские".

Молодцы прекрасно одеты:

„На них шапочки собольи, верхи бархатны,
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены,
Голуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на мододцах сафьяновы....

Молодцы останавливаются и поджидают Астраханского губернатора. И действительно, скоро появляются суда губернатора. Он догадывает об опасности и предлагает казакам выкуп.

„Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные,
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские".

Но бурлаки отказываются от всего, заявляя: „Дорога нам твоя буйная головушка". Молодцы убивают губернатора:

„Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу матушку;
Сами молодцы ему тут насмехалися:
Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты ведь бил ты губил нас, в ссылку ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал".

Песня не указывает имени губернатора, но вариант ее из Сибири, напечатанные у Кирши Данило-

ва, имеет его. По Сибирскому варианту губернатор определенное лицо—князь Данила Александрович Репнин. Не волжские бурлаки „люди вольные", как в предыдущем варианте, а воровские казаки появляются на Камышинке-реке.

„Заплывали—загребали в Коловинские острова,
Становились в тихих заводях выгулять оне на зеленые луга".

В ожидании губернатора казаки развлекаются:

„Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,
Хто де костью, хто де картами—
все удалы-молодцы.

Но вот видят казаки:

„Как бы чернта на Волге зачернеетца,
А идут гребные из Астрахани.
Дождались казаки, удалые молодцы губернатора из Астрахани.
Князя Данилу Александровича.

Казаки оставляют свои потехи:

„И бросались на свой легоньки струшки,
Напущалися казаки на гребные струги,
Оне все тута торговых перещупали,
Оне спрашивают губернатору из Астрахани.

До купцов же им и „дела нет". Но купцы спрятали губернатора. Однако молодцы отыскивают его.

„Обыскали под товарами губернатора,
Репина князя Данилу Александровича;
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге реке;
А ево то госпожу губернаторску жену
И со малыми детушками они все молодцы, воровские казаки, помиловали;
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами лехки свой струги,
Пошли по Камышевке реке".

Имя Репнина сохранилось только в сибирском варианте. Но В. Ф. Миллер выставляет предположение, что оно было в другом варианте, помещенном в

сборнике Чулкова и у Кашина, но было из'ято по условиям цензуры при появлении песни в печати.

Фамилия князей Репниных стоит в ряду известнейших фамилий русской истории. В XVII в. (время возникновения песни) известны князья: Борис Александрович и сын его Иван Борисович Репнины. Борис Александрович Репнин, стольник, впоследствии боярин, умерший в 1670 году был Астраханским воеводой с 1643 по 1646 г. В то время, после смуты еще не наступило спокойствие в государстве. Разбои не прекращались; среди казаков продолжалось брожение. В 1630 г. был убит на Дону казаками московский посол князь Иван Карамышев. Это событие ухудшило взаимные отношения правительства и казаков. Казаки принуждены были присягнуть на верность Московскому государству в 1634 г. Но покорность эта была только внешняя. Правительство предписывает воеводам, особенно окраинным, строгий надзор за населением. Так в 1643 г., во время воеводства Б. А. Репнина, на Волгу посылается грамота с наказом строго следить за бродячими воровскими людьми, промышлять над ними всякими мерами и не пропускать их с Дона на Яик и на Волгу. „А будут донские казаки учнут с Дона на Яик приходить, и с Яика для воровства на море и на Волгу ходить, и вы бы на тех воров казаков посылали наших ратных людей и велели над ними промышлять всякими мерами по прежним нашим указам". И князь Репнин, астраханский воевода, зарекомендовал себя строгостями по отношению к населению. Сын его, князь Иван Борисович, один из самых близких царю Алексею Михайловичу бояр, воевода Могилевский и Новгородский и затем великий посол в Польшу и Литву, также был известен в Астрахани. В то время, как отец его был воеводой в Астрахани, кн. Ив. Бор. Репнин находился при нем. В 1655 году, когда князь Иван Борисович делается воеводой в Могилеве, великому государю поступают жалобы со стороны запорожских казаков. Они со всеми товарищами били че-

лом царю с кровавыми слезами, что нестерпимые обиды и смертное убийство терпят от начальных и ратных людей московских, находящихся под властью кн. Ивана Борисовича Репнина, воеводы могилевского. Правительство оправляет для разбора этого дела особого посланного.

Таким образом, в песню вошла известная фамилия Репниных, занимавших видные административные посты и зарекомендовавших себя строгостями. Один из Репниных действительно был астраханским воеводой и, следовательно, песня не противоречит исторической действительности, упоминая фамилию Репнина, как астраханского воеводы. Бессонов в комментариях к песням Киреевского (VIII, 295) утверждает, что имя астраханского губернатора, о котором поет песня, есть переставленное имя кн. Меншикова Александра Даниловича, основываясь на том, что песня о Меншикове по некоторым вариантам заменяет имя последнего именем Репнина. Песня о Меншикове поет о казаках, которые в своих песенках „хвалят—величают православного царя", Петра I. А бранят они клянут кн. Меншикова, „что с женой и с детьми и со внучатами заедает вор-собака наше жалованье, кормовое годовое наше денежное. Да еще же не пущает нас по Волге погулять, вниз по Волге погулять с дунинаю воспевать". В варианте этой песни вставлено имя Репнина:

„Ой кленут они бранят князь Бориса Репнина"...

И дальнейший текст почти тождественен с приведенным выше. Возможно, что в рассматриваемой песне имеем комбинацию имен—Репнина Бориса Александровича и Меншикова Александра Даниловича, что дает имя убитому губернатору, Данила Александрович, или же имя Меншикова, обратно переставленное. Возможность вставки имени исторического лица петровской эпохи в песню XVII века подтверждается еще тем, что содержание песен о Меншикове и Репнине—близко к песням об убийстве астра-

ханского губернатора. И те и другие начинаются обычным вожским запевом:

„Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына",

По реке Камышинке плывут казачьи стружки, на них сидят удалые молодцы. Описание наряда молодцев почти тождественно с описанием его в песнях об убийстве:

„На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачем подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки;
И с зачесами чулочки да все гарусные.
Они веслами гребут—сами песенки поют"...

Запев—появление стругов на Камышинке, описание наряда молодцев одно и тоже; расхождение двух песен замечается с момента остановки молодцев и появления стругов губернатора. Однако, песня об убийстве астраханского воеводы более всего приближается к песне об убийстве кн. Ив. Карамышева (по песням Карамышевского). Сюжет и обстановка той и другой песни одни и те же. На нижней Волге, на Камышинке—реке казаки убивают по одной песне астраханского воеводу, по другой—церева большого боярина.

Какое же историческое событие изображает песня и можно ли прикрепить ее к определенному лицу? Сохраняя комбинированное имя Репнина и Меншикова, песня изображает убийство астраханского воеводы, событие по обстановке и по прикреплению его к имени названных лиц, противоречащее исторической действительности. Убийство астраханского воеводы на Волге казаками—устно поэтический вымысел на фоне ряда событий, случившихся с другими историческими лицами. Песня об убийстве астраханского воеводы сложилась на фоне давнишней вражды казаков с астраханскими воеводами и вообще со ставленниками прави-

тельства. Она отразила события, связанные с ними: именно убийство князя Карамышева, московского посла, убийство астраханского воеводы, князя Ив. Сем Прозоровского, недовольство кн. Репниным Борисом Александровичем и Иваном Борисовичем, прославившимися своею суровостью, а также недовольство строгим князем Меншиковым, астраханским губернатором и запечатлела черты поздней петровской эпохи. В песне об убийстве астраханского губернатора нет имени Разина. Но по настроению, которым она проникнута, по картине изображаемого быта, по исторической обстановке, она должна быть отнесена ко времени Разина. Если эта песня и зародилась ранее, м. б., в первой половине XVII в., то движение Разина окончательно закрепило ее существование, дало ей более точное историческое обоснование. В песне отразились черты более ранней и более поздней эпохи, но все же колорит эпохи Разина в ней наиболее ярок и точен.

Песни времени персидского похода.

Три песни отразили события персидского похода Разина. Они не имеют вариантов и встречаются только в сборнике Чулкова; оттуда уже видим их перепечатанными у Кириевского и затем в сборнике Миллера. Одна из песен упоминает имя Разина, две другие не имеют его.

Каспийское море не шевелится, оно покрыто осенним льдом. Воровской стружок замерз среди льда. На том стружке сидит атаман, по прозванию Стенька Разин сын.

„Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося,
Замерз то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванию Стенька Разин сын".

Он приглашает свою дружину взять весла, пробивать тонкий осенний лед, чтобы „добиться до тихих мест“ и там дуван делить:

„Нам атласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно“.

Аристов относит эту песню ко времени зимовки казаков на островах против Фарабата в 1668—69 г. Действительно, замерзшее судно на Каспийском море, дележ богатой добычи (бархат, атлас и парча), которую казаки захватили во время своих походов, создают обстановку эпохи.

Приблизительно к этому же времени относится и еще одна песня, не упоминающая имени Разина. Судно разинцев, как и в предыдущей песне замерзло в островах; казаки пропились, промотались, проиграли в кости, в карты и собираются ехать по морю. Весна 1669 г.

„Потянула тут погода со святой Руси,
Как взломало наше море из конца в конец.
Выплывает наше судно с воровских островов.
И мы взяли это судно да поехали,
Что разъехались ребята раззаводились“.

Со времени своей известности Разин—предводитель козаков, единственную зиму 1668—69 г. проводил на море, на островах. Современные событиям донесения гласят: „....воровские де казаки Стенька с товарищи живут в Кизылбашской земле на острову меж Шаховых сел Фарабата и Астрабата“.*) Князь Ив. Прозоровский позднее доносит государю: „воровские де казаки Стенка Разин с товарыщи зимовали в Шахове области, взяв город Фарабат, на острову“*).

Третья старинная песня изображает молодца, покинутого товарищами на острове; он захвачен послан-

*) Попов. Матер. стр. 33.
*) Там же, стр. 34.

ными из царства астраханского ратными людьми. Исследователи (Аристов, Бессонов) полагают, что песня поет о гибели Сережки Кривого, одного из известнейших товарищей Разина.

Из славного царства Астраханского не грозная туча подымалася.
Снаряжалася грозна высылка.
Что раз'езд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого, до притону ли казацкого".

Но казаки догадались об опасности и „пометалися в свои легкие лодки". Покинули они одного молодца:

„Одного ли добра молодца покинули,
Что ни лучшего из молодцев ясаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую своею фузею за плечами носит,
И он острою своею саблею подпирается,
Сам горючими слезами обливается".

Молодец обращается к своим товарищам, просит не покинуть его в беде, указывая, что он может им пригодиться в будущем. Но товарищи уехали и молодец пойман.

„Государи мои, братцы-товарищи,
Не покиньте добра молодца при бедности,
Уж как в некое время пригожусь я вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим грудью белою....
Как товарищи от молодца уехали,
Поймали молодца на острове".

Царь Алексей Михайлович еще до выступления Разина наказывает воеводам и главным образом астраханскому „жить с великим бережением" и проведывать над казаками „всякими мерами". Из Астрахани несколько раз высылаются ратные люди для усмирения неспокойных казаков. Весною 1669 г., когда разинцы были в персидском походе, с ними соединился атаман Сережка Кривой (с Дона он переволокся на Волгу, прошел мимо Царицына и через Бузан выплал в море). За ним действительно был выслан отряд по распоряжению астраханского воеводы, князя Хилкова: „Боярин

и воевода кн. Иван Андреевич Хилков с товарыщи посылали письменного голову Григория Оксентьева с ратными людьми для поиску, и они де догнав тех воровских казаков в Коробузане на рыбном стану, учинили с воровскими казаками бой, и Сережка де Кривой с товарищи астраханских служилых людей побили и многих поимали, а иные де стрельцы, покиня струги и лодки, разбежались, а иные де пошли к воровским казакам человек со сто... и голова де Григорий Оксентьев от воровских казаков ушел в лодке с небольшими людьми, а по смете де воровских казаков 700 человек, и пошли де те казаки на море к Стеньке Разину". *) Впоследствии уже после соединения отряда Сережки Кривого с дружиною Разина, Сережка был убит во время схватки с трухменами. Подробности гибели удалого товарищи Разина неизвестны. Кн. Прозоровский в грамоте государю, кратко перечисляя неприятности, которые терпели казаки в Персии, сообщает: „..в зимовье до весны померло 500 человек, да товарищ де Стеньки Разина, Сергушка Кривой убит же в Трухменях..." **)

В момент записи песня уже исчезает из репертуара; она не имеет ярких исторических черт, благодаря которым ее можно было бы отнести к определенным события. Сохранив обстановку и колорит времени Разина, данная песня (т. е. единственный записанный вариант ее) изменила действительные исторические события. Так она изображает гибель молодца на острове, а не в схватке с трухменами: встреча разинского есаула с московскими ратными людьми поэтически отображается в песне в виде просьбы к товарищам не покидать его. Песня изображает гибель на острове лучшего из молодцов ясаула. Разинцы находятся на островах; в их среде лучший из казаков—Сережка Кривой; за ним высылаются из Астрахани ратные люди;

*) Попов. Матер. стр. 29.
**) Там же, стр. 35.

есаул этот гибнет в стычке с трухменами.—Песня сохраняет обстановку действия, но соединяет два исторические факта в одном поэтическом целом.

Песня о взятии Яика-города.

Среди разинских песен мало таких, в которых отразились бы единичные исторические факты. Большинство тем имеет своим основанием события повторяющиеся; на фоне их и складывается песня. К песням, отразившим определенное историческое событие относится песня о взятии Яика. М. А. Яковлев, относит эту песню к факту паломничества Разина в Соловецкий монастырь на богомолье. Однако нет данных согласиться с этим утверждением.

Песня о взятии Яика записана в Астраханской губ. в сравнительно очень недавнее время, в 1902 году. Она хоровая и краткая, как все казацкие хоровые песни; удлинняют ее повторения одних и тех же стихов в запеве и в хоре. Запев, вводящий слушателя в обстановку действия, характерен для Уральской области, места развития событий. Он обычен для казацких песен, поющих о Яике.

„Течет Яик быстрехонько,
Урываючи круты бережки,
Желты пески сыпучие
Все поверх воды, сверх воды несет".

Переход от запева к самому содержанию выражен оборотом противопоставления. Сверх Яика Горыновича „не серые гуси возгоковали, не черные вороны возлетывали—из устьица выбегали три стружка". Один из них впереди всех:

„Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копьями ровно лесом усажен,
Средь этого все стружечушка золотой бунчук стоит,
А под бунчуком сидит атаманушка,
Атаманушка Степан, по имю Степан Разин".

Он предлагает своей дружине направиться к городу Гурьеву:

„Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву,
Да ко Гурьеву, к крутому его бережку".

Разинцы пристают к берегу: „Сошел на берег душа-воровской атаманушка.“ Он посылает своих молодцев передать воеводе:

„Жаловал мол к нему в гости Степан Тимофеевич.
Я приехал к Вам не пить не гулять“.
Не батальице с вами заводить,
А святым храмам поклонитися,
Поклониться и молебен отслужить“.

В городе поверили уверениям атамана: „Воротички отворились и пустили Стеньку со ватагою“. В самом деле, известен факт лета 1667 г., когда Разин таким образом завладел Яиком. Разинцы на 30 стругах выплыли с Волги в Каспийское море и, двигаясь вдоль северного берега на восток, достигали устья Яика. Подойдя к городу, атаман спрятал своих приверженцев в незаметном месте, а сам отправился в город. Он уверил местного воеводу Ивана Яцына, что хотел бы в городе поклониться святыням. Город был взят. Вот что читаем об этом в донесении астраханского воеводы Хилкова: В 1667 г. 7 августа воровские казаки пошли с моря к Яицкому городку: а приходили де те воровские казаки, Атаман Стенька Разин, а с ними человек 40 воровских казаков к городским воротам, и просилися в Яицкий городок в церкве помолиться, и голова де Иван Яцын тех воровских казаков атамана Стеньку Разина, а с ним казаков человек 40 в город пустил и те де воровские казаки в Яицком городке ворота отперли и воровским казакам всем велели итти в город: а голова де стрелецкий Иван Яцын с сотники и с стрельцы с воровскими казаками не бились и по воровских казаках из пушек и из ружья не стреляли“. *) Другие документы, упоминающие о взятии Яика, сохраняют указания на обманный захват города и на доверчивость яицких служилых людей, которые, „не чая от него вора тайного лукавства, в город для моления в церковь впустили, а он вместо церковныя молитвы тех яицких служилых людей безвинно посек и город ра-

*) Попов. Матер., стр. 24—25.

зорил". *) Песня заменяет название города Яика другим—Гурьевым. Гурьев, ниже-Яицкий учуг, принадлежавший некоему гостю, Гурьеву, подвергался нападению со стороны казаков в 1654 г. Среди городов, взятых Разиным, Гурьев не фигурирует. Единственный город был взят Разиным таким способом, как изображает песня—именно Яик. Событие, связанное с Яиком, прикрепилось в песне к другому городу, находящемуся на той же реке и пострадавшему от казаков несколько ранее. Возможно, что песня в пору, близкую своему возникновению, содержала более исторических черт; возможно, что в первоначальном тексте песня передавала о расправе Разина с яицкими служилыми людьми, захваченными в городе.—Изображение расправы Разина с врагами встречается только в старых записях песен, большею частью уже исчезнувших. Изображение взятия Яика, факта отрицательного с точки зрения власти, м. б., явилось причиной того, что песня записана единственный раз. По всей вероятности, она возникла и пользовалась известностью в области близкой изображаемым событиям—именно в казачей среде и на Яике. Композиция этой песни не индивидуальна. Запев, воспевающий Яик-реку, характерен для песен Уральской области. Описание атаманского корабля, богато украшенного оружием и знаменами, является общим местом местом всех казацко-разбойничьих песен XVII и начаначала XVIII века. В Разинских песнях встречаем его всюду, где изображается появление на реке казачьего судна. Мотив об атамане, плывущем на прекрасном стружке, очень распространен в разинских песнях. Возможно, что ранее в казачьей среде он ходил, как отдельная песня. Под руками изучающего песни имеется два варианта песни о том, как Разин с дружиной плывет по Яику. Промежуток времени между этими двумя

*) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. I-й СПБ 1830 г. № 480, стр. 845.

записями свидетельствует о живучести песни: мы имеем ее в рукописном сборнике XVIII в. Публичной Библиотеки и в Сб. Догадина 1902 года. Плывя на прекрасном судне, Ст. Разин обращается с речью или к своим молодцам, приглашая их грянуть вдоль по батюшке-Уралушке славной реке, или к синему морю,—с благодарностью:

„Спасибо те, спасибо морю синему всему.
Еще, братцы, спасибо Колыванскому острову.
А и упито тут было, братцы, зеленого вина,
Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
Еще ж, братцы, уношено цветного платья".

(См. доб. тексты).

Ознакомившись с песнею о взятии Гурьева (т. е. Яика-города) можно установить следующее: 1) Песня о взятии Гурьева отражает определенное историческое событие (взятие разинцами Яика-города летом 1667 г.). 2) Песня возникла в среде яицких казаков, сочувствовавших Разину, и по всей вероятности, имела значительное, но тайное (в силу своего повстанческого содержания) распространение в казацких районах—Яицком и Астраханском. 3) Благодаря своему явно сочувственному отношению к Разину, песня была трудно уловима для записи, и в настоящее время известна в единственном экземпляре. 4) Со времени возникновения до момента записи, содержание песни должно было утратить яркие исторические подробности (напр., эпизоды расправы Разина с яицкими служилыми людьми). 5) К историческому содержанию песни о взятии Гурьева присоединяются общие места разинских песен (запев о том, как быстро течет Яик-река; описание роскошного казачьего корабля; мотив об атамане, плывущем на своем стружке).

Песня-плач о смерти Разина.

Особняком стоит единственная запись песни-плача о смерти Разина. Эта песня напечатана в сборнике Чулкова

и в Новиковском песеннике, затем перепечатана в Морском сб. т. XII 1854 г. № 6, в 7 вып. песен Киреевского и в сб. Миллера № 339.

На утренней заре, на восходе красного солнышка гуляет есаул:

„На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику".

Он будит добрых молодцев, донских казаков:

„Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь казаки донски".

Есаул грустит:

„Не здорово на Дону у нас.
Помутился славный тихий Дон,
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря Азовскова.
Помешался весь казачий круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича
По прозванью Стеньки Разина,
Поимали добра молодца,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову".

Песня, по всей вероятности, возникла на Дону. Главное действующее лицо—есаул. Он обращается к донским казакам. Событня точно локализированы на Дону; он помутился от вершины до Черна моря Азовского. Имя атамана приводится полностью и без искажения. Изображение смерти атамана согласно с действительностью. Подробности поимки атамана не известны. Документы расходятся в показаниях обстоятельств взятия атамана. Современники-иностранцы указывают, что Разин был взят благодаря тому, что поверил увещаниям Яковлева; последний убедил Разина, что он получит прощение, если принесет повинную. В конце апреля обоих братьев Степана и Фрола отвезли в Москву. Сам Корнило Яковлев сопровождал их. Там Ст. Разин был после пыток четвертован[1]). „Вы, воры и крестопреступники, и изменники, и губители христианских душ, с товарыщи своими под Синбирском и выных во многех местих побиты, а ныне по должности

[1]) В. Гиляровский. Как был казнен Ст. Разин. Красная Нива 1926 г. 20 июня.

к великому государю, царю великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великие и Малыя и Белыя России Самодержца, службою и радением войска Донского атамана Корнея Яковлева и всего войска и сами вы поиманы и привезены к Великому Государю к Москве, в роспросе и с пыток в том своем воровстве винились: на такие ваши злые и мерские перед Господем Богом дела и к Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Микайловичу всеа Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, за измену и ко всему Московскому государству за разорение по указу Великого Государя, бояре приговорили казнить злою смертию, четвертовать".*)

Костомаров, а за ним и Яковлев прикрепляет эту песню к определенному событию. По их мнению, ее сложили и пели приверженцы Разина, бежавшие после взятия городка Кагальника в Астрахань, под предводительством одного из видных „сынков" атамана, Алешки Каторжного. Аристов в своей статье не выставляет столь определенного мнения. Он утверждает только, что песня сложилась в среде приверженцев Разина после его смерти. Действительно, едва ли возможно прикрепить песню к имени, выставляемому Костомаровым. Текст ее не дает права на подобное заключение. Исторический фон песни определенный. Она сложилась после казни Разина. Но текст ее со времени создания до времени напечатания в сборнике Чулкова подвергся изменению и несомненно стилистической ретушировке.

Царския грамота с приказом захватить Разина.

Песня о царской грамоте с приказом захватить Разина записана в Саратовской губернии (Саратовск. Сборн., т. II). К сожалению лицо, сообщившее песню, не указывает ни обстоятельств ее записи, ни исполнителя. Песня эта не имеет вариантов и не под-

*) Попов. Матер. стр. 235.

ходит ни под одну из тем, рассмотренных выше. Атаман собирает казаков и об'являет им, что на Дон пришла грамота, а за грамотой пришел царский указ с приказом взять Стеньку Разина.

„Вы сходитесь, казаченьки, во единый ко мне круг, на зеленой травки луг.
Вы думайте думушку за едино все.
Пришла к нам с Москвы на тихий на Дон
На тихий Дон пришла не радошна грамотка.
За грамоткой пришел такой же указ.
За той ли за правой, за ручушкой за царскою,
За той ли за печатью, за печатью сургучевою,
Как нам будет взять Стеньку Разина".

Атаман предлагает:

„Давайте-ка сольем Степанушке чуден-золот крест,
От крестного батюшки пошлем благословеньице,
Пошлем его на сине море:
Вот тебе, Степанушка, чуден золот крест,
От крестного батюшки тебе Благословеньице царя белого.

Исторические подробности, которые изображает песня, имели место в истории возмущения, однако не в том порядке. На Дон не раз приходили грамоты из Москвы относительно Разина. Грамота же с приказом захватить Разина была получена донским атаманом Корнилом Яковлевым, действительно крестным отцом Разина, уже спустя более года после возвращениа последнего из персидского похода. Упоминание песни о благословении царя белого, которое предполагается послать Разину на сине море, м. б., является отражением посылки грамоты царя с процением разинцам вин после персидского похода. Песня, по обстановке, колориту и по историческим штрихам казачья, имеет некоторые особенности Донской области. Грамота от царя называется нерадостной, что оттеняет сочувственное отношение к Разину. Песня изобилует повторениями, что дает возможность допустить, что она ранее была хоровою, как большинство казачьих песен. Обилие уменшительно ласкательных имен (казаченьки, думушка, грамотка, ручушка, Степанушка, кораблики,

благословеньице и др.) также характерно для казачьих песен. Но с другой стороны песня имеет печать позднейшего времени и следы, чуждые казачеству. Начало песни не похоже на обычное начало песен VII века: „Вы сходитесь казаченьки во единый ко мне круг на зеленой травки луг"—оборот скорее книжный и совершенно не употребительный в песнях; размер песни не встречается в чисто народных песнях. Выражения и обороты, обычные в казачьей среде, употреблены в песне в измененном виде, благодаря чему содержание, вложенное в них, до некоторой степени утрачивает смысл. Атаман обращается к подручным своим; он призывает казаков собираться не во единый круг, как обычно поется в казачьих песнях, а приглашает их *к себе* в круг: „Вы сходитель, казаченьки, во единый ко мне круг". Смешение последовательности событий, а также неясность, от кого посылается Разину благословение (от белого царя через крестного батюшку или от самого крестного батюшки), может быть об'яснено тем, что песня зародилась и жила в казачьей области, именно на Дону, но позднее исчезла из репертуара казачьих песен, перенеслась в Саратовскую губ., восприняла черты позднейшего времени и лишь тогда была записана.

Песни о Разине с бытовой основой.

Видное место среди песен с бытовой основой занимает тема об отношении атамана к женщинам. Эта область дает большую пищу фантазии слагателей и исполнителей. Однако самостоятельных тем об отношении Разина к женщинам очень немного. Большинство представляет различные вариации сюжета о девице на разбойничьем судне. Сюжет этот часто встречается в разбойничьих песнях. В разинском репертуаре он соединяется с воспоминанием о действительном событии—захвате в плен персидской княжны. Кроме того, в песнях о наезде Разина на Астрахань встречается эпизод о девке-Астраханке Помимо песен о

девице на воровском судне и эпизода о девке-Астраханке, имеются три песни о Ст. Разине и женщинах. Они записаны в различных местностях: в губерниях Пермской, Саратовской и Тамбовской.

В песне из Пермской губ. Ст. Разин изображается купцом. По ранней утренней заре вниз по Волге плывет легкая лодочка о шести гребцах. В ней сидит Ст. Разин, одетый купцом; он плывет „по купеческую дочь". Он вызывает ее на высокое крыльцо—встретить его с честью и за это обещает ей дорогие подарки:

„Ох, красавица, купеческая дочь,
Выходи ко на высокое крыльцо,
Ты встречай-ко астраханского купца,
Стеньку Разина удала-молодца,
Ты сади-ко за набранные столы,
Меду патоки с поклоном подноси,
Ты целуй-ко Стеньку в молодецкие уста.
Уж за это тебя Стенька наградит,
Шелку-бархату на платье подарит".

Сюжет песни не противоречит биографии атамана и его молодцев; известно, что для них переодевание имело большое значение. С целью захватить город, они переодеваются то купцами, то московскими ратными людьми, то называются богомольцами. Яковлев относит эту песню к циклу песен об агентах. Но, думается, основа песни все же не историческая, а скорее бытовая.[1]). Цель приезда молодца-купца—определенна; он едет к купеческой дочери и обещает ей подарки за любовь. К сожалению, мы не имеем указаний на исполнителя этой песни Отточенность выражений и рифмовки говорит за ее ретушировку и м. б. даже за подделку под разинскую песню.

Вторая песня Саратовской губернии развивает мотив, когда один из любящих, узнает о судьбе другого по какому-нибудь предмету, напр, по кольцу. Из-за темного леса летит птица. В когтях она держит руку с

---

[1]) См. Соболевск. т. VI, № 216.

золотым перстнем. Птица роняет руку в Волгу. По берегу идут девушки. Одна из них узнает руку своего милого и догадывается, о его смерти.

„Из за лесику, лесику, лесочку темного
Вылетала вот птица Камская,
Птица Камская летела она из Уральского;
Во когтях то она несет белу рученьку,
Белу рученьку она несет со златым перстнем.
Как садилася эта птица она все на сырой дуб,
Все на сырой-от она дубок
Только над Крякой-рекой,
Над Крякой-рекой, над Волгой матушкой;
Уронила она эту рученьку во Кряку-реку,
Во Кряку все реку, Волгу матушку.
Вдоль по бережку туто шли красны девушки;
Увидала эту рученьку Стешка-девушка.
Ох эта права рученька вот мово милово дружка,
Все мила то вот мово дружка, Стеньки Разина.
Знать мово то все мила дружка его в живых нету.
Ох растерзала его тело бело по дикой степи,
Ох по дикой то степи по Саратовской".

Песня из Тамбовской губернии поет о сыне Разина, который не исполнил обещаний, данных им девушке и обманул ее Сначала она грустит о своем милом, потом узнает, что он сын Ст Разина и называет его злодеем и разбойником. Девица плачет о своем милом:

„Ах на что меня родители породили,
А на что меня на свет пустили.
Для того ли, чтоб кручиниться,
Для того ли, чтобы мне век печалиться.
Как и был у меня мил-сердечный друг,
Он любил меня и жаловал,
Много злата, серебра обещивал.

Девица огорчена, что ее любезный надавал ей обещаний и не исполнил их. Он часто говорил:

„Я куплю тебе, девица, цветно платье,
А на шею твою белу жемчужны жерелья,
На головушку твою золотой повойник.
Я острою те девица каменны палаты,
Я поставлю во палатах кровать тесовую,
На кроватушку положу перину пуховую,
Я покрою постелюшку одеялом соболиным.
Я частенько буду, девица, к тебе езжати
И со Волги со разбою буду отдыхати".

Но молодец не исполнил ни одного из своих обещаний и уехал, не простившись. У девицы является чувство озлобления против ее прежнего милого. Десять лет она не имеет о нем известий и, наконец, на одиннадцатый год узнает, что он пойман и оказался сыном Стеньки Разина.

„Услыхала я девица на одиннадесятый год,
Что поймали разбойника на большой Волге реке,
Допросили разбойника из какого роду-племени он был.
Показал злодей-разбойник,
Что он Стеньки Разина был сын".

Эта песня не имеет исторической подкладки. Бытовой сюжет об обманутой девушке приобретает оформление разбойничьей песни и притягивает к себе известное имя Ст. Разина.

Одна из песен Пермской губернии изображает Разина раскаивающимся. (Сб. М. № 283). Средь чистого поля под одиноким дубом добрый молодец, Степан Разин, раздумывает о своей судьбе.

„Перед ним лежит ружье бранное,
По леву руку, что тяжел камень,
По праву руку-сабля острая".

Молодец жалеет, что не слушался отца с матерью, что ему придется скитаться по белу свету и умереть одиноким—без отпетия.

„Ох ты волюшка, воля буйная,
Воля буйная да казацкая.
Спогубила ты добра молодца,
Добра молодца Стеньку Разина.
Кабы слушался отца с матерью,
Споваживал бы крестова батюшку,—
Не скитался бы по белу свету"

Песня—эта по всем данным—произведение псевдонародное. Вероятно, сложено оно не без влияния цензуры, благодаря чему молодец и сожалеет о том, что его погубила воля „буйная казацкая", и о том, что он не слушался отца с матерью. Это произведение не имеет ничего общего с нижневолжскими и казацкими разинскими песнями: оно появилось, по всей вероятности, в среде далекой и чуждой той, в которой протекала жизнь, и деятельность атамана. В словах героя о том, что похоронят его без отпетия, с одной стороны, м.б., следует усма-

тривать намек на отлучение его от церкви, а с другой — оттенение морально-дидактических тенденций, которыми она проникнута.

Как произведение псевдо-народное, интересна так называемая „былина“ о Ст. Разине[1]). Это произведение попало в репертуар народных певцов, подверглось многочисленным переделкам, получило вставки и повторения, утратило композиционную стройность и иногда смысл. В таком виде оно было записано от слепцов-нищих членом Костромской Архивной Комиссии. Содержание былины представляет смешение исторических фактов и исторических эпизодов анекдотического характера. Также передает былина многие легенды и предания о Ст. Разине, известные на Волге: напр., предание о чародействе, знакомство с нечистою силою, умение летать по воздуху невидимкой, избавляться от тюрьмы.

Таковы единичные записи разинских песен. Ими заканчивается круг индивидуальных тем. Содержание многих из них подтверждается историческими документами. Очень небольшое число падает на единичные сюжеты с бытовой основой и еще меньшее, на произведения псевдо-народные. Однако, разнообразие форм, в которые вылились разинские сюжеты показывает, насколько силен интерес к личности и образу атамана-героя-чародея-богатыря.

---

[1]] Этнографич. Обозр. 1899 г. № 4.

5. Прикрепление анонимных казацко-разбойничьих песен к циклу разинских.

Разинский репертуар обогащается целым рядом песен, по содержанию бытовых, не прикрепленных к определенному историческому событию или лицу. С именем Разина сюжеты этих песен не имеют связи органической, но связь ассоциативную— по сходству изображаемых положеней и среды, создавшей их. Таковы песни молодцев, лишившихся атамана, песни о девице, попавшей в плен к разбойникам, песня о смерти героя, песня—просьба умирающего героя похоронить его между трех дорог, мотивы: вещего сна; все пойманы, кроме одного. В этих песнях нет исторической подкладки, т. е. содержание их не может быть проверено и подтверждено фактами из истории; но оно в большинстве случаев и не противоречить им. Песни эти изображают жизнь вольных людей и иногда, м. б., в частности разинцев, но со стороны быта и душевных переживаний. Многие из этих песен возникли под влиянием смутного времени и неустройства внутренней государственной жизни, что вызвало развитие разбоев на Руси. Таковы песни о разбойниках, потерявших атамана; об атамане, лишившемся дружины; песня о девице на разбойничьем судне. Психологическое основание этих сюжетов может быть применено и к Разину, (Смерть героя на чужбине, просьба молодца похоронить его между трех дорог; мотив вещего сна). Сюжеты эти безыменны, но притягивают к себе имя

Разина, благодаря чему и сами входят в цикл разинских песен.

Плач дружины, потерявшей атамана, известный мотив в разбойничьих песнях. Он встречается чаще всего в центральных губерниях. Содержание песен-плачей лирическое; схема построения их довольно устойчива. Молодцы лишились атамана. Они чувствуют себя одинокими и покинутыми; неоткуда ждать им помощи, и они обращаются к природе (к дождю, к туче, солнцу, к горам) с просьбой о помощи и защите. Молодцы называют себя людьми беглыми, людьми беспачпортными, солдатами, сиротами, разбойничками, работничками атамана. Иногда в признания их вставляется имя Разина. Так песни эти становятся песнями разинцев. Вставка имени Разина не изменила содержания песен, но вызвала разногласия относительно их происхождения. Напр., Аристов считает, что песни разинцев обязаны возникновением самим дружинникам Разина. Костомаров приписывает создание этих песен остаткам разбойничьих шаек, которые появлялись в центре и на верхней Волге уже после гибели атамана. Лопатин высказывает мнение, что эти песни просто разбойничьи и сложились гораздо ранее разинской эпохи. Впоследствии, при появлении Разина и его молодцев, песни эти получили широкое применение в их среде. Когда имя Разина забылось, песни эти переходят к волжским бурлакам, „людям беглым", „сиротам и солдатам беглым, все беспачпортным". Бессонов относит песни молодцев к безыменным молодецким. Он основывается на том, что в них почти отсутствуют черты, характерные для времени Разина. Действительно, нет оснований всецело отнести ко времени Разина песни молодцев. По всей вероятности, они сложились гораздо ранее, вместе с появлением разбойников, „атамановых работничков". Но в кругу разинской дружины, особенно после гибели атамана, в среде беглых людей, которые в огромном числе бродили по Руси, песни эти без сомнения пользова-

лись большой известностью. Уже после захвата Разина, волнения на Дону не прекращаются. Сообщники атамана появляются на верхней Волге и в центральной России. Правительство посылает отряды для их усмирения и предписывает воеводам чинить строгий промысл над товарищами Разина. В грамотах, разсылаемых на места, предписывается разорить пристанище беглых людей, и песня не отступает от действительности, когда поет, что „станы их разорены и майданы запустели".

„Ай, ай ишшо все наши теплы станочки приразорены;
„Ай-и, аи все то друзья, братья да товарищи все припоиманы" *)...

„Ах да еще все-то наши, братцы, - друзья-товарищи,
Ой, братцы, все переловлены.
Ах да все в железные в ручные они кандашки да все позакованы„**)...

„Все майданики запустели, все несчастные приуныли:
Стеньки Разина вот у нас не стало". ***).

И действительно, вот что читаем в одной из уцелевших царских грамот на Дон: „Многие воры Стеньки Разина собранья, которые ушли из Астрахани из черты, живут ныне на Дону в верхних казачьих городах. И как к вам ся наша Великого Государя грамота придет, вы б атаманы и казаки и все войско Донское.. учинили о тех ворех всякой промысл собча, чтоб в тех местех по Дону и в степи воровства не было и чтоб тех воров переимать и пристанища их разорить"****). Следовательно, разбойничьи песни безыменных молодцев не были пустым звуком для остатков разинской дружины; содержание их было им близко по настроению. Поэтому разинцы, распевая уже готовые безыменные песни, индивидуализируют их, применяя к себе. Таким путем в песни вставляется имя Разина, указание местностей, в которых действовали разинцы, настроения времени их удач. Только

*) Сб М. № 272.
**) Там же № 304-а.
***) № 304-б.
****) Свод Зак; т. I, 911—5.

разинцы, думается, могли распевать с такою уверенностью:

„Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички,
Мы веслом махнем--корабль возьмем,
Мы рукой махнем—девицу возьмем".
Кистенем махнем—караван собьем.

Народная память не запечатлела в разинских песнях образ пленной красавицы-персиянки. Но в песнях о безыменной девице, попавшей в плен к разбойникам, могут быть отмечены некоторые черты, как отпечаток времени Разина. Тема о девице, захваченной в плен, известна в казачьих и разбойничьих песнях в разнообразном окружении*). Девица, находящаяся на разбойничьем судне, плачет. Окружающие ее молодцы спрашивают о причине слез. Из ответа девицы выясняется, что она тоскует о своей воле:

„Ты прости, прости отец и мать,
Ты прости, прости и родплемя,
Уж как мне с вами не видатися:
Я досталася разбойникам, не нажить уж мне своей воли".
(Вариант из Сб. Чулкова).

Иногда атаман и есаул утешают девицу и обещают отвезти ее на родную сторону:

„ Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедем с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку к отцу, к матери".

В некоторых случаях девица попадает в стан к разбойникам после дележа добычи. Молодцы делят добычу, и одному из них достается девица. Молодец огорчен своим жребием, но девица утешает его, указывая, что у нее есть ценные вещи: соболья шуба, кольцо и т. д. В иных песнях выясняется, что девица плачет оттого, что она с пятнадцати лет во разбой пошла и

*) Сб. М. № 303; Листопадов и Арефин. Вып. I, стр. 39; Сб. Чулкова, т. I. ч. 3-я, № 93; Лопатин и Пономарев, №№ 51, 54, 55. Железнов, т. III, стр. 52, 53; Мякутин, Оренб. 1905, стр. 23—25; Соболевский, т. VI, № 408, 417.

„души резала„ и что, между прочим, зарезала своего дружка-милого*). Сюжет о пленной девице часто можно наблюдать присоединенным к безыменным песням молодцев. Связующим звеном между здесь иногда является мотив дележа добычи. Бедность захваченной добычи огорчает молодцев; они обращаются к солышку красному с просьбой обогреть их и обсушить платье цветное, т. к. они промокли под осенним дождем:

„Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Над горой взойди над высокою, над дубравушкой над зеленою.
Обогрей ты нас добрых молодцев, атамана со казаками,
Ясаула с добрыми молодцы, еще кормщика с водоливщиком,
Обсуши ты нам платье цветное—после бури, после вихорю,
После грома, после молнии, после дождика лиючего,
В конце лета, в конце теплого, в осени в начале холодныя,
В сыром бору стоючи без шатров и без палаток мы,
Что без верхнего платья теплого.
Мы на легкой были пашенке,—на рукопашном на сраженьице.
Ничего то мы не пошкотили,—полонили только девицу,
Красну девицу дочь отецкую"...

Ни в одном из вариантов самостоятельной песни о пленной девице не наблюдается вставки имени Разина. Но сюжет о пленной девице может быть включен в круг песен, родственных разинским, потому что он своим содержанием и настроениями соответствует фактам и настроениям времени Разина.

Лиро-эпическая песня о смерти Разина.

В силу законов творческой ассоциации имя Разина протягивает к себе и лиро-эпическая песня о кончине героя у реки. Песня эта состоит из нескольких эпизодов, не имеющих между собою внутренней связи, а скорее сцепленных внешним образом. Эпизоды этой песни: переправа героя через реку в предчувствии кончины и просьба похоронить между трех дорог, являются известными эпическими мотивами и встречаются записан-

*) Мякутин, стр. 23—25; Соболевский, т. VI, № 408, 417; Якушкин, стр. 577; Листопадов и Арефьев, выпуск I-й, стр. 39.

ными в виде отдельных песен. Содержание лиро-эпической песни, особенно в записях севера, более или менее устойчиво и порядок эпизодов довольно постоянен. Песня поет о молодце, который заходился, загулялся, пришел к реке и просит перевозчиков переправить его на другую сторону. Мотивы переезда различны. При переправе молодец чувствует приближение смерти и просит перевозчиков похоронить его между трех дорог (названия их варьируются). Песня эта известна в наиболее полном виде на Севере (Сб. М. №№ 291, 304[а], 318, 337).*) Лиро-эпические песни о смерти с вставленным в них именем Разина,**) сохраняют свою схему и содержание; только в начале, в виде запева здесь появляется мотив безыменных разбойничьих песен—„все пойманы, кроме одного". (Встречается, как самостоятельная песня в Симбирской губ. Сб. М. № 319). Начинается песня сопоставлением картин и явлений природы с событиями жизни героя.

„Ай вы куста-ле вы, мои кустоцки, были куста цастые;
Да станы ле вы, наши станоцки, станы были теплые,
Ай друзья товаришши все были верные.
Ишше все вы ноньче лесочки все припасечены.
Ай, ах все-то друзья-братья да товарищи все припаиманы,
Ай, ай все-то поиманы мои товарищи, они все припосажены,
Ай, ай все-то посажены мои товарищи, они все приповешены".

Иногда запев этот поется как бы от лица дружины, потому что употребляются выражения: „леса наши, кусты наши, друзья-товарищи наши".

Только один молодец не пойман был. Вместо неизвестного героя, песня ставит имя Разина. В некоторых случаях эпизод о молодце (Ст. Разине), оставшемся без товарищей, встречаем как самостоятельную песню

*) Соболевский т. 1 № 341, 343, 351; Якушкин, 518; Кохановская. Стр. 3; Шишонко стр. 245,264 (Цитировано по Соболевскому); Сб. Миллера № 172, 182; Рыбников. М. 1910 т. II-й, стр. 721; Григорьев. т. I, стр. 305—306:

**) Сб. М. № 272 (Арханг. губ.), № 282, (Пермск. губ.); Сб. Маркова „Беломорские Былины", № 59 Соболевский, т. VI № 401.

(Сб. М. № 304а, 318). Оставшись один, молодец (или Ст. Разин) не знает, куда бежать от тоски и одиночества. Он идет на берег Дона или Дуная и просит перевозчиков переправить его на другую сторону":

„Перевезите—ка меня, добры молодцы, на ту сторону, на белый камешек". (Сб. М. № 282).

Вариант, записанный от известной сказительницы Крюковой (Марков, 59), имеет многие былинные особенности. Так, герой приезжает на коне и, прежде чем отправляться на другой берег, оставляет коня пастись на лугу: свою просьбу—похоронить его между трех дорог—молодец (Разин) обращает к дружине и пишет ее на сером горючем камне; в названиях дорог встречаются—славная Киевская, Владимирская, Муромская. Молодец просит:

„Положите (мое тело белое) между трех славных дорожоцек,
Где с'езжаютьце могуции сильни ботатыри,
Во котором они мести думу думают, думу думают они, совет советуют".

Атаман просит написать его имя на камне:

„Отпишите вы мое имя, фамилию,
Шьчо лежит-то ведь Сенька тут богатырь Разин—от".

В стиле этого варианта тоже замечаются былинные штрихи, былинная растянутость и повторения. Эпизод-просьба умирающего молодца похоронить его между трех дорог не присущ исключительно данной лиро-эпической песне о смерти. Эту просьбу высказывает почти всякий песенный герой, умирающий на поле брани или на чужбине, вдали от своих. И таким путем к известному мотиву безыменных песен притягивается знакомое имя атамана Ст. Разина. Ему, умирающему у Дуная—реки, вкладывается в уста просьба похоронить его между трех дорог. Аристов и затем Яковлев приписывают просьбу молодца самому Разину. Но подобное заключение не является обоснованным; оно не имеет исторических подтверждений. Эпизод этот не присущ ни песням разинского цикла, ни лиро-эпической песне о кончине молодца у реки. Он является

скорее поэтическим песенным оборотом. Песня о смерти не исторична ни по сюжету, ни по доминирующему в ней настроению. Не встречается ни одной записи этой песни из местностей, где протекала деятельность атамана. Большею частью песня называет героя добрым-молодцем Сенькою, богáтырем и лишь очень немногие варианты не искажают имени Разина. Здесь наблюдается присоединение имени атамана к готовой уже песне

Мотив вещего сна очень распространен во всех видах поэзии всех времен и народов. В целом ряде песен он является Leit - мотивом, на котором основывается все дальнейшее содержание. Географическое распространение песни о вещем сне очень широко. Особенно часто этот мотив встречается в казацких разбойничьих и солдатских песнях. Недобрый сон видит или сам герой или лица, близкие ему. Сон всегда истолковывается, как предвестник несчастия. Иногда сам герой разгадывает его. Обычно содержание снов очень сходно: любимые предметы молодца падают у него, или он лежит убитый, или „крепко раненый", или, идя по морскому берегу, он „левой ноженькой в море оступился„. В записях из Уральской области встречаем песни о вещем сне, к которым прикрепляется имя Ст. Разина*). Одна из песен, помещенная у Мякушина, более характерна, как разинская. Начинается она изображением корабля, подобно песням о казачьем круге. Атаман рассказывает свой сон есаулу:

„Что то мне, брат, ночью мало спалось,
И во сне мне много виделось:
Спадала с меня с головы кунья шапка,
Распоясался у меня золот колчан,
И рассыпались у меня калены стрелы".

*) Мякушин СПБ 1890 г. № 11, стр. 41; Железнов. Песни Уральских казаков СПБ 1899, стр. 12).

Есаул разгадывает этот сон:

„Сопадала у тебя с головы кунья шапка,—
Это пропадет твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчан,—
То мне есаулу быть крепко ранену;
Рассыпались калены стрелы,—
То казаки наши, воры– разбойнички на побег пойдут".

Иногда сон видит девица, мать или жена героя. События, предвещающие несчастье аналогичны событиям сновидений самого героя. Обычно девица, находясь на разбойничьем судне, рассказывает свой сон:

„Нехорош то мне сон привиделся.
Уж как бы у меня красной девицы на правой руке на мизинчике
Распаялся мой золот перстень, выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса, выплеталась лента алая"...

Девица сама толкует сон:

„Атаману быть поиману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне девице во темнице быть".

Итак имя Разина является в целом ряде казацко-разбойничьих песен поэтической вставкой. Оно влилось в готовую форму и содержание—по законам творческой ассоциации, в силу „вековых идеалов", как говорит А. Н. Веселовский, „которые задолго перед тем овладели сознанием народа".

6. следы контаминации сюжетов.

1. Разин и Ермак.

При рассмотрении сюжетов разинских песен выступают с одной стороны сюжеты индивидуальные: содержание их имеет свои отличительные, им одним присущие черты. (Таковы песни о наезде на Астрахань, о сынке, о казачьм круге). Сюжет их вполне самостоятелен, единичен. С другой стороны в разинском репертуаре наблюдается соединение сюжетов. Образ Степана Разина контаминируется с образами других героев.—Таково соединение некоторых разинских песен с ермацкими, соединение песни о взятии Казани с образом Разина, песни о сынке с былиной об Илье Муромце, легенды о проклятии Разина с сюжетом о поединке.

Народная песня сближает Разина с Ермаком. Одна и та же среда, голутвенное казачество, выдвинула двух вольных атаманов. Тяжелые экономические условия определяют их образ действий. Об'единив вокруг себя дружину, они стремятся путем вооруженного захвата приобрести средства к существованию, и этим навлекают на себя гнев государя и властей.

Но, имея одинаковое начало,—впоследствии их пути расходятся и приводят к достижениям по социальной и политической значимости глубоко и различным Ермак с дружиной, стремясь уйти от преследований правительства, двигается по Волге на Каму, достигает Строгановских поселений, предпринимает оттуда походы в Сибирь. Завоевав Сибирь, он приклоняет ее под власть Московского государя и искупает таким образом все свои „вины“ патриотическим актом.

Степан же Разин, сначала предводитель походов за зипу нами, после персидского похода превращается в непримиримого врага существующего социального строя, об'являет ему смертельную борьбу, и трагически гибнет в этой борьбе.

Яркие события жизни порождают вокруг каждого из героев огромное устно поэтическое наследство. Оно живет в народном сознании, передаваясь устным путем от одного поколения другому и лишь около 250 лет спустя (о Рааине) и около 350 лет (о Ермаке) попадает в руки собирателей и записывается.

На основании записанных текстов, можно сказать, что народная поэзия, опуская черты различия, оттеняет сходство двух героев: их „вины" перед Москвою и блестящие походы, наделяет их высоками личными качествами, обоих считает непобедимыми. Хронологическое расстояние между ними утрачивается. Они действуют одновременно, один у другого является есаулом. *) Их взаимная близость дополняется еще тем, что они имеют одинаковые отчества (Тимофеевичи), что дает песне повод считать их братьями:

Атаманом быть Ермаку Тимофеевичу
Есаулом быть—его братцу родимому, Степанушке.
(Тексты, № 116 (1).

В цикл разинских и ермацких песен включаются народным творческим сознанием песни о выборах атамана. Далеко на синем море, или в неопределенном месте, собираются добрые молодцы и думают-гадают, кому бы из них атаманом быть, кому есаулом слыть. После выборов атамана поднимается вопрос, куда двинуться в путь. По своему сюжету песни этой группы не являются чисто разинскими и в большей степени могут быть отнесены к песням о Ермаке. Их основа

*) См. Рыбников, т. II, стр. 719, изд. 2 е.

(выборы атамана) не находит себе подтверждений в исторических источниках времени Разина. Однако в этом материале не встречается и отрицаний этого факта. По своей схеме песня о выборах Разина в атаманы близка песням о том, как Разин не проходит во казачий круг, а приглашает голь кабацкую в поход. Но в песнях о неприходе атаман не выбирается дружиной, а наоборот сам набирает охочих людей, принять участие в его походах. В песнях же о выборах атамана,—наоборот, центр содержания самые выборы. Собравшиеся молодцы думают думу крепкую, кому из них атаманом быть: „Уж кому то из нас доброму молодцу атаманом быть?" В атаманы выбирается или Микита Тимофеевич (Сб. М. № 415), Степан Тимофеевич (Сб. М. № 316—347), Матвеюшка Тимофеевич (Сб. М. № 317). Иван Тимофеевич (Сб. М. № 32), Стенька Разин (Этн. Обозр. 1899 г. № 4). Есаулом же выбран или Василий Никитич (Сб. М № 307), Ермила Романович (Сб. М. № 315), Микита Романович (Сб. М. № 316), Никитушка Романович, Никитушка Васильевич (Сб. М. № 321), в Пермском варианте—Ванька Каин Тексты № 88 (5). Новый атаман приглашает свою дружину в путь:

„И не полно ли нам, добрым молодцам, на морях стоять.
Не пора ли нам, добрым молодцам, на свежу воду, на свежу воду, Волгу-матушку".

Атаман предлагает добрым молодцам сесть в легкие лодочки и разбивать вражьи корабли. Несколько отличается от предыдущих вариант Самарской губ.: для выборов атамана собираются не добры молодцы, а разбойнички, которые стояли на море семь годов:

„На море стояли разбойнички семь годов:
Разбивали судна-корабли—армянски, татарски, купечески.
Они думали-гадали думу крепкую, заединую,
Кому из нас, ребята, атаману быть".

После выборов атамана молодцы обдумывают

свой дальнейший путь. Песня перечисляет поволжские города, которые должны им встретиться на пути.

„Астрахань то славну мати пройдем с вечера,
Царицын-городочек во глуху полночь,
Саратов и Дубовку на белой заре,
А Самаре городишку не поклонимся,
В Жигулинских городах остановимся....“

История не останавливается на факте выборов Разина в атаманы. Она не дает сведений о моменте сформирования ядра разинской дружины.

По обоснованности с исторической точки зрения, песни о выборах атамана могут быть с большим право отнесены к имени Ермака. Документальные данные о Ермаке содержать некоторые указания на события.

Все сибирские летописи указывают на Ермака, как на старшего в дружине, предводителя:

...„Из них же побегоша казаки вверх по Волге реке, в них же бысть старейшина их, атаман, рекомый Ермак с товарищи“...*) Все летописные рассказы о Ермаке касаются перехода его дружины с Волги на Каму к Ртрогааовским поселениям. Более подробно освещает этот момент Ремезовская летопись. В 86 г. (т. е. в 1578 г.), когда захваты казацкой вольницей торговых судов стали обычным явлением, правительство стремится принять меры против беспокойной голытьбы.

.. „И того же 86-го октября в первый день послан указ от великого государя и со стольником Иваном Мурашкиным по дороге и в Астрахань, где тех воров ни застанет,—тут пытать, казнить и вешать. Ермак же, советом с дружиною, услыша грозное сло-

*) Сибирские Летописи. Изд. Археогр. Комисс. Спб. 1907 Стр. 193, Есиповск. Летопись по списку Ундольского.

во и дело, августа з 29 числа, и с возвратом здумали бежать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверх. И тот их государев указ на станах не застал*).

Итак, посоветовавшись с дружиною, Ермак двинулся в путь на новые места; возможно, что он был опять выбран дружиной перед походом в атаманы, или укреплен в прежнем своем звании. По большинству песен, добрые молодцы, собираясь в путь, выбирают „атаманушку походного". Дата движения Ермака тоже стоит в соответствии с указанием песен. Ермак с дружиной отправился в путь, по свидетельству летописи, 29-го августа 86 или 1578 года, следовательно уже осенью. Несомненно, неизвестность положения в будущем и близость зимы должна была смущать казаков. Отражение этих сомнений и беспокойства находим и в песнях о выборах атамана:

„Ой, как проходит, ребята, лета теплая,
Настает то зима, зима холодная.
Да и где же мы, братцы, зимовать будем.
На Яик иттить город—переход велик,
А на Волгу иттить нам—там ворами слыть,
Под Казань иттить город—там сам царь стоит,
Как и грозный то царь Иван Васильевич.
Как и мне Ермаку то быть повешену,
А вам, казакам-то—перэловленным, да по крепким по тюрьмам
порассоженным (Сб. М. № 163).

Летописями Есиповскою и Ремезовскою Ермак изображается, как активная личность: инициатива похода за Урал принадлежит ему самому. Роль Строгановых в этом деле сводилась лишь к вынужденной помощи казаками материальными средствами. Успех дела Ермака и последствия покорения Сибири способствовали идеализации образа его, и приписанию ему необычайных качеств.

Ермак отправляется в неизвестную страну, покоряет ее, посылает государю дорогие подарки с из-

*) Там же. Ремезовская Лет. Стр. 313.

вещением о завоеванных новых землях. События покрыли образ Ермака славой; песни запомнили эти события и украсили их творческим вымыслом. Личность Ермака приобрела черты сверхчеловеческие. Ермак превратился в богатыря, сражающегося с силой Калина-царя и бабищей Мамаишной, Ермак подает советы Грозному царю, как Казань город взять Сравнительный подсчет песен о Ермаке и Разине, содержащих эпизод выборов атамана, тоже оставляет преимущество на стороне песен о Ермаке. Содержание ермацких песен (о выборах атамана) полнее, чем разинских. Выборы атамана—это начало большинства ермацких песен самого широкого географического распространения Ермак со своими молодцами помогает царю Ивану Васильевичу взять Казань-город или завоевать Сибирское царство. Этим поступком он заглаживает свои прежние „вины". Мотив прощения вин, встречающийся в некоторых разинских песнях, по существу ермацкий. Во всех вариантах песен о Ермаке, за весьма незначительными исключениями имеется этот мотив. Он основан на действительном событии, когда после покорения Сибири был отправлен Ермаком к царю Ивану Грозному атаман Иван Кольцо с повинной от всех казаков и с драгоценными подарками. Во время же возмущения Разина казаки ни разу не приносили повинной царю. Наоборот, последний несколько раз посылал к ним грамоты с увещаниями „отстать от воровства", но уговоры не действовали. Только единственный раз, по возвращении Разина из персидского похода, он отправляет депутацию в Москву с просьбой простить вины, но правительство не приняло этой депутации: она была задержана и отправлена в Астрахань под стражею. Итак, можно с уверенностью сказать, что мотив принесения повинной и прощения вин порожден событиями времени Ермака и из песен о Ермаке занесен в позднейшие исторические песни.

Помимо элементов, общих разинским и ермацким песням, могущих быть отнесенными к тому и другому герою, в содержании разинских песен встречаются элементы исключительно ермацкие. Это обстоятельство позволяет усматривать влияние ермацких песен на разинские. Однако, в главных чертах Разин и Ермак обрисованы песнями индивидуально. Так, Разину не приписывается завоевание Сибирского царства,— это событие строго прикреплено к образу Ермака. Но, песня о взятии Казани соединилась с именем Ермака и через это с именем Разина.

Песня о взятии Разиным Казани записана единственный раз в Симбирской губернии. Атаман и есаул похаживают по кругу. Атаман в прекрасном костюме, напоминающем костюм сынка Разина:

„На нем бархатный кафтанчик на распашечку,
Бобровая шапочка под пазухой,
Сафьянные сапожки на босу ногу,
Он серебряной тросточкой помахивает".

Есаул поднимает речь о том, как бы проехать в Астрахань; но атаман Степан Тимофеевич отклоняет это предложение, и указывает, что следовало бы итти под Казань. Белый царь стоит под Казанью уже семь годов и, „не взявши Казань-город, хочет прочь итти". Разин приглашает свою дружину итти к нему на подмогу. Во многих песнях (разинских и ермацких) атаман предполагает совершить путь с большой поспешностью. Песня изображает разговор удалых молодцев с посланным царя и, далее, пропуская промежуточные эпизоды, сразу изображает подведение подкопа. Хотя песня не указывает, но из дальнейшего содержания вытекает, что инициатива подведения подкопа исходит от Разина. Зажжены свечи на бочках; участники взяли в руки тоже зажженные свечи и отошли в сторону. Свечи в руках догорели, а взрыва все еще нет. Царь гневается. Атаман об'ясняет царю, что под землей свечи горят медленнее. Происходит взрыв.— Затем песня меняет место действия, перенося его в

Москву. Царь делает пир; с'ехались гости; начинается хвастовство; на моменте похвальбы и обрывается песня. В песне о взятии Казани царю помогает пушкарь. На мотиве помощи царю (об'яснение пушкаря) основывается вставка имени Ст. Разина. Вместо безыменного пушкаря в песню вносится имя Разина, удачника в походах. Но оно в данном случае явилось через посредство имени Ермака. Песен о взятии Казани Ермаком—значительное количество. Содержание их очень близко к выше рассмотренной песне с именем Разина. Историческая песня—взятие Казани Грозным—притянула к себе имя Ермака, а оно заменилось сходным с ним именем Разина.

С другой стороны—в ермацких песнях можно заметить элементы разинских. Одно из крупнейших событий в истории разинского движения—персидский поход и факты, связанные с ним, отразились в разинских песнях только глухими отголосками. Захват в плен прекрасной персианки ассимилировался и прикрепился к известному в казачьих и разбойничьих песнях сюжету о пленной девице. В одной старинной песне об убийстве Ермаком персидского посла Карамышева (Сб. Кирши Данилова) находим отголосок битвы и победы разинцев над персианами. Черты исторической действительности песня не сохранила. Персидский военный флот превращен в торговые турецкие суда на которые нападают казаки, с целью забрать товары. Персианка, захваченная в плен разинцами, получает в ермацкой песне, имя Урзамовны и превращается в дочь мурзы турского. Она одна не испугалась казаков,—она просит их не губить ее красоты, привести ее в веру крещеную и отвезти в государство Московское. Казаки исполняют просьбу девицы. Таким образом, к песне, сюжет которой не единичен (убийство казаками кн. Карамышева и подвиги Ермака), прикрепляется событие разинской поры. Некоторые черты, общие разинским и ермацким песням,

могут быть в большей степени отнесены к Разину. Так зачин, который имеют и те и другие песни, скорее мог бы быть отнесен ко времени Разина:

„Как на славных было на степях Саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина"...

Локализация событий с перечислением городов нижней Волги более близка Разину. Во многих вариантах как ермацких, так и разинских песен вольные люди собираются для выборов атамана на Бузане-острове—штрих, тоже принадлежащий времени Разина. Бузан или Бузань—один из протоков нижней Волги, по которому неоднократно проезжал Разин. Упоминание протока Ахтубы, встречающееся в Сибирском варианте об убийстве Ермаком кн. Карамышева, тоже занесено в песню о Ермаке из маршрута Разина, который не раз плавал по Ахтубе. Рассуждения молодцев, как им города пройти, встречающиеся в песнях о Ермаке и о Разине тоже более соответствуют событиям времени Разина. (В ермацких песнях этот мотив встречается лишь в одной теме, в то время как в разинских в нескольких темах). Всякий раз, когда Разин совершал свой путь мимо волжских городов, он должен был принимать меры предосторожности и стараться миновать города возможно быстрее, т. к. знал, что власти враждебно относятся к нему. Таким образом, рассуждения молодцев, как бы мимо городов проехать может быть рассматриваемо в прямом смысле, как передача действительности. Также можно предположить, что в этом эпизоде поэтически отобразилась быстрота, с которой Разин брал один город за другим. Присутствие этого эпизода о проезде мимо городов, несомненно, зависит и от местности создания или, по крайней мере, бытования песни. Как в ермацких, так и в разинских песнях мотив о том, как миновать города встречается исключи-

тельно в поволжских губерниях, чем и об'ясняется точность и последовательность в перечислении городов снизу вверх.

Этими штрихами исчерпывается разинский элемент в ермацких песнях. Влияние разинских песен на ермацкие слабее обратного влияния. Чисто разинские сюжеты не могут быть приурочены к песням о Ермаке, в то время как сюжет о выборах атамана, на больших основаниях относящийся к ермацким, прикрепляется к Разину. В ермацких песнях не наблюдается контаминации сюжетов через посредство разинских песен, но через посредство ермацких-песен имя Разина вносится в песни о взятии Казани. Отдельные мотивы разинских песен, связанные исключительно с историческим образом Разина, также не перенеслись в песни о Ермаке, как, напр., эпизоды ермацких песен—поездка к царю, принесение повинной, просьба о прощении—прикрепились к некоторым разинским песням. Влияние разинское огнаничивается штрихами, общими тем или другим песням, но более соответствующими Разину, и затем довольно бледным отражением эпизодов персидского похода в песне об убийстве Ермаком кн. Карамышева.

При сравнении песен о Разине с песнями о других героях более раннего и более позднего времени, мы убеждаемся, что они (разинские песни) все же ближе всего к песням о Ермаке. Они взаимно близки не только сходством образов их героев, но и новым элементом, отражением интересов казачества.

2. Песни о Ст. Разине и былины.

Былинные сюжеты не вошли в разинские песни. Можно отметить лишь два случая контаминации разинского сюжета с былинными.—Именно сюжет песни о сынке, соединившийся с былинным сюжетом об Илье Муромце и голях, и затем эпический сюжет поединка, соединившийся с сюжетом о проклятии атамана.

Вариант песни о сыне Ст. Разина в кабаке записан в Якутской области. Как и все песни о сыне,—эта начинается с появления молоцца в Астрахани. Он обращает на себя всеобщее внимание. Но вот „довелося добру молодцу зайти во царев кабак". Он обращается к целовальнику и требует вина на 500 рублей. Тот удивлен: „Что это, братцы, за питух пришел, за горькой пьяница?"—спрашивает он окружающих. Но у дверей в углу стоит голь кабацкая, которая об'ясняет целовальнику, с кем он имеет дело: „Не питух к тебе пришел, не горькой пьяница,—по всей нашей Руси родовой казак". Молодец, тронутый заступничеством голи, угощает ее: „Пей, гуляй, голытьбушка, на мой на счет". Затем молодец опять выходит на улицу и идет мимо канцелярии губернаторской. Губернатор требует его к себе, спрашивает, как его имя. Голь, находящаяся здесь же, опять отвечает за него:

„Ах ты, батюшка наш, ты ошибаешься.
Пришел к тебе не царь, не царевич и не царский сын,
Не король, не королевич, королевский сын,—
По всей нашей Руси родовой казак (православный царь),
Под названием Петр Алексеевич".

Молодец благодарен голи за участие и спрашивает ее: „Чем тебя я, голытьбушка, пожалую?". Но к губернатору герой обращается вызывающе. Он недоволен, что ему с самого начала не оказали почета: „На приходе добра молодца не потчевал, на уходе добра молодца не участвовал...—заутра я с тобой, собакой, переведаюсь". Таково содержание этого варианта песни о сыне. По сравнению с другими зариантами оно изменено, хотя схема та же. Вставным действующим лицом песни является голь. Она заступается за героя и перед целовальником и перед губернатором, чем вызывает к себе благодарность. Вставка о голи кабацкой составляет почти половину песни. Она явилась резельтатом соединения песни о сыне и былины об Илье Муромце, старом казаке, который приходит в Киев или Царь-град и в кабаке встречается с голью.

Илья-калика перехожая приходит в Царьград и направляется в царев кабак. Он требует себе вина безденежно. Целовальники не верят ему в долг; тогда калика просит голь кабацкую выручить его:

„Вы, ай же голи кабацкие, вы—нагольни горькие пьяницы.
Вы скиньте, голи, по денежке, еще прибавьте по копеечке,
Купите вина полтора ведра, опохмельте калику перехожую:
Заутро напою вас безденежно“ *).

Иногда голь добровольно, без просьбы со стороны Ильи, выручает его (Гильферд. № 239). Проснушись на другое утро, калика отправляется к винным погребам, берет оттуда две бочки и приглашает голь угоститься. Целовалники поражены и испуганы; докладывают о случившемся кн. Владимиру. Последний приказывает привести калику к себе. Старый казак открывает свое инкогнито и расплачивается с князем за зелено вино. Он недоволен недоверием к нему, говорит с князем „зычным голосом“, называет его „собакою“. (Гильферд. № 257), а в некоторых вариантах № 232, 220) перебивает целовальников, которые пришли будить его и звать к ответу Иногда Илья только называет себя (№ 220, 232). Содержание и внутреняя схема былины об Илье очень близка рассмотренной выше песне о сыне. Параллельны также некоторые детали, напр., описание костюма и внешнего вида геров, появление их и кабаке и на допросе. В былине события растянуты на два дня. В данной песне о сыне тоже можно заметить следы растянутого действия. Обычно в песнях о сыне сейчас же после первого эпизода следует приказ губернатора; в данном же случае после первого эпизода имеем вставку о кабаке и голи кабацкой, и уже после нее песня, стараясь связать свое дальнейшее содержание с первым эпизодом, заставляет молодца второй раз итти по улице „где герой эффекно открывает свое инкогнито. Многие варианты песни о сыне упоминают что молодец заходит во царев кабак,—а рассматриваемом варианте этот штрих растянуть в целый эпизод.

*) (Гильферди г. СПБ. 1900. № 219).

Былину и песню об'единило одинаковое внутреннее построение и казацко-разбойничий элемент, присущий им. С появлением на исторической сцене казачества и под влиянием смутного времени былины об Илье частью изменяют свое содержание. Образ Ильи Муромца воспринял черты образа Илейки, самозванца-казака: в эпосе, и в частности в былине об Илье, появилось новое действующее лицо—голь кабацкая. Как результат влияния былины об Илье, в песню о сыне вошло имя царя Петра Алексеевича. Голытьба рекомендует целовальнику незнакомца, как „родового казака"; губернатор тоже говорит, что перед ним находится „не царь, не царевич, а родовой казак (православный царь) под названием Петр Алексеевич". Песня подчеркивает, что герой ее не царь, а „родовой казак", и если царь, то только по названию. Вопрос губернатора, обращенный к молодцу: „Царь ли ты, царевич ли? может быть понят как отражение эпохи самозванцев. В. Ф. Миллер понимает вопрос губернатора именно таким образом. С одной стороны, он полагает, что имя Петра Алексеевича было занесено в песню из песен о Пугачеве, самозванном царе Петре Федоровиче, и заменено более популярным именем Петра I. Позднее,анализируя черты смутного времени в былинах, В Ф. Миллер высказал мнение, что имя „Петр Алексеевич" могло быть пережитком смутного времени. Оно—по всей вероятности, измененное имя самозванного царя Петра Федоровича, т. е. казака Илейки. Через его образ и произошло соединение былины об Илье-калике с песнею о сынке Разина.

Но здесь, думается, центр тяжести не в именах героев, а в сюжете; казацкая вольная песня притягивает к себе оказаченную былину.

Поединок.

Сюжет о поединке двух богатырей неожиданно сконтаминировался с легендой о проклятии Ст. Разина. Полупесня-полулегенда, в которой находим соединение

сюжетов, записана в Енисейской губернии. На Москву идут два татарченка и требуют от царя Петра поединщика, угрожая в противном случае вызвать его самого:

„Гой ты еси, Петрушка, православный царь,
Дай нам, Петрушка, поединщика,
Дай нам, Петрушка, противника,
А не дашь противника—сам иди".

Царь приглашает желающего принять вызов. Биться выходит молодец. по внешнему виду слабый и некрасивый. Но татары не могут одолеть его. Он остается победителем. Царь удивлен необычайной силой молодца, благодарит его и спрашивает, чем наградить. Молодец отказывается от всего и просит лишь об одной милости,—именно вывести из проклятия его дядю, Ст. Разина. Царь отвечает, что он не может исполнить его просьбы, т. к атаман проклят собором. Что в этом произведении разинского?—Только упоминание о проклятии Разина собором. В песнях слышатся лишь слабые отклики на это событие. В легендах же—наоборот, широко известен этот мотив В основание соединения сюжетов положен мотив о награде за совершенный подвиг (победа над врагами). Сюжет о поединке очень распространен в эпосе. В частности, легенда о проклятии Разина сконтаминировалась с песнями о Кострюке и его поединке с Потанюшкой хроменьким. То и другое произведение имеют черты сходства. В значительном числе вариантов Кострюк является уже не шурином царя Ив. Грозного и не гостем на его свадебном пиру, а врагом-татарином, который приезжает на Русь с удалой поленицей, царицей крымской и угрожает царю. Эпизоды—наступление татар, требование поединщика, угрозы, детали в изображении поединка, награды царя—параллельны и взаимно совпадают. Эпизод появления Кострюка вместе с поленицей напоминает наступление на Киев силы неверной или Батыги, которых побеждает Василий Иванович или Ермак. В рассматриваемом

произведении с момента поединка—содержание передается прозой. В преданиях и легендах о проклятии Разина, а также и в данном комбинированном произведении можно усматривать отображение действительного события—проклятие Разина и отлучение его от церкви. Одна из легенд о проклятии прикрепилась к сюжету о поединке. Возможно, что контаминация произошла здесь по забывчивости певца, который плохо знал песню о Кострюке и едва помнил о Разине. Имя царя Петра Алексеевича подтверждает это. Оно вставлено, по всей вероятности, вместо имени царя Ивана Васильевича из песни о Кострюке.

Такова контаминация разинских сюжетов с былинными. Можно сказать, что она явление исключительное и встречается в местностях, весьма далеких от района действий атамана.

Небогаты песни о Разине и отдельными былинными мотивами и оборотами. Так, в песне о взятии Разиным Казани в финале встречаем отрывок известного былинного мотива о пире и хвастовстве гостей. В нескольких вариантах песни о сыне (Сб М. № 287 Пермск. губ.; № 293 Оренбург. губ.; № 346 – без указания места записи) при изображеиии прихода молодца к губернатору, исполнитель пользуется готовым былинным приемом описания появления героя:

К широкому двору подводят—
не устрашится,
На широкий двор восходит—не
ужахнется,
На часты ступеньки ступает—
только ступеньки говорят;
На красно крыльцо восходит—
крыльцо зыблется,
Новы точены балясы рассыпаются.
В новы сени заходит—верхи
ломятся;
На порог ногой ступает—Богу
молится,
На все стороны поклон...".

Во всех разинских песнях находим несколько былинных оборотов и традиционных былинных выражений. Наиболее богаты былинными штрихами песни о смерти—сами по себе не разинские, переданные большею частью сказителями, знатоками былин. Так, в

песне о смерти Разин гуляет по чисту полю не год и не два года, „а ровно тридцать лет поры-времени“,— любимое эпическое число. В песне о смерти молодец кончается на Дунай-реке, на белом горючем камне. В одном из вариантов той же песни о смерти встречается бессознательное и неправильное применение былинного оборота. Товарищи умершего молодца просят его встать и говорят: „Ты ударь-ка буйной палицей по бедрам нашим широкиим“, обращение, которое приписывается былинами коню богатыря. В одном из вариантов (сб. М. № 279 Олонецкой губ.) песни о сыне губернатор приказывает посадить незнамого молодца не в белокаменну тюрьму, как в громадном большинстве вариантов этой темы, а „в глубок погреб“—место, куда князь Владимир сажает провинившихся. Былинные эпитеты редки в разинских песнях, за исключением постоянных эпитетов, которые уже не являются исключительной принадлежностью былин. Таким образом, разинские песни по отношению к былинам занимают вполне самостоятельное положение. Указанные былинные штрихи наблюдаются чаще всего в сюжетах поздних по времени записи, исполненных лицами, уже забывшими разинскую песню (соответствующие пометы о том, что исполнитель забыл основное содержание, приводят собиратели).

Имя Степана Разина, в противоположность имени Ермака, не прикрепилось к былинам. Ермак, по некоторым вариантам племянник Ильи Муромца, выступает действующим лицом в десяти вариантах былин. Вместе с Ильей Муромцем он побеждает Калина-царя и силу неверную, показывает свою удаль в борьбе с бабищей-Мамаишной, не страшится Мамая и его тридевяти богатырей: девяти сыновей, девяти дочерей и девяти зятьев. Сила, побитая Ермаком, столь велика, что „ведь серому-то волку в день-то не оскакать, черному ворону в день не облететь“. Ермак оказывается активнее всей других богатырей и даже самого Ильи Муромца: богатыри или отказываются защищать Киев-

град или, ничего не зная об опасности, спокойно пируют в шатрах. Илья Муромец, посланный князем Владимиром созывать их, принимает от них угощение и, опьяненный, засыпает богатырским сном на двенадцать дней. И Ермак, единственный из всех богатырей, оценивает всю важность событий, выступая один против силы неверной, которой „сметы нет". Ничего подобного нельзя сказать о Степане Разине. Имя Разина не вошло в былины. Правда, Сахаров вставляет Разина действующим лицом на Соколе корабле рядом с Ильей Муромцем и хозяином корабля Новоторженином. Но в других сборниках передается эта былина иначе. Товарищи Ильи Муромца меняются: Полкан богатырь, Добрыня, Алеша. Степан Разин упоминается на Соколе корабле единственный раз, именно в передаче Сахарова. Ни в одном из исторических известий нет указаний, чтобы корабль Разина назывался Соколом. Костомаров говорит о Соколе, Стенькином струге, ссылаясь на народные песни. Когда Разин прибыл в Астрахань из персидского похода, „толпа народа с любопытством стекалась к казачьим стругам и изумлялась видя, что на атаманском струге, носившем *по известиям народных песен*, названия Сокола, были веревки и канаты свиты из шелка, а паруса сделаны из дорогих персидских тканей" *).

Итак, разинские песни и былины скорее взаимно далеки. Историческая песня XVI, XVII в. все далее отходит от былины. Она принимает свой индивидуальный вид. Огромную роль в этом процессе обособления и индивидуализации исторической песни сыграло казачество, т. е. среда, главным образом ее создававшая и питавшая. В XVI—XVII века казачество властно вмешивается в государственную жизнь. Оно выдвигает вождей, с именами которых связаны крупнейшие события истории народных движений. Завоевание Ермаком Сибири, персидский поход Разина, Азовские по-

*) Бунт Ст. Разина. Стр. 272. Моногр., II, М. 1863.

ходы—все эти яркие факты дают богатый материал для создания казачьей героической песни. Военное дело в силу социально-экономических условий превращается в постоянное занятие казачества. Боевая готовность и постоянные выступления, с целью захвата добычи и приобретения через это средств к существованию, порождают в казачьей среде свой круг лирико-бытовых и казацко-разбойничьих сюжетов. Таковы: о пленной девушке, захваченной удалыми молодцами и плачущей о своей родине. о вещем сне атамана, предвещающем, что „пропадет его буйная головушка". Сюжеты эти зачастую притягивают к себе имена известных героев.

В казачьей песне (как героической, так и лирико-бытовой) можно наблюдать мотивы, зачины, отдельные выражения, выросшие из корней повседневной жизни и быта. Они укрепляются на фоне ярких событий, воспеваемых в героической песне, и затем превращаются в общие места, трафареты, которые впоследствии переходят в историческую песнь позднейшего времени. Таковы запевы: „У нас то было на батюшке-на тихом Дону, на тихом Дону, во Черкасском городу"... или: „Что повыше было города Камышина, да пониже было города Саратова"... или отдельные выражения: „Думу думати заедино всем"... или: „думали думу крепкую заединую"... или: „атаманушко по кругу похаживает"... или: „помутился славный тихий Дон". Традиционно и описание атаманского судна (корабля, лодки):

Как по морю, морю синему
По тому морю, по Каспийскому,
Завиднелась в море легка лодочка,
Не простая лодка, разъездна-косна;
Хорошохонько лодка изукрашена..

Большая часть этих поэтических приемов порождена бытом, повседневной жизнью казачества XVI—XVII в в., но песни об отдельных героях особенно укрепляют эти приемы. Так, главным образом, разинские события вы-

звали к жизни поэтическое описание корабля или лодки, на которой плывут молодцы. Песня о Разине укрепила запевы: „Что повыше было города Камышина, да пониже было города Саратова... и „у нас то было на батюшке на тихом Дону“.... Из ярких разинских событий вошло в песню обращение атамана к своим молодцам с просьбой грести как можно сильнее и спешить: „Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалейте“.... Разинские и ермацкие песни дали начало общим местам—как быстрее миновать города, как и где предстоит казакам зимовать. Некоторые из названных трафаретов остаются в кругу песен о своем герое. Таковы общие места-мотивы, присущие песне о Ермаке (где предстоит казакам зимовать, принесение повинной и просьба царя о прощении вин). Другие трафареты, выходя за пределысвоего цикла, прикрепляются к песням о других героях. Так, мотив, порожденный разинскими событиями, об атаманском корабле, который впереди других бежит, „как сокол летит“, встречаем в песнях об Азовском походе Петра, в песнях об атамане Рычкове. Разинский мотив, обращение атамана к молодцам с приказом-просьбою грести как можно сильнее, также встречается в позднейшей песне о Рычкове*):

„Гребите вы, молодцы, не робейте,
Своих белых ручушек не жалейте,
Трехгранных веселичек не сушите“...

Чтобы изобразить появление незнакомого молодца в городе, песня о Пугаче-Мигаче пользуется готовым трафаретом появления сынка Стеньки Разина в Астрахани:

„Что во славном было городе—Астрахани,
Вдоль по улице Мигач, вдоль по широкой Мигач.
Вдоль по широкой Мигач все похаживаот,
И он с ножки на ножку прискакивает.

*) Киреевский, вып. 8, стр. 148.

Запевы, порожденные, более всего разинскими песнями также переходят в песни позднейшие. Запевы: „У нас то было на батюшке на тихом Дону“.... встречается в песнях о Сеньке Маноцкове*. Запев песни разинской эпохи об убийстве астраханского губернатора:

„Как пониже было города Саратова,
Что пониже было города Царицына,
Протекала-пробегала мать Камышичка-река ....

Встречаем в песнях о кн. Борисе Репнине и Меншикове**).

Итак, ярко обособленная социальная группа, казачество, создав свою устно-поэтическую стихию, вырабатывает свою поэтику. Песня о Разине, по своей социальной природе почти исключительно казачья, также вырабатывает устойчивые поэтические приемы и общие места, которые затем вливаются в историческую песню позднейшей эпохи, напр, Петровской.

*) Киреевский, вып. 8, стр. 69.
**) Киреевский. Там же. Стр. 294.

7. СЛЕДЫ КРАЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В РАЗИНСКИХ ПЕСНЯХ.

Содержание и композиция разинских песен в главных чертах однобразная, в деталях подвижна и изменчива. Социальная среда, местность бытования, а также суб'ективные особенности певца откладывают на произведении свой след.

Наиболее богаты местными чертами разинские песни из поволжских и казачьих областей В северных записях местная природа и быт сравнительно меньше отразились. Однако, своеобразный отпечаток, характерный для севера, заметен в песнях. Все северные записи отличаются распетостью, длиннотами, растянутостью композиции. Эта особенность об'ясняется силой эпической традиции и привычкой певцов к одиночному подробному исполнению. Как местные, должны быть рассматриваемы некоторые штрихи в содержании песен. Так, в записях из Архангельской губернии губернатор спрашивает сынка Разина, не купец ли он *из-за моря*, не купеческий ли сын. Подобная постановка вопроса весьма редка в записях других местностей. В костюме сынка в северных вариантах встречаются перчатки (сб. М. № 276 Архангельской губернии). В варианте из Олонецкой губернии (Сб. М № 278) сынок, допрашиваемый губернатором, говорит, что если последний хорошо встретит его батюшку, то получит кунью шубу,—дорогой подарок, ценность которого особенно понятна северянам.

Несмотря на сравнительную точность, полноту и обилие подробностей, в северных записях разинских песен часто замечаются искажения. В западной Си-

бири и в Якутской области они еще более сильны, напр., в имени Разина: Сенька вместо Стенька; никогда нет полного имени героя. В некоторых случаях встречается отсутствие правильной локализации событий, Так, в олонецком варианте читаем: „Сверху вниз было по Волге, по Камы по реки" и т. д.... плывет атаман. Он предчувствует, что с сыном его случилась беда, и приказывает своим молодцам приворачивать прямо к губернатору на двор: „Приворачивайте, ребята, ко крутому бережку". В этих словах песни не чувствуется расстояния между Астраханью и местом, где находится лодка атамана. Как особенность северную должно рассматривать запев: „Вы леса ль мои, лесочки, леса темные"... и т. д, встречающийся в северных губерниях богатых лесом. В Пермском варианте песни о сынке губернатор спрашивает молодца: „Не беглый ли ты, не беглый ли прохожий человек.—Поведите молодца в астраханскую тюрьму". Эти слова губернатора приобретают особый смысл, если вспомнить, что в Пермской губернии беглецы—обычное явление. При этом характерно то, что песня сейчас же после вопроса губернатора ставит приказ отвести молодца в тюрьму, пропуская его ответ.

Более богаты местными чертами разинские песни из поволжских губерний. Поволжье—арена действий героя песен и содержание их, без сомнения, гораздо ближе населению, чем жителям Архангельской или Олонецкой губерний Место действия большинства разинских песен—Волга, поэтому местные вставки не противоречат содержанию песен. Но помимо описаний Волги, которые необходимы для сюжета, в песнях встречаются вставки, не имеющие прямого отношения к содержанию; в некоторых случаях они даже изменяют композицию песни. Так, в песне о взятии Разиным Казани, (записанной в Симбирской губернии, дружина его решает вопрос, как пристать к пристани—вставка эпизодиче-

ская и понятная главным образом населению побережной полосы большой судоходной реки (сб. М. № 314).

„Как нам, братцы, пристать к пристани?
Ежели боком пристать,—станут палить из пушек;
Ежели кормой пристать,—ловить станут,
Ежели пристать носом,—примут под руки"...

И далее, по приходе молодцев Разина в стан царя, последний посылает узнать, каким образом они пристали к пристани. Некоторые вставки, характерные для поволжья, являются в разинских и ермацких песнях общими местами. Таковы вставки о том, как бы молодцам незаметнее и быстрее миновать поволжские города и перечисление городов. Песня о сыне, как она известна в громадном числе записей, не имеет запева. Варианты же, записанные в Саратовской губернии, имеют вступление, характерное для места записи. Как вступление, к песне о сынке присоединяется известная песня „Вниз по матушке по Волге", несколько измененная:

„Ай вниз по матушке по Волге, вниз по быстрою реке
Тутo плыла выплывала легка, легка лодочка красна.
Как на лодочке гребцов молодцов пятьдесят пять человек,
Посередь лодки хозяин разудалый молодец,
Он по имени Михайло был Стеньки Разина сынок.
Он воскликнул, он возгаркнул своим громким голосом:
Да подзорачивайте, ребята, ко крутому бережку,
Ко крутому бережку, ко желтому ко песочку,
Ко желтому ко песочку, ко низовой стороне,
Ко низовою сторонке, славной Астрахани

(Сб. М. № 322, 327).

Запевы песен из приволжских местностей весьма характерны для места записи. Почти каждый раз встречается ласкательное обращение к Волге или упоминание о ней:

„Ох, мы пойдемте-ка, братцы, на круты горы гуляти,
Ох, мы поглядимте-ка, братцы, вниз по Волге.
Ой, д'уж что то у нас сделалось на Волге... и т. д.
(Сб. М. № 325, Саратовск. губ.)

Или запев из Симбирской губернии: „Разливалася в зеленых лугах вода полая“... (Сб. М № 320 в песнях Астраханского края упоминаются „кусты таловые „пески сыпучие“, яры глыбокие. Тексты № 117(2),

Разинские песни, записанные в казачьих областях: Уральской, Терской и в губерниях: Астраханской и Оренбургской имеют много общих черт, выделяющих их в особую группу. Самые сюжеты, записанные в казачьих областях, своеобразны и носят на себе яркий отпечаток быта и идеологии казачьей среды. Таковы песни об отношении Разина к казачьему кругу, песня о взятии Гурьева (Яика), эпизод приглашения голей кабацких в поход, традиционное описание казачьего корабля. В казачьей среде имеет реальный смысл сюжет о девушке, похищенной удалыми молодцами, мотив вещего сна и его толкование с точки зрения интересов казачества. Сравнительная краткость разинских песен из казачьих областей тоже должна быть рассматриваема, как особенность казачьей среды. Так самая длинная песня, песня о сыне,—у казаков имеет от 18 до 27 стихов, в то время как на севере тот же сюжет растянут на 42—45, а в одном из вариантов Вологодской губернии,—на 70. В запевах казачьих песен фигурируют славный тихий Дон, Яик (Яикушка) и взморьице. Своеобразный оттенок придает песням обилие уменьшительно-ласкательных имен и эпитетов—особенность, присущая почти исключительно казачеству: морьице, взморьице, губернаторушка, палатушка, атаманушка, Яикушка, Степанушка, есаулушка и т. п. Вот для примера отрывок:

„Как на морьице на взморьеце
стоял воровской корабль,
На кораблике стоял раскрашен
чердак,
Во чердакушке стоял золотой
бунчук,
Во бунчукушке стоит царско
знамечко,
У знаменушки часовой с ружьем;
Он не стар и не млад—лет семнадцати,
Да по имечку звать Степанушкой,
По прозваньицу—Стенька Разин
сын“.
(Сб. М. № 289).

Подобное ласкательное уменьшение касается не только имен существительных, но и наречий: быстре хонько, щепетнехонько. Отношение песен к атаману тоже характерно для казачьих областей: оно проникнуто чувством теплой любви и уважения к нему. В казачьей среде он зовется не иначе, как батюшка, атаманушка, Степанушка Тимофеевич. „На стулу сидит наш батюшка воровской атаман Степанушка Тимофеевич". (Сб. М. № 309) или: „Сошел на берег душа воровской атаманушка"... № 330. Почти все песни знают полное имя героя, в то время как в других областях более известно уменьшительно-уничижительное имя Стенька или совершенное немыслимые для казачьей среды названия—плут Стенька Разин (Пермская губерния), злой разбойник, злодей (центральные губернии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Песни о Степане Разине составляют особое четко отграниченное звено в цепи исторических песен.

Разинская песня в период своего возникновения—почти всецело казачья. Благодаря той исторической роли, которую играло казачество в событиях второй половины XVII века, оно явилось почти исключительным творцом и первоначальным хранителем разинской песни. По своему содержанию и стилю, а также по отображению среды, породившей ее, песня о Разине является моментом наиболее яркого расцвета казачьей исторической песни. Хронологически разинская песня (как историческая) является последующим этапом развития былин. Но она по своим сюжетам далека от былин,—гораздо дальше, чем историческая песня более раннего времени, напр, эпохи Грозного. Если и наблюдаются единичные случаи контаминации отдельных сюжетов с былинными, то этому процессу подвержены разинские песни позднейшей передачи и с неустойчивыми вариантами былин. По содержанию и основным настроениям песня о Разине есть продукт, главным образом, голутвенно-казацкой и отчасти бедняцко-крестьянской массы. Подвиги и идеология именно этой массы отразились в ней. По отношению к историческим песням других циклов, песни о Разине ближе всего к песням о Ермаке. Их роднит одна и та же социальная природа, а также основной момент содержания—отображение интересов и стремлений голутвенного казачества и волжских вольных людей. В то время как центр содержания более ранних исторических песен (напр, об Иване Грозном), а также и более поздних (напр., Петровских)—подвиги царя-героя, царя-самодержца.

С другой стороны, песни о Разине близки безыменным казацким и частью казацко-разбойничьим песням. Наблюдаем, что в силу сходства изображаемых бытовых положений и, частью, в силу одинаковости создающей среды, к целому ряду безыменных молодецких песен прикрепляется знакомое имя Разина.

Разинская песня, зарождения в определенной социальной среде и вскормленная этой средою, создает свою поэтику, элементы которой, в виде готовых уже формул, вливаются затем в историческую песню позднейшей эпохи.

После гибели Разина крупные казацкие движения прекращаются на столетие. За это время казачество, уничтоженное, как самостоятельная военная единица, вошло в состав регулярного государственного войска. Социальная среда, питающая и хранящая песню, перерождается и, таким образом, меняется и перерождается содержание самого песенного репертуара. Старая песня о Разине перерабатывается (песни о *приходе* Разина во казачий круг, о **двух** братьях, которые неидут во казачий круг, о сыне, пугающемся губернатора, о приезде сынка в Астрахань, с целью сватовства к дочери губернатора). Новые военные песни, специально складываемые для полков, вытесняют разинскую песню с ее родины. В настоящее время наибольшее количество ее записей мы находим (не считая Поволжье) на севере, в главном очаге эпической традиции.

Освободительное движение и Октябрьская революция возрождают интерес к Разину, мстителю за бедноту. Свободная от условий цензуры (дозволенности и недозволенности) яснее встает в памяти пожилого крестьянского населения старая песняо Разине, рассказ и легенда. Обследование фольклорного материала Саратовского края подтверждает это. Участниками экспедиций проф. Б. М. Соколова в 1920—22 г. проф. В. В. Буша в 1925—26 г. и доц. А. С. Мадуева в 1927 г. записан ряд легенд и старых песен о Разине (о сынке). Но,

следует отметить, что в деревне (особенно среди молодого поколения) возрождается интерес к Разину и книжным путем: через песенник, книгу, газету, журнал. Старая песня о Разине заменяется положенными на музыку стихотворениями о нем. Наиболее распространенными и любимыми являются: „Из за острова не стрежень“, „Точно море в час прибоя“, „Есть на Волге утес“.

I.

ТЕКСТЫ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ.

1. ПЕСНИ ИЗ СБОРНИКА АКАДЕМИКА В. Ф. МИЛЛЕРА.

Архангельской губернии.

1 (272.*)

Ай вы, леса—ле мои, лесоцки, леса бывали темные;
Ай вы, куста-ле мои, кустоцики. были куста цастые;
Да станы-ле вы наши, станоцики, станы, были теплы;
Ай друзья, товариши все были верные.
Ишше все вы ноньче, лесочики, все припасечены;
Ай-и, аи, ишшо все наши теплы станочики приразорены;
Ай-и, аи, все-то друзья, братья да товариши все припаиманы,
Ай-и, аи, все-то поиманы мои товарищи, они все припосажены,
Ай-и, аи, все-то посажены мои товарищи, они все при повешены.
Ай-и как да един-то из них доброй молодец он не поиман был,
Ай-и он не поиман был доброй молодец, он не посажон был.
Ай-и прикачнулся веть он пришатнулса доброй молодец,
Ай-и пришатнулса да прикачнулса ко Дону, все ко тиху Дону.
Ай-и выспрашивал на тихом Доне перевошшичков, он веть все перевошшичков:
"Ишше есть ле у вас на тихом Доне, братцы, все перево(шш)ицьки?
„Ай-и переправьте миня добра молотца миня все через тихой Дон".
Ай-и он переправилса доброй молодец он через тихий Дон,
Он переправилса наш доброй молодец, сам веть тут канчаться стал:
„А вы да братцы мои да все товариши перевочшшички!
„Вы положите-тко мое тело ай все между трех дорог:
Между питерской, между московской да третьей славной киевской;
„Ай-и в зголовье вы поставьте все животворящий крест,
„Ай-и во резвы-то (ноги) да все мине поставьте коня доброго,
Ай-и во праву-ту руку мне поставьте саблю вострую,
Ай-и во леву-ту руку мине поставьте-тко мине копье долгое:

*) Первая цыфра обозначает парядковый № песенного текста данной книги; цыфра, заключенная в круглые скобки, обозначает № песни по сборнику В. Ф. Миллера.

Ий кто да пойдет, кто все мимо поедет, все кресту помолится,
„На добра-то коня всяк по-(с)мотрят, всяк обзарятся,
Ай на востру саблю посмотрят, все они устрашатся“.

Записана в 1900 году А. Д. Григорьевым в Пинежском у., в с. Вѣегоры от кр. Е. Некрасова. Напечатана в „Архангельских былинах и исторических пснях“, собр А. Д. Григорьевым, т. I, стр. 305—306.

---

2 (273).

Во славном было во городе во Астрахани,
Появился тут детинушка, незнаем человек,
Незнаем, незнакомый из новых городов.
Он по городу детинушка погуливает,
Плисовый кафтан на распашечку таскает,
Синий шелковый кушак на правом на плече,
Серая шляпа пуховая на бойной голове,
Он по городу детинушка погуливает,
Он военным услужителям челем парень не бьет,
А гражданским обывателям не кланяется,
Астраханскому губернатору под суд нейдет,
Под суд нейдет, головы не гнет.
Услыхал наш губернатор про удалого молодца:
— Уж вы слуги, слуги верные мои,
Вы подите, приведите удалого молодца:
Как схватили молодца среди Волги реки,
Среди Волги реки, на царевом кабаке;
Еще начал губернатор его строго спрашивати:
— Ты откуль, скажи, детинушка, незнаем человек,
Ты казанец, аль рязанец, или астраханец,
Ты из-за моря, купец иль купеческий сынок?
— А не тебе-ли, губернатор, строго спрашивати,
Да не мне ли добру молодцу, ответ держать;
Я со матушки со Волги, со Камы реки,
Атамана Сеньки Разина сын;
Хотел-то мой батюшка сюды в гости побывать,
Не уметь тебе встретить, уметь подчивати,
Уметь подчивати, низко кланятися.
Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече в белокаменну тюрьму.
Что по матушке по Волге, по Камы реки,
Легка шлюпочка скорёшенько плывет,
Что во этой легкой шлюпке Сенька Разин атаман:
— Вы подайте-ка, ребятушки, с правой руки воды,
Как во славном во городе во Астрахани,
Мое дитятко посажено сидит;

Погребайте-ка, ребятушки, по Волге реке!
Я гражданскому губернатору не стану челом бить,
Челом бить да кланятися,
Я гражданского губернатора в полон сейчас возьму,
А своего дитятко к себе возьму,
Астрахань—город в огонь спущу.

Записана в г. Мезени бывш. студ. Петроградского У-та Л. М. Напечатана в „Материалах по Этнографии русск. населения Архангельской губ., собранных П. С. Ефименко, ч. 2, стр. 52.

3 (274).

Откуль взялса-проявился незнамый человек,
Он частым-часто по городу похаживает,
Черноплисовой кафтан да за един рукав таскал;
Сорывань(с)кой кушачок да да в его белых руках,
Черна шляпа с брусаментом на его желтых кудрях.
Она (он) шефам офицерам не кланеитсе;
Востраканьскому губернатору целом он не отдает,
Он целом не отдает, да все под суд его нейдет.
Взяли-брали молотьця да на царевы кабаки;
Становили молотьця да против белого крыльця,
Против белого крыльця, пром *) губернацкого лица.
Стал губернатор выспрашивати,
Стал выспрашивати да стал выведывати:
„Ты скажи, скажи, детинушка, незнамой целовек;
„Уж ты со Дону казак или казацькой сын?
„Ты казанец, ли рязанец, али востроканец?“
Как ответ, держит, детинушка, незнамой целовек:
„Я не со Дону казак да не козацькой сын,
„Не казанец, не реканец, я не востроканец;
„Я со Ка́мы со реки да Сеньки Разин сын;
„Мой-от батюшка хотел да к тобе в гости побывать,—
„Ты умей его встрецять да умей цестовати,
Умей цестовати да умей подчевати“.
Посадили молотця да в белокамянны тюрьмы.
Що со Камы со реки да со самой горьней стороны
Тут и был выплывал воров(с)кой атаман,
Вороськой атаман да Сенька Разин сам.

*) Так записано.

Он спрогов(ор)ил-спромолвил
да ка(к) в трубу струбил:
„Ишше што мне, ребятушка,
тошным мне тошно,
„Мне тошным-тошно да по-
собить не́мошно?
„Зацерпните-тко воды да со
правой стороны,
„Вы подайте-тко мне воды да
из правой из руки:
„Верно, верно, да мой сыно-
цек во неволюшки сидит,
„Во неволюшки сидит да в
белокаменной тюрьмы;
„Уж вы гряньте-тко, ребята,
да вниз по Ка́мы реки,
„Вниз по Камы по реки да к
белокаменной тюрьмы;
„Белокаменну тюрьму да всю
по камню розберу,
„С востроканьского губерна-
тора с живе кожу сдеру".
Ище грянули ребята да вниз
да по Камы по реки,
Вниз по Камы по реки да к
белокаменной тюрьмы.
Белокаменну тюрьму да всю
по камню разобрал,
С востроканского губернато-
ра с живá кожу сдирал.

Записано А. Д. Григорьевым в д. Почезерье, Пинежского у. в 1900 г., от крестьянки М. П. Пашковой. Напечатана в „Архангельских былинах и исторических песнях", т. I, ч. 2-я, стр. 214—215. М. 1904.

---

4. (275).

Негде взялся-проявился да
тут незнамой человек.
Он цестым-цесто по городу
похаживает,
Черной бархатной кафтан да
он за един рукав таскал;
Полос[т]астой кушачек во его
белых руках,
Черна шляпа с брусаментом
на его русых кудрях.
Он веть шефам-офицерам не
кланитьсе
И астраканскому губернато-
ру челом не отдаёт.
И увидал тут молотца да гу-
бернатор со дварца,
Призывал тут молотца к свое-
му красну крылу:
„Ты скажи, скажи, детинуш-
ка незнамой человек;
„Ты ли со Дану казак или
казацкой сын?
„Ле казанец, или резанец,
или астраканец?"
Тут ответ держит да дети-
нушка, незнамо[й] чала-
век:
„Не казанец я, не резанец
я, не астраканец,—
„Я со Камы да со реки, Стень-
ки Разина я сын;
„Мой батюшка-родитель хо-
чет в гости к тебе побы-
вать,—
„Ты умей его стречать да
умей потцевати,
„Умей потцевати, умей ты
цестовати".
Ишше те ему слова да за
беду ему пали;

Посадил тут молодца да в белокаменну тюрьму.
Вниз по Камы по реке да плывет лодочка грузна;
Що во эфтой-то да лодке воровской тут атаман,
Воровской-от атаман да Сенька Разин-от сам.
Он спрогов[ор]ил- спромолвил, как в трубу вос[т]рубил:
„Ишше што мне-ка, ребятюшка, тошным-тошно,
„Как тошным-то мне тошно да пособить-то неможно!
„Да зацерпните мне да воды да с правой стороны,
„Мне подай[те]-тко воды да ис правой руки;
„Верно знать, що мой (сын) во победности сидит,
„Во победности сидит да [в] белокаменной тюрьме;
„Вы взгляньте-тко, ребята, да вниз по Камы по рек[е],
„Вы гряньте-ко, ребята; да вниз по Камы по рек[е],
Вниз по Камы по реке да к Астракану городу,
„К Астракану городу да к белокаменной тюрьме;
„Белокаменну тюрьму всю по камню разберу,
„С астраканского губернатора с жива кожу сдеру".
Белокаменну всю по камню да розберал,
С астраканского губернатора с жива кожу сдерал.

Записана А. Д. Григорьевым в 1900 г. в Пинежском у., селение Веегоры, от крест. Е. Г. Некрасоаа. Напечатана в Архангельских былинах и исторических песнях". М. 1904 г., т. I, ч. 2-я, стр. 307—308.

5. (276).

Ай да во славном-то во Казани, ой во Ястрахани,
Проявился тут, да просветилса чуж-незнаем-человек,
Ай да баско-де, хорошо-де он по городу похаживает,
Ай да чернобархатной на ем кафтан, да на распашоцьку доржал,
Ай да изорванцят-то новой кушачек да по белым грудям да везал,
Ай да с бурзументом его черна шляпа на жолтых его кудрях,
Ай да нобобраны его перчаточки, ай да на белых руках держал,
Ай да што зелен-то сафьян его сапожки, ай да на резвых его ногах.
Ай да баско-хорошо-де ен по городу спохаживает,
Ай да не штофам, он не ефицерам он не кланяитсе,
Он гражданьскому-то губернатору, он челом ему не бьет.

Как увидел его да губернатор со своего со крыльця,
Он да начал-почал его губернатор зычно спрашивати:
„Ты откуль-же, какой-же ты, детинушка, незнаем-человек?
Ой да ты казанец, ты-ле нонь резанец, ты-ле астраханец?
А да отвечает ему детинушка-незнаем человек:
—Не казанець я-то, не резанець, я не астраханець,
Я со матушки-то я со Камы, Стеньки Разина сынок.
Ой да по утру-то раным-ранешинько хотел батько спобывать,
Ой да ты умей тогда гостя встрецеть, умей потчовати.—
Ай да как за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во са́ди-то, во поса́ди, в белокаменну тюрьму.
Ай да што сидит-то молодеч да не печалуитсе:
Ай да што по ютру-ту раным раненько плывет шлюпоцька сверху,
Ай да на кормы-то сидит хозяин, ой да Сенька Разин атаман.

Записана Н. Е. Ончуковым в 1901 г., в с. Устьцыльме от кр. П. Р. Поздеева. Напечатана в „Печорских былинах“, № 30, стр. 155. С.-Пб. 1904.

Олонецкой губ.

6. (277).

Как во славном было городи во Вастракани
Проявился там детинушка незнаем человек,
Как незнаемой детинушка, неведомой откуль.
Баско щепетно по Вастракани погуливает,
Уж он штапам афицерушкам не кланяется,
Вастраканскому губернатору челом ему не бьет.
А сапоженки на ножках шелком та́ченыи,
Черна шляпа на кудрях и перщатки на руках,
А й свой тот вишневой кафтан на одном плечи таскал,
И как персидской кушачок во белых руках держал.
Как увидел молодца, губернатор скрычал:
„Вы сходите, приведите удалого молодца.“
Еще стал-то губернатор его спрашивати:
„А ты скажаись скажись-ко, детинушка, незнаем человек,
„Из тиху ли ты Дону казак, аль казачей сын,

„Аль ты с нашего крепкого города из Вастракани".
Как проговорит детинушка незнаем человек:
— Из тиху-то я Дону не казак, не казачей сын,
— Я не с вашего крепкого города, а из Вастракани.
— Я со Камы-то со реки, Сеньки Разина сын,
— Посулился мой-то батюшко завтра в гости к нам быть,
— Вы умейте-тко моего батюшка кормить его, поить,
— Вы кормить его, поить и честно жаловати.
Востраканьскому губернатору не слюбилися словеса.
„Еще есть-ли то при мне, а слуги верны при собе,
„Вы сведите-тко молодца в белокаменну тюрьму".
Взяли-брали молодца за желтыи волоса,
Повели его молодца в белокаменну тюрьму,
Сверху вниз было по матушки по Камы по реки,
Что й по Камы по реки легка лодка плывет
Как на той-то на леглой лодке
Атаман воровской сидит,
Атаман воровской сидит, Сенька Разин тот сын,
— Еще что-то мне, братцы
— робятушка, тошным стало тошно,
— Мне тошным стало тошно и тошнешенько;
Вы подайте-тко воды с-под правый с-под руки".
И над водой-то Сенька волховал и воду взадь выливал:
— Видно мой тут ведь сынок а сидит в белокаменной тюрьме,
— Приворачивайте, робята, ко крутому бережку,
— Уж мы стену разобьем, а й тюрьму по каменю разнесем
— И Востраканьского губернатора в полон к собе возьмем,
—И Востраканьскую губернаторшу в наложницы.—

Записана А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. в д. Пога на Водлозере, от кр. И. Г. Захарова. Напечатана в „Онежских былинах" т. III, стр. 31—32. С.-Пб. 1900.

7 (278).

В славном-то во городи во Вáстракани
Очудился-проявился там детинушка незнáмый человек,
Да незнамой, незнакомый чей, неведомый откуль.
Баско-шепетко по городу погуливает,
Черной бархатный кафтанчик на распашечку таскал,

Перстирску опояску носил в правые руки,
Зелены сафьянны сапожки носил на шелковых чулках,
Черну шляпу со полями носил на желтых кудрях.
Он ведь штафам, офицерам не кланяется,
Востроканьскому губернатору челом не бьет,
А челом-то ему не бьет да под суд нейдет
А-й увидел губернатор из окошка молодца,
Воскричал - то губернатор громким голосом своим,
Громким голосом своим на своих верных слуг:
„Уж вы слуги, мои слуги, слуги верные мои,
„Слуги верные мои да банбандеры урванци!
„Уж вы подьте-приведите удалого мóлодца,
„Удалого молодца да к губернатору на двор".
Приводили молодца да к губернатору на двор,
Становили молодца против парáтняго крыльца.
Выходил-то губернатор на паратнее крыльцо,
И говорил-то губернатор таково слово:
„Ты скажись-ко, скажись детинушка, незнамый человек,
„Да незнамый, незнакомый, неведомый откуль?
„Да ты какой орды, какой земли,
„Да какого отца, да чьею матери?
„Али со Дону казак, али казачий сын?
Отвечал-то молодец не с упадкою:
— Я не со́ Дону казак да не казачий сын.
— Я из-за матушки Москвы да я со Камы со реки,
—Со Камы со реки да Сеньки Разина сын.
— Завтра батюшко приедет, дак ты умей-ко гостя встретити.
— Хорошо ты гостя встретишь—кунью шубу подарит,
— Уж ты худо гостя встретишь—во тюрьму тя посадит,
— А й мало-то тово—так и на виселецу.—
Ах по утру во полден да солнышко пекет,
Ах по Камы по реки да лекка лодочка бежит
И всем-то лодка изукрашена,
Да молодцами ведь эта лодка изусажена.
В этой лодочке гребцов да сидит сорок молодцов,
Посреди-то этой лодки Сенька Разин сидит.
Как гренули прихватили прямо к губернатору на двор,
Не успел-то губернатор Сеньки встретити,
Ах посадил-то Сенька Разин губернатора в тюрьму,
Мало-то тово ево на висе́лицу.

Записана в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом от кр. П. Я. Меньшикова с Тамбасезера. Напечатана в „Онежских былинах", т. III, стр. 394—395. С.-Пб. 1900.

8 (279).

Во славном во городе во Астрахани
Появился тут детина незнакомый человек,
Баско-щегольно по городу разгуливает,
Озелен сафьян сапожки, на шелковом на чулке,
Черно-бархатный кафтанчик на распашку носил,
Персидский новый кушачек во правой его руке,
Треуголька нова шляпа на желтых его кудрях.
Как возговорил Астраханский губернатор
Своим слугам верным:
—Вы возьмите приведите молодца
Ко парадному крыльцу.—
Взяли слуги молодца, подхватили удальца,
Приводили ко дворцу, ко парадному крыльцу.
Он не бьет молодца, не мучит—выспрашивает:
—Ты скажи, детина, разудалый молодец,
Ты казанец, аль рязанец, али вастраханец?
Он не с ласки, не с покорности не просит его (губернатора):
„Я не казанец, не рязанец, не вастраханец—
— Я славного разбойника Сеньки Разина сын".
Закричал тут губернатор громким голосом:
— Вы возьмите молодца, подхватите удальца,
Свяжите ручки белы на веревочку,
И свезите молодца во глубок погреб.
А как посадили—тут и конец.

Записана студентом Петроградского У-та г-м Хотьковским от М. А. Фроловой, в Петрозаводском уезде.

---

9 (280).

А что во славном было во городе во Астрахани,
Откуль взялся-проявился тут незнамый человек,
Баско-щепетко по городу погуливает,
Бархатный камзольчик на распашечку одет,
Черна шляпонька с прозументом на русых на кудрях.
А что увидел-то молодца воевода со крыльца,
Скрычал-то воевода своим громким голосом:
„Ох вы, сходите-приведите удала молодца,

„Удала молодца со царева кабака!“
Приводили молодца к воеводе на двор,
Стал же воевода его допрашивать:
„Ты скажи, скажи, детинушко, незнамый человек!
„Ты которых родов, которых городов:
„С Казани-ль ты, с Рязани-ль, али с Астрахани?
— Не с Казани я, не с Рязани, не из Астрахани:
— Уж есть я, молодец, Стеньки Разина сынок.
— Что хотел мой батюшка к вам в гости побывать:
— Ты умей же его стречать, его подчивати.—

Записана П. Н. Рыбниковым в дер. Середке, Кижской волости от кр. Л. Богданова. Напечатана в „Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым“, изд. под ред. А. Е. Грузинского, т. I, стр. 345, № 59.

Вологодской губ.

10 (281).

Как во й Астракане
Ах не где взя-не где взявсе, оцюдивсе
Незнамой целовек, 2.
Ах он не зна-он незнамой, незнакомой,
С цюжедальной стороны. 2.
Баской сшо- баской сшоголь он по городу
Похаживает, 2.
Церной ба- церной бархатной халатцик
На распашецьку несет, 2.
Свой перси- свой персидской кушацек
Во правой руке держùт. 2.
Церна шля- церна шляпа с полюмазом
На русых ево кудрях. 2.
Востра са- востра сабелька у молодца
На левóй на бедре. 2.
Он не гра- он не графам не фицерам
Он не кланяетсе, 2.
Ай да астраканскому губернатору
Он под суд к ему нейдет. 2.
Ай астраканской новой губернатор
Распрогневалсе на нево. 2.
Ужь вы слу- вы слуги, вы слуги верные мои,
Слуги верные мои, 2.
Вы поди- вы подите, ево приведите
Удалóво да молодца! 2.
Ай они взя- они взяли ево, подхватили
Со царева ево кабака. 2.
Ай приводи- приводили ево молодца
К губернатору на двор. 2.
Ай станови- становили ево молодца-же
Против паратново крыльца. 2.
Ай астрака- астраканской губернатор

Выходил тут на крыльцо: 2.
— Ужь ты цей, ужь ты цей,
экой детинушка,
Цей незнамой целoвек? 2.
Ай ты каза- казанец, или
рязанец,
Из полку, или из казаков? 2.
Из полку, из полку, или из
казаков
Иль ты купецеской сынок? 2.
Ай как ответ, што ответ
держал детинушка,
Разудалая ево голова. 2.
А не каза- не казанец, не
рязанец
И не астраканец, 2.
Не из полку, не из полку,
не из казаков,
Не купецеской сынок, 2.
Я со ма- я со матушки Волги*) реки
Со сера́, со сера́ камешка́. 2.
Ужь вы слу- вы слуги, вы
слуги верные мои,
Слуги верные, крепки мои,
2.
Ай дак вы возьми- возьмите
ево, вы сведите
В белокаменну ево тюрьму.
2.
Они взяли, взяли ево под-
хватили,
Увели в белокаменну тюрь-
му. 2.
Ай што ответ, што й ответ
держал детинушка,
Да што удалая ево голова: 2.
„Завтра ба- завтра батюшко
родимой
Суливсе в гости, в гости
побывать. 2.
Ты умей, ты умей гостя при-
няти“,
Ты ответ умей сдержать! 2.
Как по ма- по матушке Вол-
ге реке
Лекка лотоцька пловет, 2.
Как на той, как на той лек-
кой лотке
Да немношецко гребцов. 2.
На корме, на корме стоит,
стоит хозяин—
Стенька Разин, атаман 2.
Ужь вы грянь- ужь вы
гряньте-то, мои ребята,
Как ко Астракани! 2.
Будто мой, будто мой сын
да любезной
Он заса́жен, посажен. 2.
Будто заса- будто засажен,
посажен
В белокаменной тюрьме!

Записана в селе Бобровском, Востровской вол., Великоустюжского уезда. Напечатана в „Песнях русского народа“ Истомина и Ляпунова, стр. 263, № 52.

Пермской губернии.

11. (282).

Вы леса ль мои, лесочки,
леса темные,
Вы станы ль мои, станочки,
станы теплые!
Ужь как вы ль, мои станоч-
ки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели
поразловлены,

*) Пропели Невы-реки. (Примечание собирателей).

По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я то ли, добрый молодец, не пойман был.
По прозваньицу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет.

Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
„Перевезите-ка меня, добра молодца,
„На ту сторону, на белый камешек!“

На белом камешке стал скончатися,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
„Ах вы, милые сотоварищи!
„Похороните меня, добра молодца,
„Промежду трех дорог, первой (Питерской),
„Другой Владимирской, третьей Киевской.
„Вов правую ручку дайте саблю вострую,
„Вов левую ручку калену стрелу,
„В головах поставьте чуден-дивен крест,
„Вов ногах поставьте ворона коня.
„Кто ни йдет, кто ни едет мимо молодца,
„Мимо молодца, всяк помолится:
„— Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
„— Тут лежит-то Стенька Разин сын!—

Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стеньке Разину поклонялися:
— Ужь ты выстань-ка, сотоварищ наш,

— Ты возми-ка в руки саблю вострую,
— Вов леву руку калену стрелу,
— Ты ударь-ка буйной палицей
— По бедрам нашим широкиим!*)
— Кабы знали мы, уж ведали,
— Выручили бы с бела камня,
С бела камня, со Дунай реки,
— Со Дунай-реки, со широконькой.
— Покажи-ка нам златы латы тут,
— Златы латы тут серпентинные!—
— Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи

На Амур пошли думу думати;
У Амур-реки крута гора,

*) За то, что не спохватились и не выручили Стеньку Разина.

Крута гора высокая;
На той горе распрощалися,
Друг другу покланялися,
— Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка
— Разойдемтесь-ка по диким местам!—

Записана П. Н. Рыбниковым в Петрозаводске, Олонецкой губ. от захожих крестьян-пермяков. Напечатана в „Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым", т. II, стр. 721,—221. М. 1910, изд. под ред. А. Е. Грузинского.

12 (283).

Середь полюшка, поля чистова,
Тут-то дуб стоит один одинешенек,
А под дубом тем добрый молодец,
Добрый молодец Степан Тимофеевич.
Перед ним лежит ружье бранное,
По леву руку что тяжел камень,
По праву руку—сабля острая.
Воздохнувши он слово вымолвил:
— Ох ты волюшка, воля буйная,
Воля буйная да казацкая!
Спогубила ты добра молодца,
Добра молодца Стеньку Разина!
Кабы слушался отца с матерью,
Споважил бы крестова батюшку,
Не скитался бы по белу свету...
Как умру-то я добрый молодец,
Похоронят меня без отпетия,
Без креста, без попа, без ладона,
Во темном лесу, во сыром бору,
Прошумит по мне лес дремучий бор:
— Память вечная Стеньке Разину!—

13 (284).

Хорошо-то город испостроился,
Лучше городу да лучше Питера,
Да лучше матушки каменной Москвы,—
Вокруг города да роща зеленая,

В этой рощице воры разбойнички.
Вся-то рощица да испорублена,
Балаганчики все разоренные,
Все-то воры-разбойнички да пойманы—
Поймали то плута Стеньку Разина,
Его поймали да связать не могли,
Миром прокляли да на-низ прогнали...

№№ 283, 284 записаны в Камышловском уезде. Напечатаны в „Чтениях в О-ве Истории и Древностей Российских", 1877 г., кн. III, стр. 64—65.

14. (285).

Как по ранней, ранней утренней заре,
Вниз по матушке по Волге по реке,
Выплывает быстра лодочка легка,
Быстра лодочка легка о шести-то о гребцах,
Что в этой легкой лодочке сидит,
В ней сидит-то принаряженный купец,
Он плывет-то в славный город Астрахань,
В славный город Астрахань, по купеческую дочь.
— Ох, красавица купеческая дочь!
Выходи-ко на высокое крыльцо,
Ты встречай-ко астраханского купца,
Стеньку Разина удала молодца!
Ты сади-ко за набраные столы,
Меду-патоки с поклоном подноси,
Ты целуй-ко Стеньку в молодецкие уста,
Ужь за это тебя Стенька наградит,
Шелку-бархату на платье подарит.

15. (286).

Во славном было городе во Астрахани,
Проявился тут детинушка незнамой человек,
Буро-щепетко по городу похаживает,
У купцов гостинный двор запечатывает.

Увидали молодца со Астраханского крыльца,
Закричал тут губернатор громким голосом,
Вы подите, приведите добра молодца сюда,
К губернатору на двор...

Его начал губернатор грозно спрашивать:
Отколе ты такой, детинушка, незнамый человек,
Не беглец-ли ты, не беглый ли прохожий человек,
Поведите молодца во Астраханскую тюрьму!—
Только успел молодец одно слово сговорить:
— Завтра мой батюшка сам к тебе в гости придет,
Ты умей-ко его встретить, умей честно проводить.—
Вниз по матушке, по Волге по реке,
Тут плыла-то, выплывала одна лодочка легка,
На лодочке гребцов пятьдесят молодцов.
Хорошо гребцы гребут, складно песеньки поют.
Один-то молодец не грянет, не гребет.
— Что-то сегодня мне, ребятушки, день скучный,
Что-то сегодня моему сердцу вещо...
Знать-то мой сынок во погибели сидит,
Во погибели, во большой, во Астраханской во тюрьме.
Пособи, Боже, в Астрахань город зайти,
Астраханскую тюрьму головней всю покачу,
Астраханских всех невольников на волю распущу,
С самого-то губернатора со живого кожу сдеру,
Астраханскую губернаторшу на штык посажу,
Астраханскую его дочь себе в постельницы возьму.

№№ 285, 286 записаны членом-сотрудником Русск. Геогр. Общества А. Я. Кокосовым в Камышловском уезде и сообщ. Л. Н. Майковым. Напечатаны П. В. Шейном в „Чтениях в И. О-ве Истории и Древностей Российских“ 1877 г., кн. III, стр. 61—62.

16 (287).

Как во славном городе во Астрáхане
При торгу было, при базаре,
Очутился, об'явился незнамый человек.
Бодро шшепестко по рыночку погуливает,
На босу ножку сапожки пошивает,
Нароспашку чекменишко на правом на плече.
Черна шляпа с позументом на левом на ухе,
Баретову опояску за един конец тащит.
Увидал молодца губернатор из окна:
„Уж гой вы солдаты, царю верные слуги,

Губернаторски послы!
Вы подите, изловите, приведите
Удалова молодца".
Они скоро побежали
Молодца скоро поймали;
К широку двору подводят — не устра́шится,
На широкий двор восходит — не ужахнется,
На часты ступеньки ступает
Только ступеньки говорят;
На красно крыльцо восходит — крыльцо зыблется,
Новы-точены белясы разсыпаются,
В новы сени заходит, верхи ломятся,
На порог ногой ступает, бо-гу молится,
На все стороны челом,
Губернатору поклон.
Губернатор говорил,
В золоту трубу трубил:
— Ты откэль, откэль, детина, незнакомый человек.
Иль из-за́ моря купец,
Иль купеческий сынок?
— Нет я не из-за́ моря купец,
Не купеческий сынок:
Я со матушки, со Волги.
Стеньки Разина сынок"*).
Губернатор говорил,
В золоту трубу трубил:
„Уж гой вы, солдаты, царю верные слуги,
Губернаторски послы!
Вы (его) возьмите, уведите,
Во тюрьму посадите".
Они скоро подхватили,
Во тюрьму скоро свели;
Двери заперли,
Окна замкнули.
Добрый молодец по темнице похаживает,
Кандалами побрякивает:
Я не думал, не гадал,
Во тюрьму скоро попал.

Записана крестьянином А. Е. Ерошкиным, 2 января 1875 г., в г. Екатеринбурге. Напечатана в „Русской Старине", 1877 г., т. XX, стр. 366.

Оренбургской губ.
17 (288).

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу;
Породился удал-добрый молодец,
По имени Стенька Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, не говаривал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голытьбою:
„Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли

*) Сеньки Лазарева, так передавал сказатель.

Возьмем мы казны сколько надобно,
Поедем, братцы, во каменну Москву,
Купим мы, братцы, платье цветное,
Купивши цветно платье, на-низ поплывем!"

Записано А. И. Мякутиным в Ст. Разсыпной, в 1904 г., от урядника Афанасия Щепачева 81-го года. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков", т. I, стр. 13—14.

---

18 (289).

Как на морьице, на взморьице
Стоял воровской корабль;
На кораблике стоял раскрашен чердак,
Во чердакушке стоял золотой бунчук,
Во бунчукушке стоит царско знамечко;
У знаменушки стоял часовой с ружьем,
Он не стар и не млад—лет семнадцати,
Да по имечку звать Степанушкой,
По прозваньицу Стенька Разин сын.
Наш Степанушка во кружок не хаживал
Да и с нами, казаками, речь не говаривал,
А теперича наш Степанушка
Во кружок взошол и речь возговорил:
„Да где же мы, братцы, зимовать будем:
На Яикушке или на восход пойдем"?

Записана А. И. Мякутиным и под'есаулом М. Т. Лобановым в Ст. Донецкой, 1903 г., от казака Александра Инякина; в ст. Разсыпной, 1093 г., от казака Осипа Клишина 62 лет; в ст. Нижнеувельской 1902 г., от казаков братьев Романа и Филиппа Тутаевых. Напечатана в сборн. „Песен Оренбургских казаков" т. I, стр. 14.

---

19 (290).

Как на утренней заре, вдоль, по Каме по реке,
В доль по Каме по реке легка лодочка идет.
В лодке гребцов ровно двести молодцов;
Посреди лодки хозяин, Стенька Разин атаман.
Закричал тут атаман громким голосом своим:
„А мы счерпнемте воды изо Камы со реки".
Мы исчерпнули воды изо Камы со реки.

„Припечалился хозяин, Стенька Разин атаман:
„Знать-то, знать, что мой сыночек во неволюшке сидит,
Во неволюшке сидит, в белокаменной тюрьме".

„Не печалься, наш хозяин, Стенька Разин атаман:
Белокаменну тюрьму по кирпичику разберем,
Твоего милаго сыночка из неволи уведем,
Астраханского воеводу под суд возьмем".

Записана А. И. Мякутиным в ст. Нижнеозерной, в 1903 г., от приказного А. Стрижева; в ст. Буранной, в 1902 г., от хорунжаго Ф. Т. Кожевникома; в ст. Оренбургской, в 1902 г., от сотника Г. Н. Качалина. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков", стр. 18.

---

20 (291).

Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Между московской, астраханской, славной киевской.
В ногах мне положите саблю вострую,
В головах поставьте животворный крест.
Кто пойдет или поедет—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли моей вострой испужается,
Что лежит тут вор, удалый добрый молодец,
Стенька Разин Тимофеев сын по прозванию.

Записана А. И. Мякутиным в ст. Разсыпной, 1904 г., от урядника Щепачева 81 года. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков", стр. 18.

---

21 (292).

Ты пролей-ка, пролей, сильный дождичек!
Ты размой-ка, размой земляну тюрьму!
Земляная тюрьма развалилася;
Все разбойнички разбежалися,

На крутой-то горе собирались.
Уж не воры мы, не разбойнички,
Стеньки Разина мы сподвижнички.

Записана А. И. Мякутиным в ст. Оренбургской 1903 г., от сотника Г. Н. Качалина. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков", стр. 19.

---

22 (293).

Чей, откуда такой добрый молодец,
Незнакомый парень, человек?
Он по городу по Астрахани сам погуливает,
Голубой свой халатичек за рукав тащит,
Берчатую опоясочку, во комок ее зажал.
Черну шляпу пуховую он на правом несет ухе.
Увидал его губернаторушка—астраханский генерал,
Увидал его далеко из палатушки в окно.
„Ой вы, слуги ль, мои слуги, слуги верные мои!
Вы пойдите, приведите неприятеля мово!!."
Взяли доброго молодца за белые его за руки,
Повели доброго молодца ко высокому терему.
Идет добрый молодец—не ужахнется,
На ново крыльцо восходит—крыльцо зыблется,
Новоточены перилочки шатаются,
Он за скобы-то берется только двери говорят,
Белокаменны палаты растворяются,
Во палагушки заходит—черну шляпу не ломает,
Черну шляпу не ломает и челом не бьет.
Тут наш губернаторушка приужахнулся;
Стал наш губернаторушка тихо спрашивать:
„Чей, откуда такой добрый молодец?
Не казак ли ты, добрый молодец, и не казачий ли ты сын"?
„Не казак я, добрый молодец, и не казачий сын,
Я удалый добрый молодец, Стеньки Разина сын;
Погляди-ка, губернаторушка, из палатушки в окно,
Как мои голубчики твою пшенку клюют".

Записана в ст. Кундравинской 1903 г., от казака Колодкина 63 лет. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков" А. И. Мякутина, стр. 17.

Оренбургской губ.

23 (294).

Вниз по матушке по Волге
легка лодочка плыла косная;
Изукрашена та лодка тонкими белыми парусами;
На ней два веселица распашные.
Как во этой во лодочке сидел удал добрый молодец,
К Астраханскому городочку подплывал
Уж он слазил из легкой лодочки по Астраханскому городочку погулять.
Уж он шел-прошел по улице, не качивался,
Он с богатыми людьми не не кланялся,
А с простыми мужиками черну шляпу не ломал.
Астраханский воевода в окошечко его увидал,
Под окошечко подзывал и выспрашивал:
„Ты скажи-ка чей детина? чьего роду-племени?“
„Я сродства свово не знаю, только слышу по народу: „Стеньки Разина сынок“.
Воевода закричал,—полиции приказал взять Разина, посадить его в тюрьму.
„Астраханский воевода, твоей тюрьмы я не боюсь:
– По камешку я ее разберу, я заутра ж ее разберу,
А тебя, воевода, к себе в полон возьму.“
Вдруг подула тут погода — Стенька выплыл из тюрьмы.

Записана А. И. Мякутиным в ст. Разсыпной, 1903 г., от казака А. Дементьева. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков“, стр. 15.

---

24 (295).

Что во городе было во Астрахáни;
Отколь взялся, проявился чуж-незнакомый человек,
Он по городу идет—с купцами не здоровается,
А самому-то губернатору челом ему не бьет,
Как самой-то губернаторше он кланяется.
Тут призвал же губернатор слугу вернаго свово:
„Вы подите, приведите; чей, откудова такой?
Вы поставьте мне его на парадное крыльцо;
Вы придите и доложьте, что его мы привели.“
И выходит губернатор на парадное крыльцо.
„Ты откуда проявился, чуж-незнакомый человек?“
„Я со матушки со Волги, Стеньки Разина сынок“.

„Вы идите, уведите в белокаменну тюрьму.“
Как узнал же все об этом, Стенька Разин приплывал,
И говорил же Стенька Разин: „Белокаменну тюрьму по кирпичику раскладу“.
И приехал Стенька Разин к губернатору на двор.
„Вы подите, привидите мне любезного сынка,
А вместо сына уведите губернатора туда“.
И пошли и увели губернатора туда
А оттуда привели Стеньки Разина сынка,
„Ты, любезный, ты, сын мой, губернаторшу возьмем с собой“.
И оттолкнулся Стенька Разин вдоль по Волге, по реке,
Вдоль по Волге, по реке, на родиму сторону.

Записана А. И. Мякутиным в ст. Устьуйской, 1901 г., от урядника Т. Шамина. Напечатана в „Песнях Оренбургских казаков“, стр. 15—16.

Уфимской губ.

25 (296).

Как у нас было на Волге: не черным-то зачернелось,
Не черным-то зачернелось, не белым-то забелелось,
Не белым-то забелелось, не красным-то закраснелось,
Не красным-то закраснелось. Зачернелось на Волге,
Зачернелось на Волге Стеньки Разина собранье.
Забелелися на Волге Стеньки вольны парусочки,
Закраснелися на Волге Стеньки вольного стружочки.
Что не гром на Волге грянул, Стенька Разин слово молвил,
Стенька Разин слово молвил: —вы ребята не робейте,
Вы гребите, не робейте, своей силы не жалейте
Астрахань город пройдем в полуночи,
А черный (Казань) город на белой зорьке.
Увидали, усмотрели астрахански часовые,
Астрахански часовые со своей высокой башни,
Со своей высокой башни, воеводе доложили.
Астраханский воевода велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити да из пушек палити.
Что возго́ворит Стенька Разин: „ой ты гой еси, воевода,
Пушкарей ты не турбачь-же, свово пороху не трать-же,
Меня пушечка не возьмет, меня ядрышко не убьет“.

Напечатана в „Крестьянских песнях с Николаевки, Мензелинск. у., Уфимск. г., записанных Н. Пальчиковым“. М. 1896 г., стр. 103, №41.

26 (297).

Эх да, как во городе было во А...., да во А....
Да во Астрахани. (2)
Эх да, очутился, скажем, проявился тут,
Тут незнамый человек. (2)
Эх да, щепетко больно (баско) шельма по городу
Он похаживает, да. (2)
Эх да, во звончаты он гусельшки
Он на (вы) игрывает, да. (2)
Эх да, котомочка его за плечами,
Сабля вострa при бедре. (2)
Эх да, раскозловые его сапожки
На резвыих на ногах, (2)
Эх да, пуховая его новая шляпынька
На русыих на кудрях; (2)
Эх да, на русых его кудерушках
На правыим на ушке. (2)

Эх да, черный бархатный кафтанчик, за рука..,

Ах да, за рукав его тащит. (2)
Эх да, трость камышинэйли подпирае ...
Подпирается идет (2)
Эх да, никому-ли вор детинушка
Он не кланяется, идет. (2)
Эх да, Астраханскому свому губернатору
Он челом ему не бьет. (2)
Эх да, увидал-же сударь губернатор из око....
Из окошка молодца. (2)
Эх да, закричал-же сударь губернатор громким го...
Громким голосом своим. (2)
Эх да, еще есть-ли у меня да слуги ве....
Слуги верные казаки. (2)
Эх да, вы идите розыщите удало....
Удалова молодца. (2)
Эх да, вы ищите-ка смело молодца
По трактирам, кабакам. (2)
Эх да, розыскали да того молодца во царе....
Во царевом кабаке. (2)
Эх да, вы берите-ка смело молодца за русы....
За русы его кудри. (2)
Эх да, выводите-ка того молодца,
Постановьте у крыльца. (2)
Эх да, выходил-же сударь губернатор на красно....
На красное на крыльцо. (2)
Эх да, еще чей-ли ты такой ли вор дети.. вор детинушка
Незнамый человек. (2)

Эх да, я не здешний урожденец, не москов....
Не московский я купец. (2)
Эх да, со Буянского-ли я со острова Стеньки Ра...
Стеньки Разина сынок. (2)
Эх да, Стеньки Разина сыночик, я Семен....
Я Семен Степанович (2)
Эх да, мы тебя-ли шельму, расканалью в каменну....
В каменну тюрьму запрем. (2)
Эх да, не боюсь я, сударь губернатор, каменной....
Каменной твоей тюрьмы (2)
Эх да, мой-от батюшка роженый сейчас я...
Сейчас явится ко мне. (2)
Эх да, белу каменну твою тюремку по камешку....
По камешку разберет. (2)
Эх да, да тебя-ли, сударь— губернатор во полон,
Во полон к себе возьмет. (2)

Напечатана в „ Крестьянский песнях с. Николаевки Мензелинск. у., Уфимск. г., записанных Н. Пальчиковым". М. 1896 г., стр. 105, № 42.

Из Западной Сибири.

27 (298).

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Ис тое ли было нагорную сторонушки,
Как бы прошла- протекла Камышевка река,
Своим усьем она впала в матушку Волгу реку.
А по славной было матушке Камышевке реке
Выгребали-выплывали пятдесят лехких стругов,
Воровскиех казаков;
А на всяком стружечке по пятдесят гребцов,
По пятдесят гребцов, воровскиех казаков,
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях,
Выгулять оне на зеленые луга.
Раставили майданы терские,
И раздернули ковры сорочинские;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,
Хто де костью, хто де картами, все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге реке,—
Как бы чернта на Волге зачернеетца,
А идут гребныя из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,

Губернатора из Астрахани,
Репнина,
Князя Данилу Александровича:
А на што душа рождена,
тово Бог и дал,
Подошли те гребные в Болобинские острова,
И бросали казаки оне потехи все,
И бросалися во свой легонски струшки,
Напущалися казаки на гребныя струги,
Оне все тута торговых перещупали,
Оне спрашивают губернатора
из Астрахани:
„„А токоли он с вами, покажите ево нам,
„„А до вас до купцов, удалых молодцов, и дела нет".
Потаили купцы губернатора,
У себя оне спрятовали под
товары под свой.

Говорили молодцы, воровские
казаки:
„„А вы сами себе враги, за
что ево спратовали!""
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича:
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге реке;
А ево то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками,
оне все молодцы, воровские
казаки, помиловали;
А купцов-молодцев ограбили,
Насыпали червонцам лехки
свой струги,
Пошли по Комышовке реке.

Напечатана в „Сборнике Кирши Данилова", изд. под ред. П. Н Шеффера, стр. 192. С.-Пб. 1901 г.

Томской губ.

28 (299).

Не от пламечка ковыл-трава
загоралася,
Горела она, разгоралася.
Подгорели у яснова сокола
желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
Крылья быстрые златы перышки.
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихоря палаты отворялися.
Как идет-то во полатушки
вор-изменник.
Во полатах-то разставлены
столы дубовые,
На столах-то разостланы
сукна дорогие,
На сукнышках стоят чернильницы золотые,
Во чернильницах-то—перья
лебедины.
За столами сидят три царя,
три государя.

Стал-то белый царь добра молодца допрашивать:
„Ты откуда, добрый молодец, скажися:
„Ты не с Дону ли казак, не казачий сын,
„Али ты из Матушки каменной Москвы?;
— Я не с Дону казак, не казачий сын,
— Не из матушки я, каменной Москвы;
— Я удалый добрый молодец с Волги-реки,
— Атаманов я сын—Стеньки Разина.
— Заутра-то будет сам батюшко,
— Вы умейте его встретить, честь воздать.
Присудили цари его под суд отдать,
Под суд отдать, кнутом отбить.

Записана С. И. Гуляевым в Барнаульском округе в 60-х годах XIX в. Напечатана в статье акад. В. Ѳ. Миллера „Исторические песни из Сибири“, ст. 37. С.-Пб. 1904.

Енисейской губ.

29 (300).

Уж вы, горы-ли,
Вы мои горы,
Вы крутыя мои,
Горы Сиевы,
И Сиевы вы, горы
Горы змиевы,
Вы позволька-те*), горы,
Под собой постояти,
Под собой нам постояти—
И не годик нам, горы,
Под вами годовати;
Што не годик годовати—
Одну ноченьку ночевати,
Одну ноченьку нам ночевати—
Пуль-порòху набирати,
Пуль-пороху нам набирати—
Пушки-ружья заряжати,
Пушки-ружья нам заряжати—
Стеньку Разина стреляти.
Вы поди-ка-те, братцы-ребята,
На высокую крутую гору,
Посмотри ка-те, братцы-ребята,
Вниз по матушке да по Волге.
Как на матушке да на Волге
Не черняночки чернеют,
Зачернелися на Волге
Легки дубовы стружечки,
Забелелися на Болге
Тонки белы парусочки.
Не черен-то ворон
В поле воскуркал—
Стенька Разин слово молвил (2),
Слово молвил, речь говóрил:
„Вы но бейте, братцы, не стреляйте,
Пуль-порòху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возьмят,

*) Позволь-ка-те—позвольте-ка.

Мелки ружьицы не хлопнут.
Никово я, Стенька Разин, не боюся,
Никово я, братцы, не страшуся,
Опричь Астраханского городочку,
В Астраханском городочку
Живет девка Машка*).
Ко всему та девка
Меня научила,
Научила девка, приучила—
С добрыми молодцами гуляти,
Из огнённых ружей стреляти.

Записана А. Александровым в с. Рыбном—на Ангаре—со слов местного крестьянина Дмитрия Козырева в 1893 г. Напечатана в „Живой Старине“ 1897 г., Вып. I, стр. 102, № 2.

---

30 (301).

Во славном было во городе—
Во Астрахани
Проявился там детина—
Незнакомый человек.
И по Астрахани по городу
Похаживает,
Он и штабам-офицерам
Не кланяется;
К Астраханскому он губернатору
На суд не-йдет,
Он на суд к нему не йдет
И челом ему не бьет. (3)
Честь почет не отдает.
Астраханский губернатор
Начàл спрашивать ево:
„Ты откуль, откуль, детина
Откуль, добрый человек?
Да и што же ты, детина,
Не боишься никово!“
„Уж я родиной -москвич,
Жизнью—Нижний городок!
Оттово я не боюся,
Што я Стеньки Разина сынок“.
Астраханский губернатор
Тогда сердце поимел.
И велел его забрать—
В цепи крепко заковать.
Сынка Разина забрали—
В цепи крепко заковали

Записана А. Александровым в с. Рыбном—на Ангаре—со слов местного крестьянина Дмитрия Козырева в 1893 г. Напечатано в „Живой Старине“ 1897 г., Вып. I, стр. 102, № 3.

---

*) По народному преданию—астраханская колдунья.

31 (302).

Во славным во городе и в Астрахане
Появился детинушка, незнамой человек
Незнамой и незнакомой, и незнакома голова;
Щедро-шепетко по городу похаживает,
На ем бархатной халат, на на врастепашочку ево носил,
Чэрны плисовы штаны на ево крутых бедрах,
Чэрна плисова жилетка на ево белых грудях,
Белые перстятки на ево белых руках,
Козловые сапожки на ево резвых ногах,
Чэрна шляпа пуховая на одном ухе лежит.
Астраганским то купцам он не кланяетца;
Астраганскому губернатору и под суд не йдет.
Астраганский губернатор ево из окошка увидал,
Из окошка увидал, слуг верных посылал:
— „Слуги, вы мои слуги, верные мои,
— Пойдите, приведите и ке сколь не медлите!“
Не сколь не медлили — тово часу привели,
Начэли детинушку допрашивати:
— „Скажи ка ты, скажи, детина, не утай себя:
Али ты с Дону казак, али казачей сын?“
— „Я не с Дону казак и не казачей сын,
„Я со матушки с Рассеи — Стеньки Разина сын!“

Записана А. А. Макаренко от крестьянина Евгр. Ант. Попова, 66 л., в д. Кежемская Заимка, в 1904 г. Напечатана в „Живой Старине“ 1907 г. Вып. II, стр. 38, № 22

---

32 (303).

Из Тазу города шли два татарченка,
Силу то бьют, как траву косят,
Просят у царя поединшика:
„Гой ты еси, Петрушка, православной царь,
„Дай нам, Петрушка, поединшика,
Дай нам, Петрушка, противника.
А не дашь противника — сам иди!“
Не злата труба воспротрубилась,
Не серебряна чепочка воспрозыгралась —
Воспроговорил наш батюшка, православной царь,
По именю Петр, по величанню Алексеевич:

„Хто, бат, мою гопову заменит животом своим?“
Не из первова ряду, не из середнева,
Из тово, говорит, ряду из последнева
Выступат тут дородной доброй молодец,
На нем шубочка баранья навыворот:
„Разе, говорит, замечю голову твою животом своим!
Налевай, говорит, мне турей рог меду сладкова,
Налевай ты мне чару зелена вина,
Мерную пету чару полтора ведра!“
Принимал чару единой рукой
Выпивал чру на единой дух.
. . . . . .

„Сошлись на поединок. Татара говорят—„ну бей!“ А он имя сказал: „на зачинающаго сам Господь подыматца“. Стал на место. Подошел татарин, ударил—он стоит; другой ударил—стоит: „Ну ставай на почотно место!“ Ударил—татарина убил и другова тоже!

Вот Петра Алексеевич и спрашивает молодца: „Чем я тибя буду чёствовать-жаловать—селами али деревнями, али городами с пригородками?“.

„Ничево мне ко не надо, говорит тот, только выведи мово дядя Сенкю Разйна из „проклятища“. А он стало быть ему племянник был, из „осилков“ был.

„Нельзя, говорит царь, он на соборе проклянен“.

Записана в 1904 г. А. А. Макаренко в д. Кежемской Заимке от кр. Вас. Ив. Сизых, 60 л. Напечатана в „Живой Старине“ 1907 г., Вып. II, стр. 38, № 23.

33 (304а.)

Ах да наши леса ль лесочки,
Леса темные,
Ах да вы станы ли наши,
Станы наши теплые!
Ах да еще все-то наши,
братцы, да лесочки,
Все леса наши порублены!
Ах да еще все-то наши,
братцы, да кусточки
Все кусты наши повыжены!
Ах да еще все-то наши, братцы, друзья-товарищи,
Ой, братцы, все переловлены.
Ах да все в железные в ручные они кандашки
Да все позакованы!
Ах да все по уездным, братцы, городкам
Они все поразосланы,

Ах да все по местам они
только по допросам
Они подопрошены!
Ах да что один за нас, братцы, только товарищ,
Один только не пойман был,
Да по-прозваньицу был-то он,
по фамильюицу,
Он был Сенька Разин сын.
Ах да зашаталась его буйная вот головушка
Она только по чистому полю.

Записана И. П. Корниловым в Сибири, на Ильгинском винокуренном заводе, на реке Лене. Напечатана в Чтениях И. Общ. Истории и Древностей Российских, 1887 г., кн. III, стр. 63.

---

34 (304б),

***

Горы, горы, горы крутыя,
Вы горы Змеевы,
Вы позвольте, горы,
Горы постояти,—
Нам не годик здесь годовати,
Одну ночку ночевати,
И тою всю не спати:
Пуль, пороху набирати,
Пушки, ружьи наши заряжати,
Во чисто поле стреляти,
Стеньку Разина нам встречати.
На Петровском на лужечке
Все майданики*) запустели,
Все несчастные приуныли:
Стеньки Разина вот у нас не стало.
Мы пойдем-те-ка, ребята,
В болокаменны палаты,—
Ах да из палатушек посмотрим
Вниз по матушке да по Волге,
Да по широкой, славной долгой:
Не белым было на ней забелело,
Не черным черно зачернело
Забелели то тонки парусочки.

Записана И. П. Корниловым в Сибири, на Ильгинском винокуренном заводе, на р. Лене. Напечатана в Чтениях И. О. И. и Д. Рос., 1887 г., кн. III, стр. 64.

---

*) Майданики—разбойничьи станы.

Якутской области.

35 (305).

Во славном городе, во Астрахане
Проявился детинушка, незнам человек.
Щедро, шепетко по городу погуливат,
Черну шляпу с позументом носит на одном ухе,
Рыжаго бархату кафтанчик носит на одном плече,
Изарбацкую опояску во руках концы.
(Небылыми словесы похваляется—)
— „Астраханскими купцами я не знаюся,
„Астраханскому губернатору я не кланяюсь!“
Привелося добру молодцу итти вдоль по улице,
Довелося добру молодцу зайти во царев кабак,
Открывает он двери на пяту,
Закрывает он крепко на крепко.
— „Ах, ты гой еси, целовальничек доверенной!
Открывай ты погребы глубокие,
Доставай ты мне цельнаго спирту на пятьсот рублей,
А с товарищами на три тысячи!“
Говорит тут целовальничек доверенной:
— „Что это, братцы, за питух пришел, за горькой пьяница?
У дверей в углу стояла голь кабацкая.
— „Что ты, целовальничек доверенной, ошибаешься!
„Не питух тебе пришел, не горькой пьяница,
„По всей нашей Руси родовой казак“.
. . . . . .
Тут спроговорил Незнамушка:
— „Пей, гуляй, голытьбушка, на мой на счет“
Привелося добру молодцу итти опять вдоль по улице
Мимо той ли канцелярии губернаторской.
Увидал то из окошка губернатор наш,
Тут вскричал он, заревел он зычным голосом:
— „Вы подайте, приведите мне Незнамушку!
Тут пошли и привели ему Незнамушку.
Отпирает он двери на пяту,
Закрывает он двери крепко на крепко,
Он кланятся на все четыре стороны,
(Губернатору и губернаторше на особице).
Губернатор у него стал выспрашивати:
— „Царь ли ты, царевич, или царской сын,
„Король ли ты, королевич, королевской сын?“
У дверей в углу стояла голь кабацкая.
— „Ах ты батюшка наш, ты ошибаешься!
Пришел тебе не царь, не царевич и не царской сын,
„Не король, не королевич, королевской сын,
„По всей нашей Руси родо-

вой казак (Православной царь)
„Под названием Петр Алексеевич!“
Говорит Незнамушка голи кабацкой:
— „Чем тебя я, голытьбушка, пожалую,
„Генералом ли, адмиралом ли, тайным советником?
— „Принимай ты, генералушка, дома и казну!“
Говорит тут Петр Алексеевич:
— „На приходе добра молодца не потчивал,
На уходе добра малодца не не учествовал,
Заутра с тобой собакой переведаюсь!“

Записана В. Н. Богоразом в конце 90 х годов XIX о. от Среднеколымскаго казака Ѳедора Даурова шестидесяти лет. Вставки от Кулдаря. Напечатана в статье акад. В. Ѳ. Миллера: „Иисторические песни из Сибири“ стр. 38—39. С.-Пр. 1904 г.

36 (306).

Очутился млад детинушка, незнамой человек,
Не знай казанский, не знай московский, не знай астраханский!
Алый бархатный кафтан на могучих на плечах,
Прозументовый платочек за конец его тащил.
Он стохам (?) офицерушкам челом не бьет,
Астраханскому губернатору под суд не идет.
— „Еще завтра по утру мой батюшка будет,
Ты умей его встречать, да умей его честивать!—
Тожна его белы ручки опустилися,
И тожна его резвыя ножки подломилися,
Его буйна голова с плечь покатилася,
Тожна то губернатору смерть случилася.

Записана в 1912 г. В. М. Зензиновым в п. Русское устье на р. Индигирке, Верхоянского округа, Якутской области, от местного жителя. Напечатана в „Этнографическом Обозрении“ 1913, кн. XCVI—XCVII, стр. 215, в ст. Зензинова „Русское устье“.

Уральской обл.

37 (307).

У нас-то было на батюшке, на тихом Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкаске*),

*) Иные казаки, вм. Черкаска, упоминают в этой песне город Владимир. (Прим. собирателя).

Жила была у нас тут благочестивая вдова.
Не имела-то она, братцы, безкорыстного греха.
А ныньче вдова себе сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тут с'езжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.
Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как мил-ясен сокол стал (на) возлете.
Доселева Степанушка в круги к нам не хаживал
Крепку думушку с козаками не думывал.
А ныне и Степанушка в кругу стоит,
С козаками крепку думушку он думает.
Возговорил Степанушка таковы слова:
„Ой вы, гой еси, козаки, братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, козаченьки, своего атаманушки,
Меня Степанушку, сына Тимофеича, Разина.
Сядемте мы, ребятушки, в свой легкий корабличек,
Побежимте мы, ребятушки, в сине море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы кораблики:
Татарские, армянские, все басурманские,
Будь того только без сиза орла, без осударева.
Поедемте, ребятушки, к царю с повинною.
Повеземте с собой, братцы, топор-плаху,
Повеземте, братцы, царю дары драгоценные:
Сребро, злато и каменья самоцветные.
Тут коль станет царь благодарить—жаловать,
И станет нас царь крепко спрашивать.
Мы скажем царю всю правду истинну".
Тут возговорит православный царь таковы слова:
„Уж вы, гой еси, младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички!
Скажите мне вы правду истину:
Где вы были, где вси ездили?"
Тут возговорили младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички:
„Уж ты батюшка наш, православный царь!
Мы скажем тебе вси правду истинну:
Мы где были, мы где ездили.
Уж мы были, уж мы ездили в синем море,
Разбивали мы на синем море бусы—кораблички:
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла, без осударева.
Ты прости нас, батюшка, во всех винах,
Ты пусти нас, батюшка, на Яик-реку.
Мы заведем на реке Яике славный Яик-город,
Заведем мы его между двух речушек:
При первой речке при Яике быстрыми,

При другой речке при Чагане тихиим".
Потом побывали они во городе Гурьеве,
Из Гурьева пошли оне на матушку Волгу реку,
С Волги они пошли на Узень реку,
С Узень-реки переправились за Яик реку,
Прошли то они, изошли всю орду азиатскую:
Киргизскую, трухменскую, кызылбацкую.

Записана Железновым от стараго казака Ив. Никитича Чакрыгина. Напечатана в статье Железнова. Предания и песни уральских казаков. Русский Вестник, т. XX, стр. 573—574.

---

38 (308).

Как по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспийскому,
Завиднелась в море легка лодочка,
Не простая лодка, раз'езднакосна;
Хорошенько лодка изукрашена,
Бурсым жемчугом лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена.
На корме-то сидел есаул с с рулем,
А в носу сидел атаман с ружьем,
Посреди лодки—золота казна,
На златой казне лежит цветно платьице,
На цветном платье сидит красна девица.
Есаулушки она - сестра родная,
Атаманушке—полюбовница.
Как сидит она, слезно плачет;
Атаманушка плакать уговаривал:
— Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедем с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку, к отцу, к матери."

Сообщена казаком Иваном Соболевым. Напечатана в „Сборнике уральских казачьих песен" Н. Г. Мякушина. С.-Пб. 1890 г., № 12, стр. 41.

---

39 (309).

Как по морю было, морю синему,
По тому морю, по Каспицкому,
Супрогив было островов Орловых, —
Стоял на якоре воровской корабль.

На кораблике состроен был,
муравен чердак,
В чердаке состроен был золотой бунчук,
В бунчуке стояли царские знамячки,
Позлаченыя, распущенныя.
У знамячек стоит часовой казак,
Перед ним стоит раздвиженный стул,
На стулу сидит наш батюшка, воровской атаман,
Степанушка Темофеевич, по прозванью Разин сын,
Перед ним стоит старшой есаул.
Атаман есаулу сон рассказывал:
— „Что-то мне, брат, ночью мало спалось
И во сне мне много виделось:
Спадала с меня с головы кунья шапка,
Распоясался у меня золот колчан,
И разсыпались у меня калены стрелы“,
Есаул этот сон рассуживал:
— „Сопадала у тебя с головы кунья шапка,
Это—пропадет твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчан—
То мне есаулу быть крепко ранену;
Рассыпались калены стрелы—то казаки наши,
Воры—разбойники на побег пойдут“.

Напечатана с рукописи Н. Ф. Савичева в „Сборнике уральских казачьих песен“ Н. Г. Мякушина, стр. 41, № 11. С.-Пб. 1890.

---

40 (310).

Как по морюшку, морю синему,
Бросил якори воровской корабль.
На кораблике муравен чердак,
В чердаке стоит золотой бунчук,
С бунчуком рядом—царски знамячки,
А у знамячков часовой стоит,
Молодой казак, разудаленький,
Разудалая головушка,
Молодой парень, лет пятнадцати.
Супротив того караульщика
Раздвижной стоит, деревянный стул;
На том стулике, пригорюнившись,
Сидит, голову повесивши,
Удалой казак Стенька, Разин сын.
А дотолева наш Степанушка

Во казачий круг сам не хаживал
И с казаками крепкой думушки,
Братски в те-поры он не думывал.
А теперево наш Степанушка
К казакам в кружок, гляди, сам взошел.

Перепечатана из Отечественных Записок, 1848 г., стр. 139, в „Сборнике уральских казачьих песен“ Н. Г. Мякушина, стр. 40, № 10. С.-Пб. 1890

---

41 (311).

„Ой не вечор, то-ли, не вечор
Мне малым мало спалось,
Ой мне малым мало спалось } 2 раза
Во сне виделося: }
Ой будто конь мой вороной
Разыгрался, надо мной,
Ой разыгрался, расплясался, } 2 раза
Под удалым, добрым молодцом }
Ой налетали ветры да буйны
Со восточной стороны,
Ой сорывали-то черну шапку } 2 раза
С моей буйной головы. }
Ой отрывался лук звончатый
Со могучего плеча;
Ой разсыпались каленые стрелы } 2 раза
Как по матушке сырой земле }
Ой да и кто бы мне этот, да сон,
Разгадал его бы он?“
Ой есаулушка был догадливый } 2 раза
Есаул тот сон все разсуживал: }
— „Степанушка ты наш, Тимофеевич,
По прозванью Разин сын!
Сопадала у тебя с головы черна шапка— } 2 раза
Пропадет твоя буйна головушка; }
Отрывался, ой ли лук звончатый—
То мне, есаулушке, ой-ли, быть повешену;
Ой, разсыпались каленые стрелы—
То казаки наши, ой-ли, все разбойнички
Они во побег пойдут“.

Записана от 75-летняго старика—казака Ф. С. Ж. Напечатана в „Песнях уральских казаков“ И. И. Железнова, ст. 12. С.-Пб. 1899.

---

42 (312).

Как по морюшку, морю синему,
По тому морю Каспицкому,
Бросил якорь воровской корабль:
Как на этом на корабличке
Стоит муравен*) чердак.
Как на этом-же на чердачке
Стоит золотой бунчук;
С бунчуком рядом стоят
Царски знамячки;
Как у этих царских знамячков
Стоит часовой казак,
Он не стар, не млад—
Лет шестнадцати,..
Супротив того караульщика
Раздвиженый стул стоит.
На том стулике, пригорюнившись,
Сидит, голову повесивши,
Удалой казак Стенька, Разин сын,
Удалый казак, — воровской атаман...
А дотолева наш Степанушка
Во казачий круг сам не хаживал
И с казаками крепкой думушки,
По-братски он, в те поры, не думывал...
А теперево наш Степанушка
Ко казакам в круг, гляди, сам взошел.

Записана от казака Григория Калягина, Кулагинской ст., Горского пос. и Мирония Рукавишникова, Сарайчиковской ст., Сарачинского пос. Напечатана в „Песнях уральских казаков" І. И. Железнова, стр. 18. С.-Пб. 1899.

Терской области.

43 (313).

Не ф Саратове та было,
Было в Астрахани
Там прослышалси, проявилси
Все низнамый чилавек.
Он низнамый, низнакомый,
Стенька Разина он сын.
Он по городу шипеханька похаживаеt
В адной тониньк.й рубашички
Да в нанковым халати на распашичку.
Гаспадам да барам
Он чилом им ни бьет.

Записана в станице Червленной В. А. Водарским. Напечатана в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа", Вып. XXXIX, отд. II, стр. 59.

---

*) Иногда—„раскрашен".

Симбирской губ.

44 (314).

. . . . . .

Атаманушка сам по округу похаживает,
На ним бархатный кафтанчик на распашечку,
Бобровая его шапочка под пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,
Он серебряной своей тросточкой помахивает;
Атаманушка речь возговорит,—как в трубу струбит.
Есаул речь промолвит, как в свирель заиграт.
„„Уж как-то нам будет, братцы, пройти в славну Астрахань?
„„Мы проедем, братцы, в славну Астрахань в глухую полночь.
„„Уж и купим-то мы, братцы, атаманушке забавушку—коня доброго.
„„А есаулу купим забавушку—ружье огненное“.
И возговорит атаман Степан Тимофеевич:
„Под Казань городок стоит белый царь.
„Ни много, ни мало стоит,—семь годов,
„Не взявши Казань город, хочет прочь итти:
„Пойдем-ка, удалые, на подмогу к ним!
„Волжский городок с вечера возьмем,
„Царицын городок во глуху полночь,
„Мелким городочкам не поклонимся,
„Казань-то городок на белой заре,
„Во самую во Микольскую во заутреню“.

. . . . . .

„„Как нам, братцы, пристать к пристани?
„„Ежели боком пристать, станут палить из пушек,
„„Ежели кормой пристать, ловить станут,
„„Ежели пристать носом, примут под руки,—
„„—На подмогу едут к нам“.—

. . . . . .

Вот царь Иван Васильевич шлет посланника:
— Ежели боком пристали, палить из пушек,
— Ежели кормой пристали, ловить их,
— Ежели жь носом пристали, принять их под руки.
И призывает он атамана:
— Скажись ты мне, кто?—
„Слыхал ты? Степан Разин,
„Тимофеев с молодцами“.
— Много ли у тебя посланников?—
„Три ста человек“.
— Во всех я тея прощаю,
— Только скажи, как Казань город взять?—

. . . . . .

Подвели подкоп под Казанку под реку,
Пуд порхву казну, затеплили свечи на бочках,
И вышли сами подле стены,
В руках тоже свечи держут.
Осердился царь Иван Васильевич,—

Свечи все дошли, а бочки не рвет;
И хочет его казнить.
„Царь Иван Васильевич!
„На верху свечка теплится,
„Ее ветром качает".
Только переговорили,—и зачало бочку рвать:
И полетели стены, где кого,
Где рука, где татарска голова.
. . . . . .
Приезжает царь Иван Васильевичь в Москву,
Сделал пир, с'ехались господа к ему.
Где хвалится конями, где хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатами.
. . . . . .

Записана П. В. Шейном от 80-тилетнего старика в д. Александровке, Карсунского уезда. Напечатана в 6 вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 33—35.

---

45 (315).

Далече-далече, во чистом поле,
Еще того далече,—на синем море,
На синем море на Каспийскием,
На славном Чорностове, славном острове,
Не ясны соколы солеталися,
Сходилися тут удалы-добры молодцы,
Музурушки Персидские,
Они думали крепку думушку за единую:
„„А один из роду умнее всех:
„„Кому-то у нас, братцы, атаманом быть?
„„Атаманом быть Микитушке Тимофеичу,
„„Есаулошке Ермиле Романовичу"„.
Возговорит Микитушка Тимофеевичь:
„Не пора ли нам, добрым молодцам,
„И не полно ли нам. добрым молодцам,
„На морях стоять?
Не пора ли нам, добрым молодцам,
„На свежу воду,
„На свежую на воду,— Волгу матушку?
„И сядем мы, добры молодцы, во лодки легкия,
И станем разбивать бусы-корабли
„И мелки судешунки!

Записана П. М. Языковым в с. Головине. Напечатана в 6-м вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 30.

46 (316).

Как далеченко-далеченко, во чистом полечке,
А еще того подалече,—на синем моречке,
Как на славныим на черностовскиим было острове,
Как не белые лебедочки солетались,
Как не ясные соколочки сопорхалися,
Соходилися музурушки персидские
И низовые бурлаченьки безпашпортные:
Они думали—гадали думу крепкую за единую,
Выбирали себе атаманушку походного:
„„Ужь кому-то у нас, ребята, атаманом быть,
„„Ужь кому-то, разудалые, есаулом слыть?
„„Атаманом быть у нас Степану Тимофеевичу,
„„А есаулом слыть Миките Романовичу““.
Атаманушка сам по округу похаживает,
Он серебряной своей тросточкой помахивает,
Атаманушка речь возговорит,—как в трубу струбит,
Есаул речь промолвит,—как в свирель заиграт.
„„Ужь как-то нам будет, братцы, пройти в славну Астрахань?
„„Мы проедем, братцы, в славну Астрахань в глухую полночь,
„„Ужь и купим-то мы, братцы, атаманушке забавушку—коня доброго,
„„А есаулу купим забавушку—ружье огненное“.

Записана П. В. Шейном в 1856 г. в с. Усть-Урень, от Цыплова. Напечатана в „Чтениях О. Л. И. и Д. Р.“, 1877 г., т. III, стр. 44. Перепечатана в 6-м вып. „Песен П. В. Киреевского„, стр. 32.

---

47 (317).

Как далеченько-далеченько, в чистом полечке,
На синем-то на моречке,
На Черностовским славном острове.
Не беленькие лебедочки сопеталися
Не ясные соколочки сопорхалися
Соходилися музурушки персидские,
Бурлаченьки низовые безпашпортные,
И собиралися они во единый круг,
Они думали-гадали думу крепкую за единую:
„„Ужь кому-то из нас, доброму молодцу, атаманом быть,
„„И кому-то из нас, доброму молодцу, есаулом слыть?
„„Атаманом быть Матвеюшке Тимофеевичу,
„„Есаулом слыть Никитушке Романовичу““.

Атаманушка по округе похаживает,
Он серебреной своей тростонькой помахивает.
Атаман речь возговорит,— в трубу струбит,
Есаулушка слово молвит,— как в свирель заиграт.
„„Ужь как-то нам, ребятушки, протить в славный Астраханьград,
„„Ужь как-то нам будет, ребятушки, по базару гулять,
„„Ужь чего-то нам будет' братцы, на базаре закупать?
„„Ужь мы закупим нашему атаманушке коня доброго,
„„Еще купим мы ему саблю вострую,
„„Есаулушке мы закупим ружье огненно,
„„И поедем гулять по возморьицу"".

Записана П. В. Шейном от Н. Картавенко в 1856 г., в с. Усть-Урень. Нппечатана в „Чтениях О. Л. И. и Д. Р. 1877 г., т. III, стр. 45. Перепечатана в 6-м вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 31.

---

48 (318).

Не рябинушка со березынькой совивается,
А не травонька с травонькой соплетается,
Как не мы-ли, добрые молодцы, совыкаемся,
Как леса-ли мои, лесочки, леса темные,
Вы кусты ли мои, кусточки, кусточки таловые
Вы станы-ли мои станочки, вы станы мои темные,
И еще ли вы, мои лесочки' все порубленные,
Все кусты мои, кусточки, все поломаные:
Все друзья мои, братцы-товариши, переловленые,
По разным тюрьмам все посаженые,
Оставался один товарищ Стенька Разин сын.

Записана П. В. Шейном в 1856 г. от кр. Цыплова в селе Усть-Урень, Карсунского у.—Напечатана в „Чтениях в И. О-ве Истории и Древностей Российских" 1877 г., кн. III, стр. 63.

---

49 (319)

Вы леса наши, лесочки, леса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великие,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
Вы друзья ли наши, братцы-товарищи!
Леса наши все порублены,
А кусты наши все поломаны,
Все станы наши разорены,
Все друзья наши товарищи переловлены,
Во крепкие тюрьмы наши товарищи посажены,
Резвы их ноженьки в кандалах заклепаны,
У ворот-то стоят грозные старожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Ни куды-то нам, добрым молодцам, ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску из крепкой тюрьмы.

Записана П. В. Шейном. Напечатана в Приложениях к 7-му выпуску „Песен П. В. Киреевского", стр. 157.

---

50 (320).

Разливалася в зеленых лугах вода полая,
Потопляла у казачиньков теплы лагери,
Середи моря было Каспицкова
Стоял тут Лиман-остров,
На этом на острове стоял воровской корабль,
На этом на кораблике муравлин чердак,
В этом чердаке золотой бунчук,
В этом бунчуке царски знамечки,
У этих у знамечков часовой стоит;
Перед ним перед молодцем раздвижной стул,
На стулу сидит воровской атаман,
По имени атаманушка Степанушка,
Па батюшке Степанушка Тимофеевичь,
По великому по фамильицу Степан Разин.
С старшинами он думушку не думает,
К казакам он Степан Разин в круг не хаживает;
Он думаст крепку думушку с своей буйной головушкой.

Записана в г. Симбирске Д. А Валуевым. Напечатана в Сборнике „Песен П. В. Киреевского", вып. 7, стр 32.

Самарской губ.

51 (321).

На море стояли разбойнички семь годов,
Разбивали судна-корабли — армянски, татарки и купечески;
Они думали-гадали думу крепкую заеданую:
— „Кому у нас, ребята, атаману быть—“?
— „Атаману быть Ивану Тимофеевичу,
Есаулу быть Никитушке Васильеву.—
— „Как-то нам, ребятушки, города пройти!„—
—Астрахань-то, славну-мати,—пройдем с вечера,
Царицын городочек во глуху полночь,
Саратов и Дубовку на белой заре,
А Самаре городишке не поклонимся,
В Жигулинских горах остановимся;
Колышки вколотим кленовые,
А причалами причалимся шелковыми,
Атаманушку Иванушку сведем под руки,
Есаулушко Никитушка и сам сойдет.

Напечатана в „Сборнике песен Самарского края“ В. Варенцова. С.-Пб. 1862 г., № 5, стр. 229.

Саратовской губ.

52 (322

Ай вниз по матушке по Волге, вниз по быстрою реке,
Тутo плыла выплывала легка лодочка краснà;
Как по лодочке гребцов молодцов пятьдесят пять человек,
Посередь лодки хозяин разудалый молодец,
Он по имени Михайло был Стеньки Разина сынок.
Он воскликнул, он возгаркнул своим громким голосом:
„Да подварачивайте, ребята, ко крутому бережку,
Ко крутому бережечку, ко желтому ко песку,
Ко желтому ко песочку, ко низовой стороне,
Ко низовою сторонке, славной Астрахани“.—
Ай да без опасочки молодчик вдоль по улице идет.

Знать зелен сафьян-сапожки
на бумажныих чулках,
Черну шляпу с позументом
на правòм ухѐ несет,
Черный бархатный чапанчик
на распашечку идет,
Персидский кушачишко свой
во левой руке несет,
Со серебряной тросточкой
опирается-идет;
Он ни штатам, генералам не
кланяется никому.
Астраханскому губернатору
он челом не бьет,
Он челом ему не бьет, сам
под суд к нему нейдет—
Увидал Астраханский губер-
натор из хрустального
окна,
Закричал - же губернатор
своим громким голосом:
„Ох, и есть-ли у меня лег-
ки, царские слуги?
Вы подите, приведите уда-
лого молодца“!
Подскочили, подхватили ров-
но три полка солдат,
Подвòдили доброго молодца
ко стеклянным воротом,
Ко стеклянным воротам,
ко хрустальныим стол-
бам.—
Как и стал-же губернатор
крепко спрашивать его:
„Чей ты, откуда незнамый,
незнакомый человек?....
Да ты скажи, скажи, молод-
чик: чьего роду-племени,
Из Москвы-ли ты торговец,
или со Дону казак“?—
— „Я ни с Москвы торговец,
ни со Дону казак,
Я со Камы, со реки Стеньки
Разин сынок.
Ох, я по имени Михайло
Стеньки Разина сынок,
Ох, заутра знать мой батюш-
ка хотел в гости к тебе
побывать;
Ты сумей, сумей-ка, губер-
натор, встретити его,
Изловчись, ты, губернатор
поподчивати его“!—

Записана 24 янв, 1899 г. от кр. с. Кутьина, Петровского у., И. Бабушкина и В. Мальцева. Напечатана в брошюре М. Е. Соколова „Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовск. г. о Стеньке Разине“. Саратов, 1902 г., стр. 7, № 8.

---

53 (323)

Как по городу по Астраха-
ни проявился здесь мо-
лодчик, разудала его
голова.
Чисто, щептеко-ли он по
городу похаживает,
Он со штатами, да он с офи-
церами не кланется, да
идет,
Астраханскому да он губер-
натору он под суд к нему
нейдет.
Астраханский губернатор го-
сподин-же на крылечик он
выходил,
Закричал наш губернатор
своим громким голосом:

Вы ребята, вы, мои ребята,
удалые да вы молодцы,
Вы подите, приведите удало-
го ко мне молодца,
Удалого ко мне молодца, ду-
шу астраханца!
Я спрошу его молодчика: ты
откудова, чей такой?"
— Я ни с Питеру молодчик,
ни с матушки да я со
Москвы,

Ой да я ни с матушки со
Москвы, и ни с тихà До-
ну-ли я казак,
Ой да ни с тихà Дону я ка-
зак, а Стеньки Разина
рóдный сынок"...
Вниз по матушке по Волге,
по быстрой по реке,

Как по быстрой по реке ле-
гка лодочка плывет,
Как на этой легкой на лод-
ке два молодчика сидят,

Два молодчика сидят, про
разлуку они говорят:

„Да ты разлука, ты неволя,
чужа дальня сторона,
Разлучила чужа дальня сто-
рона с отцом, с матерью
меня!

Ах, да ты прощай-ка, про-
щай, губернатор господи-
дин!
Стенька Разин здесь сидит
один, Ванька Каин еще
товарищ с ним.

Записана 5 июля 1899 года от крестьян-великоруссов слободы Елани Аткарского у.: Ф. Панжина и В. Ананьева. Напечатана в брошюре М. Е. Соколова „Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской г. о Стеньке Разине". Сарат. 1902 г,, стр. 12, № 12.

54 (324).

Из-за лесику, лесику, лесо-
чику тёмного,
Вылетала вот птица кам-
ская,
Птица камская, летела она
из Уральского;
Во когтях-то она несет белу
рученьку,
Белу рученьку она несет со
златым перстнем.
Как садилася эта птица она
все на сырой дуб,
Все на сырой-от она на ду-
бок только над Крякой
рекой,

Над Крякой-то все она ре-
кой, над Волгой матуш-
кой;
Уронила она эту рученьку
во Кряку реку,
Во Кряку все реку, Волгу
матушку.
Вдоль по бережку туто шли
красны девушки;
Увидала эту рученьку Стеш-
ка девушка;
Ох, эта права рученька вот
мово милова дружка,
Все мила-то вот мово друж-
ка, Стеньки Разина;

Знать мово-то все мила дружка, его во живых нету;
Ох растерзала его тело бело по дикой степи,
Ох по дикой-то степи по саратовской!"

Записана 15 февраля 1900 г. от крестьянки с. Коневки Петровского у., Д. И. Марковой. Напечатана в брошюре М. Е. Соколова „Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губ. о Стеньке Разине". Саратов. 1902 г., стр. 13, № 13.

---

55 (325).

Ох, мы пойдем-те-ка, братцы, на́ круты горы гуляти,
Ох, мы поглядим-те, братцы, вниз по Волге!
Ой д'уж что-то, что это у нас сделалось на Волге?
Солучилось, сделалось большое вот несчастье.
Несчастьице сделалось большое, вот не малое!
Не черным.. не черным-то не черным-то зачернелось, зачернелось,

Зачернелись, зачернелись, у нас два стружечика,
Эй два стружечка они черные, оба смолявые,
Смолявые стружки были воровские, воровские...
Ох, как в одном-то стружечке сам Степан гулял,
Да не один Стенюшка гулял,— со всем со-с прибором
Со-с прибором Стенюшка гулял, со друзьями,
Со друзьми Стенюшка гулял, со ворами,
Вот со донскими Стенюшка гулял с казаками,

Как мы черненький ярок прогребали, прогребали,
Как к Астрахани городу подежали, под'езжали.
К Астраханскому мы городочку, городочку,
Ко желтому мы ко песочку ко песочку...
Ой, да вот никто-же Стенюшку не узнает,

Никто Стенюшку не узнает, не признает,—
Как признавали Стенюшку два солдата,
Преображенского полку два офицера.

Записана 30 июня 1898 года от крестьян села Кутьина Петровского у.: И. А. Бабушкина, М. К. Борисова и В. Л. Мальцева. Напечатана в брошюре М. Е. Соколова „Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской г. о Стеньке Разине„ Сарат. 1902 г., стр. 5 № 6.

---

56 (326).

Ой, вниз по матушке по Волге мы пойдем-те, братцы, гуляти,
Ой, да мы пойдем-те, погуляем-те, братцы, вниз по Волге реке!
Ох, что это на Волге на реке сделалось?!
Сделалось несчастьице большое!...
Не черным-то черно зачернелось,
А да зачернелись да два стружечика,
Ни такие стружечики были,— смолявые,
Смолявые стружечики были воровские...

Как в одном-то стружечике сам Степан гулял.

Ох, ни один Степан гулял,— со-с прибором,
Со-с прибором Стенюшка гулял, со ворами,
Со ворами Стенюшка гулял, со друзьми,
Со друзьями, все с донскими казаками!
Вот никто-то Стенюшку не признает,—

Как признавали Стенюшку два солдата,
Два солдата, два офицера преображенского полка!

Записана М. Е. Соколовым от И. А. Бабушкина. Напечатана в его сборнике „Былины, историч. песни, разбойнич. и воровск. Саратовской губ.". Петровск. 1896 г., стр. 10, № 8.

---

57 (327).

Ой как вниз по матушке по Волге вниз по быстрой реке [народн рике),—
Тутo плыла, выплывала легка лодочка красна;
Как на этой на лодочке гребцов молодцов пятьдесять пять человек,
Посреди лодки хозяин разудалый молодец,

Он по имени Михайло Стеньки Разина сынок.
Он воскликнул, он возгаркнул своим ясным, громким голосом:
„Подворачивайте, ребятушки, ко крутому бережку,
Ко крутому бережечку ко желтому ко песку,
Ко желтому ко песочку, ко низовой стороне,

Ко низовой сторонке, славной Астрахани".—
Ай да без опасочки молодчик вдоль по городу идет,
Знать зелен сафьян-сапожки на бумажных чулках,
Черну шляпу с позументом на правом ухе несет,

Изорватный [вар. разорватный] кушачишко свой во левой руке несет.
Черный бархатный чапанчик на распашечку идет,
Со серебряной тросточкой опирается-идет;
Он ни штатам, генералам не кланяется,
Астраханскому губернатору он челом не бьет,
Он челом ему не бьет, сам под суд к нему нейдет.
Увидал астраханский губернатор из хрустального окна,
Закричал-же губернатор своим громким голосом:
„Ох и есть-ли у меня легки царские слуги?
Вы подите, приведите удалого молодца“.—
Подскочили, подхватили ровно три полка солдат,
Подводили доброго молодца ко стеклянным воротам,
Ко стеклянным воротам, ко хрустальныим столбам.
Как и стал-же губернатор крепко спрашивать его:
„Чей ты, откуда незнамый, незнакомый человек?...
Да ты скажи, скажи, молодчик: чьего роду-племени?—
„Я со Камы со реки (народн. са рике) Стеньки Разина был сынок,
Ох, я по имени Михайло Стеньки Разина сынок.
Ох, знать по утру будет батюшка,
Хотел в гости к тебе (народн. к тибе) побывать;
Ты сумей, сумей, губернатор, сумей встретити его,
Эх, изловчись ты, губернатор поподчивати его!„—

Записана в 1895 г. от крест. И. А. Бабушкина, М. К. Токарева и В. Л. Мальцева. Напечатана в сборнике песен [былины, историч. песни и т. д.] Саратовской губ. М. Е. Соколова, стр. 11 № 9. Петровск. 1896 г.

Астраханской губ.

58. (328).

1 Запев. Как у нас-то было на тихом Дону в славном
Хор. Городе Черкасскиим.
2 З. Породился, проявился
Х. Удалой-то там казак,
По прозванию Степан Тимофеевич.
3 З. Степан Тимофеевич.
Х. В войсковую канцелярию
Он совсем не хаживал.
4 З. Он совсем не хаживал.
Х. С казаками-то во кругу

Дум горькиих он не думывал.

5 З. Дум горькиих не думывал.
Х. Как ходил-то он во царев кабак,
Степан Тимофеевич.

6 З. Степан Тимофеевич.
Х. Думал думушку со своей голью,
Он голью голытьбою.

7 З. Он голью голытьбою.
Х. Ты, голытьбушка-ли моя,
Голь мая разбессчастная!

8 З. Голь моя несчастная.
Х. Собирайся-ка ты, голытьбушка,
На сине море гулять.

9 З. На сине море гулять.
Х. Разнесем-ка мы по бревнушкам
Кораблики басурманские.

10 З. Корабли-то вражие,
Х. Побываем мы погуляем
На Волге широкой реке.

Записана в 1902 г. А. А. Догадиным в Александровской ст. от Л. В. Блинова и др.; в Красноярской ст. от бр. Агаповых С. И. Г. я др.; в Пичуженской ст. от бр. Прокоповых и А. А. Горшенева и др. Напечатана в сборн. А. А. Догадина: „Былины и песни Астраханских казаков", Вып. I, стр. 37.

---

59. (329).

1 Запев. Быстрехонько
Хор. Течет Уралушка, Урал славная река.
А сверх-того Уралушки, сверх-то Горыныча.

2 З. Сверх Горыныча.
Х. Бегли, выбегали астрахански три новы стружки,
Как один-то из них-то стружечушко.

3 З. Стружечушко.
Х. Вперед всех выбегал, как ясен сокол вылетал.
Изукрашен был стружечушко лучше, краше всех.

4 З. Лучше, краше всех
Х. По бокам-то у него медные все пушечки.
Посреди было стружечушка — золотой бунчук.

5 З. Золотой бунчук.
Х. Как под бунчуком стояла дубова скамья.
На скамье сидел донской, воровской атаманушка.

6 З. Атаманушка.
Х. По имени Степан Разин Тимофеевич.
Уж он речь возговорил, как в трубу-то вострубил.

7 З. В трубу вострубил.
Х. Уж вы гряньте-ка, ребятки, удалые казаки,
Вдоль по батюшке-Уралушке, по славной реке.

Записана А. А. Догадиным в 1902 г. в Сероглазинской ст. от А. М. Дедова и др. Напечатана в „Былинах и песнях Астраханских казаков А. А. Догадина, Вып. I, стр. 20.

---

60 (330).

1 Запев. Течет Яик быстрехонько
Хор. Урываючи круты бережки;
Желты пески сыпучие все поверх воды сверх воды несет.

2 Все по верх-то воды он несет.
Ни сверх было Яика, ни сверх было Горыныча было самого.

3 Сверх Горыныча было самого.
Не серые гуси там все возгоковали, возгоковали.

4 Возгоковали. Не черные там,
Черны там три ворона возлетывали, возлетывали.

5 Из устьица там выбегали три стружка.
Один из них стружек наперед всех выбегал, вперед выбегал.

6 Вперед он бежит, как сокол летит,
Уж как этот-то стружечек изукрашен был, изукрашен был.

7 Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копьями, ровно лесом усажен.

8 Середь этого все стружечушка
Золотой бунчук стоит, а под бунчуком сидит атаманушка.

9 Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он возговорил.

10 Он возговорил, как в трубу протрубил.
„Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву, да ко Гурьеву.

11 К крутому его, его бережку.
Мы стружечки причалим и положим сходенки на крут бережок.

12 И по сходенкам сошел воровской,

Сошел на берег душа воровской атаманушка, атаманушка.
13 „Вы пойдите доложите своему
Атаманушке: жаловал, мол, к нему в гости Степан Тимофеевич.
14 Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище с вами заводить, а святым храмам поклонитеся.
1 Поклонитися и молебен отслужить.
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою.

Записана А. А. Догадиным в 1902 г, в Ветлянинской ст. от И. Е. Сотникова, А. С. Дивина и других. Напечатана в „Былинах и песнях Астраханских казаков", А. А. Догадина, Вып. I, стр. 19—20.

61 (331).

1 Запев. Вы пролейте-ка, дожди сильные!
Хор. :,: Вы размойте-ка стены каменны.
2 З. Стены каменны оне развалилися;
Х. :,: Все разбойнички разбежалися;
3 З. На долинушку собиралися;
Х. :,: На колени они становилися.
4 З. На восход солнца богу молилися.
Х. :,: Ты взойди, взойди солнце красное!
5 З. Над горой взойди над высокою,
Х. :,: Над дубравушкой над зеленою.
6 З. Обогрей ты нас, людей бедныих,
Х. :,: Добрых молодцев, нас ты беглыих.
7 З. Мы не воры-то, не разбойнички,
Х. :,: Стеньки Разина мы работнички.

Записана А. А. Догадиным в 1902 г в Копановской ст. от В. И. Лебедева и др.; в Пичуженской ст. от А. А. Горшенева и др.—Напечатана в „Былинах и песнях Астраханских казаков", А. А. Догадина, Вып. I, стр. 25.

62 (332).

1 Запев. Как во славном-то было во городе было
Хор. В городе Черкасскиим,
2 З. В городе Черкасскиим.
Х. Уж как жили там проживали

Да два братца родимые.
3 З. Два братца родимые.
Х. В войсковую они канцелярию
Они мало хаживали.
4 З. Они мало хаживали,
Х. С господами офицерами (они)
Мало разговаривали.
5 З. Мало разговаривали,
Х. Они думали крепку думушку
Со своей голытьбой.
6 З. Со своей голытьбой.
Х. Ты голытьба, наша голытьбушка,
Голь наша несчастная.
7 З. Голь наша несчастная.
Х. Собирайся-ка ты, голытьбушка,
Наша во единый круг.
8 З. Голь ты во единый круг.
Х. Во едином-то мы кружочке
Станем думу думати.
9 З. Станем думу думати.
Х Передумамши крепку думушку,
Мы станем коней седлать.
10 З. Станем мы коней седлать,
Х. Оседламши-то своих добрых коней,
Сядем да поедем.
11 З. Сядем да поедем мы.
Х. Уж поедем мы за Кубань реку;
Там живет орда богатая.
12 З. Там орда богатая.
Х. Уж мы эту-то ордыночку
13 З. Выжгем ее, вырубим.
Х. Мы рогатую всю скотинушку
Ее всю повырежем.

Записана А. А. Догадиным в 1902 г. в Александровской ст. от Д. П. Забурунова и других; в Александро-Невской ст. от А. И. Догадина и других.—Напечатана в „Былинах и песнях Астраханских казаков", А. А. Догадина, Вып. I, стр. 17, № 18.

---

63 (333).

1 Запев. Как во славном было городе во Астрахани
Хор. Во Астрахани.
Проявился там удал добрый молодец, добрый молодец.
2 З. Щепетнехонько и моднехонько он во городе
Х. Погуливает.
Свою шляпочку кабардиночку носит на правом ушке.
3 З. Свой кафтанчик он черна бархата на распашечку.
Х. Молодец несет,
А персидскую опоясочку несет во левой руке.

4 З. Он со штабами с офицерами не кланяется,
Х. Не кланяется.
Астраханскому Губернатору на суд, на суд не идет
5 З. Выходил губернатор на высокий красный красный крылец.
Х. На красный крылец.
Как воскликнул он громким голосом своим,
Громким голосом.
6 З. „Уж вы слуги мои-то, слуги верные мои".
Х. Слуги верные!
Приведите мне удала добра молодца, добра молодца.
7 З. Уж как взяли-то молодца во царевом кабаке,
Х Взяли в кабаке,
Уж как стал его губернатор крепко спрашивать,
Крепко спрашивать.
8 З. „Ты скажи мне, скажи, детинушка, незнам человек;
Х. Не знам человек!
„Астраханский ли, или с Дону ты, казак разудаленький?
9 З. „Я не с Дону казак и не из славной Астрахани.
Х. Да Астраханц.
Я с Камышинки Стеньки Разина сынок, я с Камышинки".
10 З. Уж как взяли тут, повели удалого молодца,
Х. Взяли молодца.
Посадили там во крепку, темну тюрьму, во застеночек.

Записана А. А. Догадиным в 1902 г. в Ветлянинской ст. от А. Ф. Мартемьянова и других.—Напечатана в Сборнике А. А. Догадина „Былины и песни Астраханских казаков", Вып. I, стр. 18—19.

Владимирской губ.

64 (334).

В славном городе во Астрахане
Очутился, скажем, проявился
Там незнамый человек.
Чисто-щепетно, скажем, погуливает,
На ем бархатный кафтан на распашку,
На распашку в ем идет,
Свой персицкой кушачек
В правой рученьке несет.
Перчаточки новы с серебром
На ево белых руках,
Черна шляпа с палюмажем
На ево русых кудрях,
Ох он штапам-офицерам
Не кланяется, идет,
Для мелкиих господ—
Пуховой шляпы не мнет,

А самому, скажем, губернатору
И челом ему не бьет.
Губернатур, скажем, господин
На крылечко выходил.
Закричал, скажем, губернатур
Громким голосом своим;
— Ой вы слуги, служки верные мои,
— Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца.—
Его взяли, подхватили
И к допросу повели.
Ох, становили, скажем, молодца
Близ парадного крыльца.
Ох губернатур, скажем, господин
На крылечко выходил,
Таки речи говорил:
—Чей, откуда, раскажи, мальчишка,
— Чей незнамый молодец,

Ох не с Москвы-ли ты купец,
— Не купечецкой ли сын,
— Аль не с Дону ли казак,
— Не казаческой ли сын?..
„Ох не с Москвы-ли я купец,
„Не купечецкой я сын,
„А я с Дону не казак,
„Не купеческой я сын,
„Я со матушки со Волги,
„Я со Камы со реки,
Стеньки Разина сынок.—
— Вы возьмите только, мои слуги,
— В белой каменный острог.—
„А ты послушай, скажем, губернатур,
„Одно слово мне сказать:

„Будто батюшка мой родимой
„Заутра хотел быть.
„Ты умей-ка ево встретить,
„Умей подчивать ево,
„Да из комнаты пойдет,

Умей двери затворить".
Приказал, скажем, губернатур
Вдоль по улице пустить.
Ох на утро, рано на заре,
Легка лодочка плывет,

Как во этой во лодочке
Ровно тридцать молодцов,
Ну а там, в самой середке,
Атаман ли их сидит,
Таки речи говорит:

Вы послушайте, скажем, ребята,
Что я буду говорить,
Ох будто чадо мое, чадо милое,
В белой каменной тюрьме".
— Не печалься, наш атаман господин,
— Ох белой каменной остог
— По кирпичику разберем,
— Астраханского, скажем, губернатура
— Во полон ево возьмем.—

Записана в Харькове от плотника из Вкадимирской губ. 13 апреля 1875 г. Сообщил И. И. Манжура.—Напечатана в „Русской Старине" 1878 г., т. XXII, стр. 462—463.

Тамбовской губ.

65 (335).

Как не буйны ветры в чистом поле бушевали,
Бушевала бела грудь красной девицы,
Раздиралось ретиво сердечко у молодушки,
Тосковала красна девица по любовничку,
Возрыдала еще я, голубушка, по обманщику;
В возрыданьице она речи молвила:
„Ах, на что меня родители породили,
„А на что меня на свет пустили?
„Для того ли, чтоб кручиниться,
„Для того ли, чтоб мне век печалиться?
„Как и был у меня мил сердечный друг,
„Он любил меня и жаловал,
„Много злата, серебра обещивал,
„Он частехонько говаривал:
„Я куплю тебе, девица, цветно платье,
„А на шею твою белу жемчужны жерелья*),
„На головушку твою золотой повойник,
„Я сострою те**), девица каменны палаты,
„Я поставлю во палатах кровать тесовую,
„На кроватку положу перину пуховую,
„Я покрою постелюшку одеялом соболиным;
„Я частенько буду, девица, к тебе езжати
„И со Волги со разбою буду отдыхати.
А уехал злой разбойник — со мной простился,
„Ужь и с той поры злодей со мной не водился,
„И не ведала я девица ровно десять лет,
„Где злодей живет, где разбойничает?
„Услыхала я девица на одинадсятый год,
„Что поймали разбойничка на большой Волге реке,
„Допросили разбойничка из какого роду — племени он был?
„Показал злодей-разбойник, что он Стеньки Разина, был сын".

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 42—43, с пометкою „Моршанского у., село Соколовка".

*) Ожерелья.
**) Тебе.

Орловской губ.

66 (336).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Над горою да над высокою, над высокою;
Над дубравою над зеленою,
Над долиною над широкою, над широкою!
Освети ты нас, добрых молодецев:
Мы не воры да не разбойнички, не разбойнички,
Мы не воры да не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички, мы помощнички.
Как мы строили церковь славную‘
Церковь славную, седмиглавную, седмиглавную.

Записана М. А. Стаховичем в Орловской губ., потом напечатана им с вариантами и с музыкою в „Собр. Р. нар. песен“, 1845 г. Перепечатана П. А. Бессоновым в Приложениях к 7-му вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр 155.

Калужской губ.

67 (337).

Вы леса мои леса, братцы, лесочки, леса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои—вы, мои братцы, станочки все пы(о)разорены!
Как и все мои, братцы, лесочки, все порублены;
Как и все-то мои, братцы, кусточки все повыжжены;
Как и все-то мои, братцы, товарищи, все половлены!
Как один из нас, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойман из нас, братцы, товарищ наш Стенька Разин сын;
Выходил же тут Стенька Разин сын на Дунай-реку,
Закричал же тут Стенька Разин сын своим громким голосом;

„Как и все-то вы, мои братцы товарищи, все половлены!
Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лук,
Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стри(е)лу
„Прострилите-тко, братцы товарищи, грудь мою белую!“

Записана в д. Андроновское, Лихвинского у. Напечатана в Сборнике „Песен П. В. Киреевского“, вып. 7, стр. 40—41.

Смоленской губ.

68 (338).

Разлилася матя Волга
Пу широкыму раздольлю,
Пу усим па мхам, пу балотам,
Па сянным, братцы, пакосам,
Мы устанемтя, рибяты,
Па утру, раным-ранинька,
Мы умыимся, рибяты,
Ключавой вадой халодныю,
Мы утремтися, рибяты,
Тонким белым палатном,
Мы памолимся, рибяты,
Стараверскыму чудатворцу,
Мы поедимтя, рибяты,
Ки горыду Астрахану,
Ки горыду Астрахану,
Ки заутрени, сабору!
Нихто нас ня услышить,—
Нихто нас там ня увидить,—
Вот и услышить, вот и увидить
Адна деука Астраханка.
Приказал нам ваявода
Воротики запирати,
На развал пушки катати
Сеньку Разина стреляти.
— „И вы палитя, ни палитя,
И сваей силы ни губитя
Мяне пушичка ня вобьеть,
Мелкая ружичка ня возьметь:
А толька вобьет и возьметь
Адна деука Астраханка, —
Вот она мяне ссушила
И живот-серца сукрушила“.

Записана от кр. Григорьева В. К. Добровольским в с. Радошкове, Ельнинского у. Напечатана в „Смоленском Этнографическом Сборнике“, ч. IV, стр. 615.

**
*

69 (339).

На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлова месяца,
Не сокол летал по поднебесью,

Ясаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
Вы вставайте, добры молодцы,
„Пробужайтесь, козаки Донски!
„Нездорово на Дону у нас,
„Помутился славной тихой Дон,
„Со вершины до черна моря
„До черна моря Азовскова,
„Помешался весь казачей круг;
„Атамана больше нет у нас,
„Нет Степана Тимофеевича,
„По прозванью Стеньки Разина;
„Поимали добра молодца,
„Завязали руки белыя,
„Повезли во каменну Москву,
„И на славной красной площади
Отрубили буйну голову".

Напечатана из „Новиковского песенника" в 7-м вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 40—41.

***

70 (340).

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не Черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге Черноярские стружечки,
Забелелися на мачтах тонкие-белые парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька Разин:
„Ох вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
„Вы гребите не робейте, белых ручек не жалейте,
Нам бы Астрахань—город ополночи бы пробежати,
„Черноярской городочик что на утренней на зоре,
„Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал",
Как один, братцы, увидел и один, братцы услышал,
Господин большой боярин, черноярской воевода:
Шол он от ранния обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой во набатной,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Што возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
— И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,

Меня пулечка не тронет,
меня ядрышко не возьмет.—
Что метался Стенька Разин
на угольную на башню,
Со великова раскату воеводу
долой сбросил,
Ево маленьких деток он всех
за ноги повесил.

Напечатана в 7-м вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр. 148,— из „Старшего песенника“ Трутовского, ч. III.

**
*

71 (341).

Что пропились, робятушки,
промотались,
Во косточки и в карты проигралися:
На что-то мы, робята, понадеялись?
Понадеялись, робятушки, на
сине море,
Что на синее море на Хвалынское!
Соберемтесь же, робята, во
единый круг,
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще легкую ли лодочку
семисаженну,
Как мы грянемте*), робята,
вдоль синя моря,
Вдоль синя моря вдоль Хвалынского,
Мы пристанемте, робята, к
круту бережку,
Как взойдемте ж**) мы,
братцы, на круту гору,
Поглядимте мы, робята, на
сине море:
Каково-то наше море становилося?
Что ни чем наше Хвалынское
не ворохнется:
Замерзало наше судно в воровских островах.
Потянула тут погода со святой Руси,
Как взломало***) наше море
из конца в конец.
Выплывает наше судно из****)
воровских островов.
И мы взяли это судно да
поехали,
Что раз'ехавших робята раззаводились*****).

Напечатана в Приложениях к 8-му выпуску „Песен П. В. Киреевского“ с пометою „Песенники Чулковский и Новиковский“, стр. 315.

*) Выражение об'яснено выше.
**) Должно быть „же“.
***) Безлично.
****) Д. б. „з, с“.
*****) Раззавелись, снова завелись и обзавелись добычей.

***

72 (342).

Как из славного царства Астраханского,
Что не грозная тут туча подымалася:
Подымалась-снаряжалась грозна высылка,
Что раз'езд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого, до притону ли козацкого.
Козаки там сидя догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися,
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцев ясаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли-возопил ли громким голосом:
„Государи мои, братцы товарищи!
„Не покиньте доброго молодца при бедности;
„Ужь как в некоторо время пригожусь, братцы вам,
„Заменю я вашу смерть животом моим,
„Животом моим и грудью белою!"
Как товарищи от молодца уехали:
Поимали молодца на острове.

Напечатана в Приложениях к 8-му выпуску „Песен П. В. Киреевского, стр. 316, с пометою „Песен. Чулковский и Новиковский".

***

73 (343).

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалый добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевичь.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами казаками думу не думывал;
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голудбою:
„Судари мои, братцы, голь кабацкая!
„Поедем мы, братцы, на сине море гулять,

„Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
„Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
„Поедемте, братцы, в каменну Москву,
„Покупим мы, братцы, платье цветное,
„Покупивши цветно платье, да на низ поплывем.

Напечатана в Сборнике „Песен П. В. Киреевского", вып. 7, стр. 33, с пометою. „Новиковский Песенник".

---

* *
*

74 (344).

На матке Волге
Не белыим забелелось,
Не черныим зачернелось:
Зачернелись на Волге,
Зачернелись на матке
Черногорские стружечки;
Забелелись на Волге,
Забелелись на матке
Полотняны парусочки.
На стружечках сидят ребята,
Удалы добры молодцы;
Атаманом у них Стенька,
По прозванью Степан Разин.
Возговорит Стенька
По прозванью Степан Разин.
„Ох! вы гой еси ребята,
„Удалы, добры молодцы!
„Работайте не робейте,
„Белых ручек не жалейте.
„Во полночь бы нам, ребята,
„Астрахань-город проехать;
„Никто бы нас не (у)видел,
„Да никто бы нас не услышал.
„Один-то нас увидел
„Астраханский губернатор,
„У заутрени стоя
„У Николы-чудотворца,
„Из окошечка глядя".

---

* *
*

75 (345).

Как во славном было городе во Астрахане
Очутился, проявился тут незнамый человек -
Он незнамый-незнакомый и не ведано отколь.
Чисто щепетко по городу погуливает:
Черный бархатный кафтанчик на могучиих плечах,
Черна шляпа с позументом на его русых кудрях
С Астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет.

Как увидел молодца губернатор со крыльца:
„Ах вы гой еси, солдаты, слуги верные мои!
„Вы подите, приведите удалого молодца;
„Как мы станем его крепко спрашивати:
„Ты скажи, скажи, детина, чей, откудова незнамый человек—
„С Дону ли ты казак, или казачий сын,
„Или с матушки Москвы разудалый молодец?“
— Я не с Дону казак, не казачий сын,
Я не с матушки Москвы не разудалый молодец.
Я из Астрахани Стеньки Разина сын;
Ты изволь-ко его встречать, изволь подчивати!
Ужь как вниз то было по Каме по реке,
Как плыла тут-выплывала легка лодочка косна.
Как во лодочке во той немало людей
Немало - немного—пятьдесят человек;
Середи лодочки косной сидит наш воровской атаман;
Он повесил головушку на правую сторонушку,
Он потупил очи ясныя во мать во сыру землю,
Как не серые (гуси?) привозгакнули,
Как возговорят - промолвят добры молодцы ему:
эТы не плачь-не тужи, наш воровской атаман!“
— Ничево вы-то, братцы, не знаете, не ведаете:
Как мой-ат сын во поимине (поиманьи) сидит—
Он во славном городе во Астрахане!
„Ты не плачь, не тужи, наш казачий атаман!
„Ужь мы сына твоего мы выручим,
„Астраханского губернатора мы выучим:
„Да где мы его найдем—тут в огне сожжем!“

№№ 344—345 напечатаны в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр. 33—40, без указания, где и кем они записаны.

* *
*

76 (346).

Как во славном было городе во Астрахани,
Проявился тут детинушка-незнамой человек:
Гордо-щепетко по городу погуливает,
Черну шляпу с позументом на правом ухе надел,
Черный бархатный кафтанчик на распашечку несет,
А шелковый кушачек по землице волочет.
Как увидел воевода из косящета окна,
Закричал он - завопил зычным голосом своим:

„Гой вы слуги - молодцы, вы ребятушки мои,
„Вы возьмите-приведите удалого молодца!“
Кек ведут-то молодца—крыльцо зыбается*),
А муравлены балясы**) расыпаются
И уж начал воевода его спрашивати:
„Ты скажи, скажи, детинушко, удалый молодец,—
„Из Казани ты молодчик, или с Астрахани,
Иль большого городочка—каменной славной Москвы?“
— Не с Казани я молодчик и не с Астрахани,
— Не с большого городочка — каменной славной Москвы:
Я со Камы со реки —Стеньки Разина сын!—
Закричал тут воевода зычным голосом своим:
„Поведите молодца в белокаменну тюрьму!“
— Береги ты, воевода, буйну голову свою:
— Ужь как завтра к тебе батюшка мой под город придет,
Ужь как завтра к тебе будет он стрелы стрелять,
— На стрелах-то к тебе будет он письмы писать.

Записача Н. А. Полевым, доставлена кн. Н. А. Церетелевым. Напечатана в „Приложениях к 8-му выпуску Песен П. В. Киреевского“, стр. 317—318.

* *
*

77 (347).

Как далеченько-далеченько во чистом поле,
Да еще как подалей на синем море
Как на синем море было на Хвалынском,
Что на славном было острове на персидском,
Собирались музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали все великую,
Думу крепкую гадали за единую:
„„Вот кому из нас, ребятушки, есаулом быть?
„„Да кому из нас, ребятушки, есаулом слыть?
„„Атаманом быть Степану Тимофееичу,
„„Есаулом быть Василью Никитичу““.
Атаман речь возговорит, как в трубу трубит,
Есаул-то речь возговорит как в свирель играт.

*) Дрожит колеблется.
**) Перила, по бокам для рук резные „травчатые“ столбики.

„Не пора ли нам, ребята, со синя моря,
„Что на матушку на Волгу на быструю реку?“

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр. 138—139, без указания, кем и где она записана.

* *
*

78 (348).

Как по матушке по Волге легка лодочка плывет,
Как во лодочке гребцов ровно тридцать молодцов,
Посередь лодки сидит Стенька Разин сын.
Как возговорит он, Стенька, ко товарищам своим:
„Ужь и что-й-то это, братцы, мне тошным тошно,
„Мне сегодняшний денечек грустнехонько?
Как и знать-то мой сынок во неволюшку попал!
„Ужь я в Астрахань зайду,— выжгу, вырублю,
„Астраханского воеводу я под суд возьму“.

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр. 144, без указаний, где и кем она записана.

* *
*

79 (349).

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося:
Замерз-то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевичь,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
„Ах вы гой еси, удалы-добры молодцы!
„Вы берите еловчатые веселчики,
„Вы бейте-пробивайте тонкой осенней лед:
„Ах, как бы нам добиться до тихих мест,

„Что до той ли до проточинки Червонныя,
„Что до славного до острова Кавалерекого:
„Ах, там ли вам, братцы, дуван делить,
„Нам отласу и бархату по размеру всем,
„Золотой парчи по достоинствам,
„Жемчугу по молодечествам,
„А золотой казны сколько надобно".

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 140—141, без указания, где и кем она записана.

* *
*

80 (350).

Уж вы горы мои. горы!
Прикажите-ка, вы, горы,
Под собой нам постояти:
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,
Легки ружья запряжати,
Чтобы Астрахань нам город
Во глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханскнй воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти:
„Ваши пушки меня не возьмут,
„Легки ружьица не проймут;
„Уж как возьмет ли, не возьмет,
„Астраханска девка Маша".
По бережку Маша ходит,
Шелковыим платком машет,
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала:
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом-медом угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству об'явила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Железными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во железную во клетку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться:
Он во клетке окатился—
И на Волге очутился.

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского", стр. 141—143, без указания, кем и где она записана.

* *
*

81 (351)

Ах туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, ко синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, частокрупен дождик
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремчики, братцы, разбежалися,
Во темном бы лесу собиралися.
Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березенкой они становилися,
На восход Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
„„Ты взойди, взойди красно солнышко
„„Над горой взойди над высокою,
„„Над дубравушкой над зеленою,
„„Над урочищем добра молодца,
„„Что Степана свет Тимофеевича,
„„По прозванью Стеньки Разина.
„„Ты взойди, взойде, красно солнышко,
„„Обогрей ты нас, людей бедныих,
„„Добрых молодцов, людей беглыих:
„„Мы не воры, не разбойнички,
„„Стеньки Разина мы работнички,
„„Есауловы все помощнички.
„„Мы веслом махнем — корабль возьмем,
„„Кистенем махнем—караван собьем,
„„Мы рукой махнем—девицу возьмем"".

Напечатана в Приложениях к 7-му выпуску „Песен П. В. Киреевского, стр. 153—154, с пометою: Не известно, где записана".

* *
*

82 (352).

Из славного из устьица синя моря,
Тут плывет-выплывает нова выкладна,

Хорошо́ кладна́ изукра́шена.
Она плывет-подплывает к Астрахани,
К тому ли царству Астраханскому.
Добры молодцы в городе во Астрахани
Погуля́ли, поцарствовали,
Попили-поели, на отвал пошли.
Увидали молодцы воеводу из окна,
Закричал воевода громким голосом:
„Заловите, поймайте добрых молодцев!“
Добрый молодец противности не чинил,
Во дворец сам подскочил.
Стал воевода его спрашивати:
„Ты скажи, скажи, добрый молодец,
„Не утай сам себя“.
—Я сам тебе расскажу, всею правду об'явлю:
—Я со Камы со реки, Стеньки Разина сын.
Заутра хотел к тебе батюшка в гости побывать:
— Чем будешь батюшку потчивать?—
„ Я пивушка не кушаю, винца в рот не беру;
„Есть у меня наготовлены сухари,
„Они в Москве крошены, в Казани сушены:
„То я встречу его, буду подчивать“,
Испугался добрый молодец,
От него прочь бежал.
И подбегает к своей выкладной,
Закричал громким голосом:
—Ох братцы мои, товарищи!
—Пригряньте ко мне выкладну,
—Не оставьте меня при бедности:
—На нас воевода осердился.—
Добры молодцы ужаснулися,
Заторопилися, отгрянули ко крутому берегу.

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр. 144—145 без указания, где и кем она записана.

* *
*

83 (353).

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу матушку.

Как по той ли реке матушке Камышенке
Выплывают ли стружечки есаульские.
На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:

Все бурлаки, все молодчики заволжские.
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;

Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы;
Они веслами гребли да пели песенки.
К островочку среди Волги становилися:
Они жда́ли-поджидали губернатора,

Губернатора ли ждали астраханского,
Как возговорят бурлаки тут удалые:
„„Еще что то на воде у нас белеется?
„„Забелелися тут флаги губернаторски:
„„Кого ждали-поджидали, того ляд несет““.

Астраханский губернатор догадался тут:
— Ой вы гой еси, бурлаки люди вольные!
— Вы берите золотой казны, что надобно,

— Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,

— Вы берите все вещицы астраханские.—
Как возговорят удалы люди, вольные:
„„Как твоя не дорога нам золота казна;

„„Нам не дорого ни платье губернаторско;
„„Нам не дороги вещицы заморские;

„„Нам не дороги вещицы астраханские:
„„Дорога нам твоя буйная головушка““.
Буйну голову срубили с губернатора,

Они бросили голову в Волгу матушку;
Сами молодцы ему тут насмехалися:

„„Ты добре, ведь, губернатор, к нам строгонек был,
„„Ты, ведь, бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылывал,
„„На воротах жен, детей наших расстреливал!““

Напечатана в 7 вып. „Песен П. В. Киреевского“, стр. 149—150, с пометою: „... напечатано с напевом у Кашина“, ч. II, изд. I-е, 1834 г.

* *
*

84 (354).

Ходит молодец по Астрахани,
Погуливает;
В синем бархатном халате
На распашечку похаживает.
Во левой-то руке молодец
Кушак шелковой несет;
Во правой-то руке у молодца,
Трость серебреная.
В тросточке ленточка,—
Разноцветная.
Ходит молодец по городу,
Не кланяется ни с кем:
Ни с господами, ни казаками,—
И челом не бьет.
К прежнему бывшему генералу,
И под суд нейдет!
Увидал же губернатор
Из косящетого окна:
Вы подите, слуги, приведите
Удалого молодца;
Вы не бейте его, не журите,
Его так скоро ведите.
Вот пошли же слуги, привели
Удалого молодца.
Поставили молодчика,
Пред губернаторским лицем.
Вот и стал же губернатор
Крепко выспрашивати:
Ты скажи, скажи, молодчик!
Чиего ты рода-племя,
Или царского колена?
Иль купеческой сынок?
Иль с Оки реки молодчик?
Иль с тихого Дона казак?
Я ни царской и ни боярский,
Ни купеческий, сударь, сынок;
Ни с Оки реки молодчик,
Ни с тиха Дона казак.
Не изволите-ли знать Стеньку Разина?—
Я его, сударь, сынок,
А меня зовут Семенушкою.
Вы подите, слуги, отведите
Его во камениу тюрьму.
Вот пошли же слуги, повели
Удалого молодца;
Посадили молодца,
Во белу каменну тюрьму.
Как возговорит молодчик,
Удалым молодцам:
Вашу каменну я тюрьму,
По камешку разберу.—
Если батюшка услышит,
Во полон город возьмет;
Много бед он учинит
И в разор вас разорит.

Напечатана у Терещенка „Быт русского народа“, ч. II, стр. 436. „Голосовыя песни при свадьбах“.

2. ТЕКСТЫ ПЕСЕН О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СОБРАНИЕ АКАД. В. Ф. МИЛЛЕРА.

Архангельская губерния.

85 (1) *).

Ище говорит-то атаман все Сенька Разин-от:
„Ей, мне больше, атаману, по чисту полю не ежживать,
Мня по чистому по полю, по темным лесам.
У мня было на веку-ту все поежжоно.
Ай не год у мня, не два было, не три года,—
Я ведь ездил по чисту полю, темным лесом
Ей тридцеть-то годочков поры-времени.
Как теперь мою дружиночку хороброю...
Изымали их во руки, посадили все,
Посадили их по темну, темну темницю.
Ей за те ли их за крепки за замочки тут,
За тема-ти все за строгима за караулами.
Посьле ихного-то я после бываньиця
Я ведь много-то делал пользи царю белому:
Я ведь много губил да людей добрых-то,
Я тут много убивал тотар поганыи,
Я ведь силы-то неверной бусурманьскою,
Я тут много ведь грабил золотой казны.

Мне-ка больше золотой казны не грабьливать,
Мне-ка больще циста серебра не грабьливать,

Дорогого мне скаценого-то больше жемцюгу.
Во чисто поле поеду ко своим товарышшам,
Посмотрю своих товаришов в белом шатре,

Распрошусь-то я сь има на жисть на вечную".
Из циста поля поехал ко Дунай ко реки;
Приезжает он ко матушки к Дунай реки.

Хороша течет Дунай да речка быстрая,

---

*) Цыфры без скобок обозначает порядковый № песенного текста данной книги, цыфра, заключенная в скобки, обозначает порядковый № добавочных текстов песеи, собранных нами (не вошедших в собр. Миллера).

Речка быстрая течет, очюнь широкая.
Закрычу я у Дуная переводьшика;—
Тут нехто меня ведь все не перевозят тут,
Шьчо тово ли атамана Сеньку Разина.
Говорит он своему-ту он добру коню:
„Ты останьсе-ко, останьсе ты, ты, мой доброй конь,
Ты останьсе-ко, конь мой, в зеленых лугах,
В зеленых лугах останься, в шолковой травы".
Тут поплыл-то реку да Сенька Разин-от,
До полу-реки доплыл да все до камешка,
Все до камешка доплыл до горючого;

Он выходит на горючой на сер камешок,
Написал он камню, шьчо ему ведь надобно,
Шьчо ведь надобно ёму, да про себя пишот,
Он все пишот со слёзами со горючима,
Он своей пишот хороброю дружиночки:
„Уж вы милыи, моя хоробра ты дружиночка.
Токо выпусьтят на волю вас же, добрых молодцов,
Токо будите на волюшки на вольнёю.
Найдите, бывat, вы атамана Сеньку Разина,
Шьчо вы сильнёво могучого богатыря,—
Росьпишу-ту вам, хороброй все дружинушки:
Вы возьмите-тко отсюда тело белоё,—
Вы возьмите-ко миня, всё увезите вы,
Повалите вы меня во матушку в сыру землю,
Положите между трех славных дорожоцёк,
Где с'ежаютьце могуции сильни богатыри,
Во котором они месьти думу думают,
Думу думают они, совет советуют;
Ай ведь тут меня повалите между трех славных дорожоцьки:
Шьчо перьву миня дорожку Питенбурськую.
Межу втору миня дорожку к матушки все камянной Москве,
Ко третьей миня дорожки славной Киевской,
Повалите моё, положьте тело белоё,
Тело белоё моё все богатырьскоё,
Вы кладите мне-ка в матушку в сыру землю.
Вз голову кладите мне чуденот крест,
Вы мне в ноги-ти кладите мой ведь страшон мець,
По праву ту руку мне кладите палицю тяжолую,
Ай к мецю-ту стаёьте моего да всё добра коня,
К левой руценьки кладите вы булатной нож;
Вы закройте моё-то тело белоё,
Навалите-ко плиту да камня серого,
Росьпишите вы слова вси до единого,
Отпишите вы мое имя, фамилию,
Шьчо лежит-то ведь Сенька тут богатырь Разин-от.
А пойдут-то, поедут многи вси люди добрыя,

Бывал, руськии могуции богатыря,
И пойдут-то молодци да красны девушки,
Всё помянут-то моё да тело грешное;
Как цюдну-ту кресту они помолятце,
Они страшного меця все приужахнутце".
Тут ведь выпустили всю дружиночку-ту скоро храбрую;
Тут наехала дружиночка хоробрая,
Отыскали тело бело богатырьскоё,
Повезьли-то тело бело церес три дорожоьки:
Церес Киевску, Москоську, церес Питерьску;
Хоронили-то его, да атаманата, богатыря,
Шьчо того-то ведь Сеньку его Разина.
Ище в голову-ту славили чуденот крес,
Ко ногам они положили страшон-от мець,
К правой руценьки положили да саблю вострую,
К левой руценьки положили его булатный нож,
Добра коня они поставили к его страшну мецю,
Накрывали-то плиту все камня серого,
На плиты всё росьписали, как и он велел:
Отьписали-то Сеньку все богатыря,
Шьчо того-ли богатыря могуцего,
Могуцего богатыря Сеньку Разина.

Записано от Аграфены Матвеевны Крюковой из села Нижняя Зимняя Злотица, (восточный берег Белого моря). Напечатано в Сб. Маркова—Беломорские Былины—№ 59.

---

86 (2).

Леса ли вы, лесочки, леса темные.
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые.
Ах станы ли вы, станочки, станы теплые.
Еще все то вы, кусточки, уж повызжены,
Еще все наши станочки пораззорены,
Еще все наши товарищи переиманы:
Как и первой-то товарищ в граде Киеве;
А второй-то наш товарищ в каменной Москве;
Как и третий-то товарищ в славном Питере;
Я остался добрый молодец в темных лесах.
Закружилася моя головушка, закружилася.
Как увидел я, добрый молодец, перевощиков.
Перевезите меня, братцы, вы на ту сторону,
За перевоз-то я награжу золотым кольцом.

Переехал я, добрый молодец, на ту сторону,
На ту сторону на далекую, сам кончаться стал.
Вы положьте меня, братцы, между трех дорог:
Между Киевской, Московской, славной Муромской,
В головушки поставьте животворящий крест,
В руку правую дайте саблю острую;
И пойдет ли иль поедет кто— остановится.
Моему кресту животворному он помолится,
Моего-то коня, моего ворона, испугается,
Моего-то меча, меча острого устрашится он:
Что не тот ли тут похоронен вор-разбойник,
Сын разбойника, сын удалого Стеньки Разина.

Напечатано у Соболевского т. VI № 401, с пометою: Сахаров, кн. III, стр. 226.

Новгородской губ.

87 (3).

Што во нашом-то было во городе
Было во Саратове:
Оцютилсы, тут да проявилсы
Тут незнамой целовек,
Тут-то незнамой, братцы, незнакомой
Со цюжые стороны
Сеньки Разина сыноцек.
На головушке у ево
Цёрная шапонька надета,
Ой што на плецяф у ево—
Цёрной ситцевой кафтанцик
На распашецьку надет,
Во правой-то ли да руке-то
Што парцевой от ли новой кушацёк;
Ён идёт то ли, да идёт-то
Да никому то головы не гнет,
Самому-то ли, братьци, губернатору
Ён целом то ему, да целом не бьет.
Шел-то ли ен, прошел
В тот конець, на краишок,
Во питейность новой кабацек.

Напечатано в Сб. Бр. Б. и Ю. Соколовых № 15, стр. 313.

Вологодской губ.

88 (4).

Как во городе было, во Астрахани,
Очутился, проявился тут незнамый человек. (2)
Он по городу, по Астрахани похаживает; (2)
Во правой руке тросточка камышевая, (2)
Как во тросточке ленточка букетовая; (2)

Он тросточкой подпирается, (2)

Букетовой алой лентой похваляется: (2)
То-то ленточка ала, сударушка дала, (2)
Мне сударушка дала ленту пожаловала. (2)

Как увидел молодца губернатор со крыльца, (2)
Закричал же губернатор громким голосом своим: (2)
—Уж если кто при мне, слуги верные мои,
Вы возьмите, приведите удалова молодца. (2)

Уж как стал же губернатор, стал выспрашивать его:
—Уж ты чей же такой, удалой молодец? (2)
Или нашево городу Астрахани, (2)
Или матушки-Москвы удалой молодец? (2)

— „Я не вашего городу, не Астрахани, (2)

Я не матушки Москвы удалой молодец; (2)

Как заутро мой батюшко к тебе в гости придет;
Ты умей его принять, умей подчивати".

Астраханскому губернатору за досадушку пришло. (2)
—Ах, если кто при мне, слуги верные мои, (2)
Вы возмите, отведите, удалова молодца, (2)
Вы возьмите, отведите ево во темную темницу.

Напечатано: Сб. Народных Песен Вологодской и Олонецкой губерний, собр. Ф. Студитским, стр. 168.

Пермской губ.

89 (5).

Что не ясные соколики слеталися, (2)
Сходилась, собиралась схожа братия, (2)

Схожа братия, ребята все разбойнички. (2)
Они думали-гадали думу крепкую: (2)
„Что кому из нас, ребята, таманом быть“? (2)
— Атаманом быть, ребята, Стеньке Разину,
Есаулом быть, ребята, Ваньке Каину. (2)
Атаман речь говорил, словно в трубу трубил, (2)
Есаул речь говорил, словно зверем выл. (2)

Записано с напевом от Е. Н. Косвицева, слушавшего песню неоднократно в г. Кунгуре, Пермской губернии. Напечатано в Этнографическом Обозрении, 1899, № 4.

Костромской губ.

90 (6).

Посмотрите-ка, ребятушки, на сторонку на свою,
На своей сторонке жарко и тепло.
Во городе было во Астрахани
Проявился разудалый молодец.
Чисто, щепетко по городу погуливает:
На распашечку черный бархатный кафтан,
В белых руках злат персидский кушачек.
Астраханским купцам он не кланиится,
Офицерам господам он челом челом не бьет,
Астраханскому губернатору он под суд ему нейдет.
Как увидел губернатор из косящета окна,
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
— Да вы, слуги мои, слуги, слуги верные мои,
Вы подите приведите, вы удалого молодца“.
Как и взяли молодца во царевом кабаке,
Приводили ж молодца к губернатору на двор,
Становили ж молодца супротив краснова крыльца.
Выходил ли губернатор с губернаторшей своей,
Как и стал губернатор его спрашивати.
—Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда чей такой:
Или с Дону ты казак, или казацкий сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский кулец?
— Не тебе бы, губернатор, меня спрашивати,

Не тебе ли было мне сказывати,
Со реки, реки Камышки, Сеньки Разина я сын.
Мой батюшка хотел в гости побывать,
Хотел в гости побывать, ты умей его принять,
Ты умей его принять, умей подчивати;
Если умеешь ты принять—кунью шубу подарю,
А не умеешь ты принять—на оброк посажу.
Закричал-ли губернатор громким голосом своим:
— Вы слуги мои, слуги, слуги верные мои,
Вы подите, отведите удалова молодца

В белу каменну тюрьму.
Как и душечка-молодчик он посиживает,
Да частенько в окошко он посматривает,
На реку, реку Камышку он поглядывает.
По реке, реке Камышке суденушко плывет.
— Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы,

Посмотрите-ка, ребята, то мой батюшка идет.
Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои,
Вы не знаете, ребята, про несчатьице мое:
Как и мой дитя Ванюша в белой каменной тюрьме.

Мы до походу дойдем, до походу дойдем,
Белу каменну тюрьму мы по камню разберем,
С самого ли губернатора мы шкуру сдерём.

Записано в Костромской губернии, без указания от кого. Напечатано в 7 вып. Песен Киреевского, стр. 34—40.

Енисейской губ.

91 (7).

Как у нас в городе—
Во Астрахани.
Неоткудова взялся детина—
Добрый молодец.
Добро-шопорно по Астрахани
Погуливаёт.
Он ни князьям офисэрам
Не кляняетца—парень гулят;
Самому-то губернахтору—
Целом ёму не бьет.
Выходил наш губернахтор
На прекрасное крыльцо,
Выходил наш губернахтор—
Сам выспрашивал:
„Ты откедова, детина,
Где-ка родина твоя?“
— Я из дому, я из Дону,
Я из Матушки Москвы.

Я ни вас пришел смотреть,
И не хозяюшку твою,
Я пришел посмотреть—
Дочь Настасьюшку твою:
Не отдашь ее—возьму,
И отдашь ее—возьму,
За белы руки возьму,
Во Божью церкофь поведу.
Из Божой церькви пойду—
Да к губернахтору зайду.—

Напечатано в „Этнографическом Обозрении", 1915 г. № 1—2, стр. 107—108.

Симбирской губ.

92 (8).

Во славном во городе во Астрахани
Проявился тут детинушка незкомый человек.
Чисто-щепетко по Астрахани похаживает,
На нем черной бархатный кафтанчик,
Зелен сафьян сапожки,

Черна шляпа со репьем и рукавички с серебром.
Он со штатами и с офицерами не кланится,
Астраханскому губернатору под суд нейдет.
Выходил жа губернатор на высок красен крылец,
Воскричал жа губернатор громким голосом своим:
— Есть-ли, братцы, слуги верные при мне,
Вы лодите, приведите удалова молодца.
Взяли, подхватили удалова молодца.
Повели жа молодца к губернаторскому крыльцу.
Ужь и стал жа губернатор крепко спрашивать ево:
— Ты скажи, скажи, молодец, коего роду удалец:

С Москвы ли ты купец, или с Казани удалец,
С тиха ли Дону казак или казачий сынок?
Ответ держит молодец губернатору на крылец:
— Не из Москвы я купец, не из Казани молодец,
Не с тиха Дону казак, ни казачий сынок;
Я со Камы со реки Стеньки Разина сын.
Тут взяли, подхватили удалого молодца,
Посадили молодца ево в темную тюрьму,
Во засаду крепкую.

Только вниз было ужь по матушке по Волге по реке,
Тут плывет—выплывает сверху лодочка на низ.

У лодочки снасточки все шолковые,
Парусы на лодочке коноватны,
Посередь лодки сидит воровской атаман,

По нашестычкам сидят удалые молодцы.
Ужь не гуси гогочут, добры молодцы говорят,

Говорят добры молодцы атаману своему:

— Что же ты, наш батюшка,
не весел сидишь?
— Как то мне, ребятушки, веселому быть?
Сын-ат мой любезнай во засадушке сидит,
Во засадушке сидит, он во темной во тюрьме.

Вы гребите, добры молодцы, из рук весел не пущай.
Мы Саратов городочек по утру мы прогребем,
В Астраханскую губерню ко белу свету поспем,
Чтобы Астраханского губернатора у заутрени застать
И с живого кожу снять.

Записано А. М. Языковым в селе Станишном, Симбирской губ., напечатано в 7 вып. Песен Киреевского, стр. 34—40.

93 (9).

Во славном было во городе во Астрахане,
Проявился тут детинушка незнамый человек.
Больно щепотко по Астрахани погуливает.
В бархатном кафтанчике на распасочку,
А шелкову свою поясочку во правой руке несет,
Черна шляпа с прозументом на русых его кудрях,
Касандревска рубашечка — косой был вороток,
Во правой руке тросточка камышевая;
Он и тросточкой, разудаленький, подпирается—идет,
Никому он добрый молодец не кланется,
Он ни шефам, ни майорам под суд нейдет,
Астраханскому губернатору челом не бьет.
Увидал его губернатор из косящетого окна,
Закричал он, губернатор, своим верным слугам:
„Подите, приведите, его удалова молодца,
Постановьте удалова у паратного крыльца.
Стал его губернатор крепко спрашивати:
—Ты скажи, скажи, детинушка, незнамый человек,
Ты незнамый, незнакомый, неведомо какой:
Ты не царь ли, не царевич ли, не царской ли сынок,
Ты не с Дону ли казаченька, не казачий ли сынок?
—Я со матушки Волги Сеньки Разина сынок;
Хотел мой батюшка к тебе в гости побывать;
Еще чем ты моего батюшку будешь подчивати?
—Есть у нас пироги в Туле печены.
А есть сухари—в Петербурге крошены,
В Петербурге крошены, в Москве высушены,
Есть легкая похлебочка—у солдата на бедре.
Редко им падают, низко кланяются,
Из ружей палят—много силушки валят.

Записано в Сызрани А. М. Языковым; напечатано в Песнях Киреевского, вы. 7, стр. 34—38.

94 (10).

Как во славном было городе во Астрахане
Появился тут детинушка незнамый человек.
Идет городом детинушка—не кланятся ни кем,
Он ни с князем, ни с боярином челом, братцы, не бьет,
К Астраханскому губернатору под суд, братцы, нейдет.
Увидал же губернатор из высока терема,
Из косящета окна, скрозь французского стекла;
Посылал же губернатор своих верных слугов:
—Вы подите, приведите-ка ко мне.
Выходили же слуги верные его:
—Пойдем, добрый молодец, к губернатору во двор.
Подходил же добрый молодец, к ко высокому крыльцу.
Выходил же губернатор на высок красен крылец.
—Чей такой, детинушка, незнамый человек,
Чьего дома, чьего рода, как по имени назвать?
—Ужь я города Камышенки Степана Разина Сынок,
А заутро мой батюшка к губернатору в гости придет,
Мой батюшка по прозванию Степан Разин Тимофеев.

Записано в Сызрани А. М. Языковым; напеч. в 7 вып. Песен Киреевского, стр. 34—38.

---

95 (11).

Как во городе Астрахани
Превявился тут детинушка незнамый человек.
Чисто щепетко во Астрчхани похаживает,
Смур кафтанчик, черной запанчик на распаску, гуляет,
Плат персидский кушачек во правой руке несет,
Черну шляпу с прозументами на русых кудрях,
Вострой сабелькой булатной подпирается—идет.
Никому этот детинушка не кланется,
Ни штабам, ни офицерам челом не бьет,
К Астраханскому губернатору под суд нейдет.
Увидал же его губернатор из высокого окна,
Закричал он, губернатор, своим голосом:
—Ох гой еси, ребята, мои верные слуги!
Вы подите, приведите удалого молодца.
Они взяли, подхватили на высокой горе,
На высокой на горе во царевом кабаке,
Проводили же детинушку к губернатору на двор.
Выходил же губернатор на высокое крыльцо,
И стал же губернатор детинушку выспрашивати:
—Ты скажи, скажи, детинушка, незнамый человек,
Али Питерский, Казанский или Астраханский?
—Я не Питерский, не Казанский и не Астраханский;

Я со матушки реки Камы Сеньки Разина сынок.
Уж как ты, губернатор, меня смел спрашивати.
Заутро мой батюшка к тебе в гости будет.
Поутру-то раным ранехонько сверху лодочка бежит,
На той ли же на лодочке немного людей,—
На счет полтораста человек.
—Приворачивайте-ка, ребята, к городу Астрахани,
Приколочки ударим пихотовые,
Причалим мы лодочку причалами шелковыми.
Мы остроги и тюрьмы все по камню разберем,
С Астраханского губернатора с живова кожу сдерем.

Записано в Сызрани А. М. Языковым; напечатано в 7 вып. Песен Киреевского, стр. 34—40.

96 (12).

Как во славном было городе во Астрахани
Шел—прошел детинко незнамый кто такой.
На нем бархатный кафтанчик,
Персидский кушачек,
Во правой руке несет,
Белые чулочки, сафьяные башмачки;
Он идет улицей, не торопится,
Увидал же молодца губернатор из окна.
„Пошлите молодца".
— Ты скажи-ко молодец,
Чьего роду ты, сынок:
Или царский, или барский,
Иль купеческий сынок?
—Я и не царский, я и не барский,
Я и не купеческий сынок.
Ты изволил знать Стеньку Разина:
— Я его сынок.
Осердился-ж губернатор
На такого молодца,
Отсылает Стеньку Разина
Прочь от себя.

Записано в Симбирске Д. А. Валуевым. Напечатано в 7 вып. песен Киреевского, стр. 34—39.

97 (13.)

Во славном во городе во Астрахани
Проявился тут детинушка незнамый человек,
Он по городу по Астрахани погуливает.
Он и штапам-офицерам мало кланяется,
Астраханскому губернатору челом не бьет.
Гризетовый балахон на распашечку на нем,
Черной шляпою пуховой он помахивает,
Как увидел—усмотрел губернатор молодца,
Губернатор молодца с круглого красного крыльца.

„Ах ты чей такой детинушка,
незнамый человек;
Ты Казанский или Московский,
или Астраханский?
—Я со матушки со Камы Стеньки Разина сынок;
Заутра мой батюшка и сам в гости прийдет".

Напечатано в 7 вып. песен Киреевского, стр. 34—38.

98 (14).

Идет городом детинушка, не кланяется не с кем,
Не офицерам-гарнадерам, ни челом шельма не бьет.
Увидал же усмотрил губернатор из окна
Сквозь московского стекла.
Ищё стал же губернатор выспрашивати:
Ище што это такое...[1])
Посадили детинушку в белу каменну тюрьму.
В тюремушке детинушка похаживает,
Из окошечка на улицу поглядывает,
С своём вороном конем разговариваёт:
—Ищо што это по Воложке за лоточка плывет,
Не мово-ли тятеньку господь несет.
Мой тятенька придет всее тюрьму разберет,
По камешку разберет и нас с собой возьмет
Ежели хочет с нами знатца, садись в лоточку со мной,
А не хочет с нами знатца, иди бережком домой.

Напечатана в Материалах и исследованиях изв. этнографической Комиссии т. I, стр. 457, № 6. Записано в д. Новая Слобода, Сенгелеевск. у. Симбирск. губ.

Саратовской губ.

99 (15).

Что и во городе, во Астрахани
Тут чудился-проявился
Во незнамый, братцы, человек (2)
Чисто щепетно
Мальчик по городу разгуливает
Он разгуливает молодец,
А во черной бороде;
На нем кафтанчик на распашечку
На распашечку мальчик идет (2)
Хирсовый кушачек на его на правых плечах;
Белевые чулочки на его резвых ногах;
Сафьян-сапожки на его на белых чулках;
На нем черная шляпа
Только с пазументом
На его русых на кудрях.
Он ни князем, ни боярам

[1]) Певица выпустила несколько стихов. (Примечание собирателя).

Не кланялся никому,
Астраханским купчикам
Он челом, мальчик, не бьет;
Астраханскому губернатору,
Он под суд к нему, мальчик, нейдет.
Увидал же только губернатор
Детинушку, его из окна;
Только вышел губернатор
На крашеный славный крылец;
Закричал же губернатор
Своим вышним голосом:
—Ой вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы подите приведите
Удалого молодца.
Закидались, заметались
Слуги верные его,
По трактирам, по кабакам,
По питейным домам;
Захватили молодца близ
Царева кабака;
Привели молодца
Губернатору прямо на двор.
Поставили молодца
Подле красного крыльца
И вышел губернатор
На свой славный крылец;
Стал распрашивать губернатор
Детинушку его одного:
—Ты скажи, скажи, детинушка,
Всю правду про себя,
Да чьего рода, из которого города
И сколько тебе лет?
И питерский аль Московский?
Аль асрыханский ты купец?
—Ни питерский, ни московский,
Ни асрыханский я купец,
Ни тебе, губернатор,
Меня спрашивать, молодца;
Я купец, только из огненной реки,
Стеньки Разина я сынок.—
И закричал губернатор
Своим вышним голосом:
—Слуги верные мои!
Эк вы подите, его отведите
В новокаменну тюрьму.
—Ах, новокаменна тюрьма,
Синя крепушка моя,
Ах, как откроется весна,
Придет батюшка скосна,
Придет новый батюшка скосна,
Новокаменну тюрьму
По камешкам всю разберет, (2)
Да все невольничек распустит.
Как открылася весна красна
Пришел батюшка воскосна. (2)
Новокаменну мою тюрьму
Все по камешкам разобрал, (2)
Все невольничек распустил.

Напечатано в Саратовском Сборнике. Изд. Сарат. Статистич. Комитета, т. I, отд. II, стр. 14—17.

Доставлена кн. Ф. С. Голицыным со слов 80 летней певицы-мордовки Филипповны из села „Мордовский Карагуж".

---

100 (16).

Учутился, проявился
Незнамой человек.
На нем плису-бархату кафтанчик
На распашку на плечах.
А персицский кушачек
Во правой руке несет.
Бумажные перчатки
На белыих руках.
Черна шляпа с прозументом
На русых его кудрях.
Зелен сафян сапог
Сверх бумажних чулок.
Он и городом идет Москвою,
Не кланится никому;
Ни офицерам, ни майорам
Не здраствует ни одному;

Московскому губернатору
Челом ему не бьет
И под суд к нему нейдет.
Увидал же губернатор
Из высока терема,
Из красного из окна,
Из хрустального стекла.
Закричал же губернатор
Громким голосом своим:
—Есть ли кто при мне,
Слуги верные мои.
Вы подите, приведите
Удалова молодца.
Стал же губернатор
Крепко спрашивать его:
—Ты скажи, скажи, детина,
Чьего роду, чьего племя,
Чьего матери, отца.
Как по имени зовут?
—Мое имячко Василий,
Стеньки Разина сынок.
Испугался губернатор
Не стал больше спрашивать его.

Напечатано в Саратовском Сб., т. II, стр. 369. Саратов. 1882. Сообщил А. Лунин.

№ 101 (17).

Как во славном было городе во Астрахане,
Очутился, проявился тут незнамый человек—
Он незнамый-незнакомый и не ведано отколь.
Чисто щепетко по городу погуливает:
Черный бархатный кафтанчик на могучиих плечах,
Черна шляпа с позументам на его русых кудрях.
С астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет.
Как увидел молодца губернатор со крыльца:
—Ах вы гой еси, солдаты, слуги верные мои.
Вы подите-приведите удалого молодца;
Как мы станем его крепко спрашивати:
„Ты скажи, скажи, детина, чей, откудова незнакомый человек
С Дону ли ты казак, или казачий сын,
Или с матушки-Москвы разудамый молодец.
—Я не с Дону казак, не казачий сын,
Я не с матушки Москвы, не разудалый молодец,
Я из Астрахани Стеньки Разина сын;
Ты изволь-ко его встречать, изволь подчивати!
Ужь как вниз-то было по Каме по реке,
Как плыла тут—выплывала легка лодочка косна,
Как во лодочке во той немало людей
И немало - немного—пятьдесят человек;
Середи лодочки косной сидит наш воровской атаман;
Он повесил головушку на правую сторонушку,
Он поступил очи ясные во мать во сыру землю.
Как не серые (гуси) привозгакнули,
Как возговорят—промолвят добры молодцы ему:
—Ты не плачь—не тужи, наш воровской атаман.
—Ничево вы-то, братцы, на знаете, не ведаете:

Как мой-ат сын во поимине (поиманьи) сидит—
Он во славном городе во Астрахане.
—Ты не плачь, не тужи, наш казачий атаман!
Уж мы сына твоего мы выручим,
Астраханского губернатора мы выучим:
Да где мы его найдем—тут в огне сожжем.

Записано в Саратовской губернии в селе Даниловке, Петровского уезда С. П. Шевыревым. Напечатано в 7-м вып. песен Киреевского, стр. 34—40.

102 (18).

Учинился проявился
Незнамый человек.
На нем плису-бархату кафтанчик
На распашечку на плечах.
А персидский кушачек
В правой ручке несет.
Бумажны перчатки
На белых руках.
Черна шляпа с позументом
На русых кудрях
Зелен сафьян сапог
Поверх бумажных чулок.
Он и городом идет
Городом Москвой,
Не кланяется никому,
Не здоровуется,
Московскому воеводе
Он челом не бьет
И под суд к нему нейдет.
Увидал же воевода
Из высокаго терема,
Из красного из окна,
Из хрустальнаго стекла.
Закричал тут воевода
Громким голосом своим:
— Есть ли кто при мне,
Слуги верные мои?
Вы придите, призовите
Удалого молодца.
Стал же воевода
Крепко спрашивать его:
— Ты скажи, скажи, детина,
Чьего ты роду, чьего племени?
Чьего матери-отца?
Как по имени зовут!
— Мое имечко - Василий
Стеньки Разина сынок.
Испугался воевода
Не стал спрашивать его.—
Не стал спрашивать его
Велел с честью проводить.

Сообщено Б. В. Зайковским, действительным членом Н.-В. Обл. Н. Об-ва Краеведения.

103 (19).

Воскричал атаман казачий
Подрушным своим:
— Вы сходитесь, казаченьки,
Во единый ко мне круг,
Во единый ко мне круг,
На зеленый травки луг.
Вы думайте думушку
Заедино все.

Пришла к нам с Москвы
На тихой на Дон,
На тихой на Дон пришла
Нерадошна грамотка,
За грамоткой пришол
Такой же указ—
За той ли за правой
За ручушкой за царскою;
За той ли за печатью
За печатью сургучевою.

Как нам будет взять
Стеньку Разина!

Бывало жил Степанушка
На тихом Дону,
А ныне Степанушка
На синем мори,
Разбивает Степанушка
Бусы корабли латинские,
Латынские, армянские,
Армянские, басурманские
А государевы кораблики
Он пропускивает.
— Давайте-ка сольем Степанушке
Чуден золот крест. (2)
От крестнаго батюшки (2)
Пошлем благословеньице,
Пошлем его на сине море:
— Вот тебе, Степанушка,
Чуден золот крест
От крестного батюшки
Благословеньице тебе
Царя Белого.

Напечатано в Саратовском Сб. Изд. Сарат. статистич. комитета т. II., Саратов. 1882.

Астраханской губ.

104 (20).

Как во городе было во Астрахани,
Проявился тут детинушка незнамой человек.
Чисто-щепетко по городу похаживает
Зелен-сафьян сапожки на его резвых ногах,
Черный бархатный кафтанчик на распашечку,
Черна шляпа с позументом на его черных кудрях.
Он почету не давал астраханским купцам,
Асграханскому губернатору не кланялся;
К астраханскому губернатору на суд не шел.
Как уведел губернатор из своего светла окна,
Как возговорит губернатор таковые словеса:
— А и есть ли у меня, слуги верны про меня,
Так подите, приведите удалова молодца.
А и взяли молодца из царева кабака.
Приводили удалова к губернатору на двор:
Его стал губернатор крепко спрашивати:
—Ты скажи, скажи, детинушка, незнамой человек,
Ты с которой стороны, из которых городов?
Аль Московский, аль Казанский, али наш ты Астраханский.
Аль ты с Дону казак, аль казачий ты сын?
Как держал ответ молодчик губернатору самому:
— Не Московский, не Казанский и не ваш я Астраханский,
И не со Дону я казак, не казачий я сын,
А я сосланный со Камы со реки,
Со Камы со реки Стеньки Разина сынок.
А на утро мой батюшка будет в гости к тебе;
Ты умей его встречать, умей подчивати.
Как на то ли губернатор да рассердился:

— Отведите, посадите удалова молодца,
Удалова молодца в белокаменну тюрьму.
Как по Волге, по Волге реке,
Как плывет, выплывает, легка лодочка косна;
На косной-то гребцов шестьдесят пять молодцов,
У ней главной атаман-то, Стенька Разин сам.
Как возговорит Сенюшка таковые словеса:
— А и тошно мне, братцы, вам тошно сказать,
Мне больно не мочно, подайти воды;
Мне подайте воды, со Волги реки,
Со Волги реки, со правой стороны.
Ах верно мой сыночек, пойман сидит;
Пойман сидит, да печалуется,
Губернатор-то над ним насмехается!
А и гряньте, удалые, к Астрахани.
А мы в Астрахань придем, и мы крепость разобьем,
Удалых молодчиков повыпустим,
А любезного сыночка мы выручим.

Записано в Астрахани со слов певицы. Напеч. в „Морском Сборнике". 1854, № 6, стр. 116.

Московской губ.

105 (21).

Как во матушке во Астрахани
Очитился, проявился тут всем незнамый человек,
Незнамый, незнакомый, он незнамо чей.
Баско-щепетко по городу погуливает,
Астраханским обывателям не кланяется,
Астраханскому губернатору челом не бьет.
— Как случилосся мне ли молодцу
Вдоль по городу пройти;
Вдоль по городу прошел,
Во царев кабак зашел;
Увидал же меня молодца губернатор из окна,
Закричал же губернатор громким голосом своим:
— Уже есть ли кто при мне,
Слуги верные мои.
Вы подите, приведите удалого молодца
Из царева кабака.
Уж как взяли, подхватили
К губернатору на двор,
Становили молодца против красного крыльца.
Выходил же губернатор на новый красен крылец.
— Ты скажи, скажи, детина, всем незнамый человек!
Чьего роду, чьего дому,
Как по имени назвать?
— Я не с Дону казак,
Не казачий я сынок,
Я со матушки со Камы Сеньки Разина сын.
— Отведите молодца
В нову каменну тюрьму.
Тут сказал ему Иван:
— Погляди ко, губернатор.
Вниз по Волге по реке

Косна лодочка плывет,
В этой лодочке косной
Двести двадцать сидит человек,
Посредине лодки косной
Сидит батюшка родной Семен Федорович.
Как сказал же Семен
Громким голосом своим:
— Ужь вы грянь-ка, те, ребята,
Вы гряньте молодцы!
Под Астрахань подгребем,
Всю Астрахань разобьем,
Астраханские тюрьмы
По кирпичику разберем,
Своего сынка Ивнушку повыручим
Астраханского губернатора повыучим,

Записано в с. Коломенском, Московской губ. и уезда, без указания кем записано. Напеч. в 7 вып. п. Киреевского, стр. 34—40.

---

106 (22).

Как во славной во деревне в Коломенском селе
Проявился добрый молодец, удалый молодец.
И он ходит, больно щепетко похаживает.
Черна шляпа пуховая на русых его кудрях,
Черны бархатны сапожки на босую его ногу.
Как увидел молодца воевода из окна,
Закричал он больно шибко громким голосом своим:
— Ужь вы слуги, мои слуги, слуги верные мои,
Вы подите, приведите удалова молодца!
Вот приводят молодца на парадное крыльцо,
На парадное крыльцо к воеводе на лицо;
Ужь и стал его воевода, стал выспрашивати:
— Ты не с Дону ли козак, иль не с Польши ли Поляк
Иль со матушки Москвы ты купеческий сынок?
— И не с Дону я козак, и не с Польши я Поляк,
Я не с матушки Москвы, не купеческий сынок;
А я с матушки Алканки Стеньки Разина сынок.
Тут велел его губернатор во тюрьму посадить.
— Ты послушай, губернатор, что я буду тебе говорить:
„Ужь как завтра на рассвете родный батюшка придет;
Ты умей его принять, умей подчивати,
То я крепкую твою тюрьму по кирпичику размечу,
А младу твою жену на воротах расстрелю,
А тебя я воеводу на Алканку уведу.

Записано в с. Коломенском, Моск. губ. и уезда, напечатано в 7 вып. песен Киреевского, стр. 34—38.

Тульской губ.

107 (23).

Как у нашем славном городе
в Астрахани,
Проявился там детинушка
незнамый челсвек.
В черном бархатном кафтане на
опашку в нем,
Тонкой шелковый кушачек во
руках несет;
Он по городу, детинушка погу-
ливает,
Он и штабам, офицерам не кла-
няется,
Генералам и фельдмаршалам че-
лом не бьет.
Как подходит детинушка к вое-
водскому двору;
Как увидел детину воевода из
окна,
Закричал воевода громким голо-
сом своим:
— „Ужь вы, слуги мои верные,
солдатушки военные.
Вы подите, приведите разудало-
ва молодца".
Как приходит детинушка к вое-
воде налицо;
Тут стал воевода у него спра-
шивать:
— Ты скажи, скажи, детинушка,
незнамый человек,
Чьего дому, чьего роду, как по
имени зовут?
Или с Дону казак, или казачий
сын?
Ответ держал детинушка—нез-
намый человек:
— Я не с Дону казак и не ка-
зачий сын,
И не из матушки вашей камен-
ной Москвы разудалый молодец;
По Камышенке-реке красна ло-
дочка плывет,
На этой на лодочке пятьсот
гребцов,
Пятьсот гребцов, все удалых
молодцов—
Надо всеми то я атаманщик
был.

Записано в Тульск. губ. Черенского уезда. Напеч. в 7 вып. пес. Кир., стр. 34—38, без указания кем записана.

Орловской губ.

108 (24).

Во славныем было городе во
Астрахане
Проявился детинушка неведомо
какой.
Шибко, щепегко по Астрахани
погуливает,
Астраханским обывателям не
кланяется...
Самому губернатору челом не
бьет.
В однем ситцевом халате не
распашечку.
Еще стал его губернатор спра-
шивати:
„Ты скажи, скажи, детинушка,
неведомо какой,
Чьего роду, чьего дому, чьего
матери-отца?"

Записано в Орле, без указания кем. Напеч. в 7 вып. песен Киреевского, стр. 34—37.

109 (25).

Во славном во городе во Астрахани
Проявился детинушка незнакомый человек.
Чисто, щепетко по Астрахани погуливает,
Ни с кем-то он детинушка не кланяется,
Ни штабам, ни офицерам челом не бьет.
Астраханскому губернатору под суд нейдет.
Увидал губернатор из окна молодца,
Закричал губернатор громким голосом своим:
„Есть ли кто в передней, слуги верные мои!
Вы подите, приведите удалова молодца,
Не честью, не лестью, за русы кудри его".
Привели-же молодчика к губернатору.
Стал губернатор его спрашивати:
— Ты скажи, скажи, детинушка, незнакомый человек,
Которого ты города урожденьице?
Казанского, или Рязанского, или Астраханского?
— Я из города из Камышенки Стеньки Разина сынок;
Заутра мой батюшка будет в гости к вам:
— Вы умейте его принять, умейте его уподчивать.
— Готов давно десерт во всем городе ему!

Записано в Орле, без указания кем и когда. Напеч. в 7 вып' песен Киреевского, стр. 34—39.

Тамбовской губ.

110 (25)

Как во славном городе, во Астрахани
Очутился, проявился незнакомый человек;
Он и щепетко по городу похаживает,
На нем бархатный кафтанчик на распашечку,
Черна шляпа пуховая с прозументами.
С астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет,
А водит он за собою голь кабацкую.
Как завидел губернатор из косящата окна,
Воскричал же губернатор слугам верным своим:
— „Вы подите, приведите удалова молодца!"
Как искали добра молодца по Астрахани,
По трактирам, кабакам, по питейным домам,
Нашли, нашли молодца во царевом кабаке,
Во царевом кабаке, —зеленое вино пьет;
Как и взяли, подхватили под белые рученьки,
Приводили молодца к губернатору на двор.
Воскричал же губернатор со высокого крыльца:

„Ты скажи, скажи, детина,
незнакомый человек;
Ты ли княжеский, иль барский,
иль купеческий сынок?
Ты с Москвы ли купец, или с
Дону молодец"?
Отвечает тут детина губерна-
тору:
— Я не княжеский, не барский,
не купеческий сынок,
А со матушки со Волги, Стень-
ки Разина сын.
Как заутра мой батюша хотел в
гости к тебе быть,
Ты изволь его встречать, изволь
подчивати;
Он и пива не пьет, вина в рот
не берет,
Он гостинчики свои на поклон
тебе несет.
Воскричал же губернатор со вы-
сокого крыльца:
„Вы возмите, отведите в бе-
локаменну тюрьму"!
Как удаленький молодчик да по-
сиживает
И в окошечко на Волгу он пог-
лядывает:
Ужь на Волге на реке забелели-
ся стружки,
Как во лодочке косной Стень-
ка*) Разин сидит сам.
Добры молодцы гребут, сами
песенки поют:
— Ужь мы эту тюрьму по ка-
мушкам разберем,
Всех охотников, невольничков
мы повыпустим"?

Сообщена Аристовым в его сочинении: „Об историческом значении русских разбойничьих песен", „как она распевается в Липецком уезде, Тамбовской губернии в с. Бутырках".

111 (27).

Ты взойди, взойди, солнце крас-
ное!
Над горою, да над высокою. (2)
Над долиною над широкою; (2)
Ты осветь ли нас, красно сол-
нышко! (2)
Мы не воры, не разбойнички:
(2)
Стеньки Разина мы работнички.
(2)
Как мы строили церковь слав-
ную,
Церковь славную, седмиглавную;
(2)
Как на той церкви крест серебр-
яный, (2)
Крест серебряный, позолоченый;
(2)
На кресте сидит мелка пташеч-
ка (2)
Высоко сидит, далеко глядит (2)
Уж как по морю, морю синему
(2)
Там плывут, плывут два кораб-
лика (2)
Два кораблика, третья лодочка...
(2)
Стеньки Разина три помощничка,
В лодке той сидят три молодч-
чика,
Стеньки Разина три работничка.

Напечатано в Сб. песен, собранных О. Х. Агреневой-Славянской. М. 1896 г., стр. 55.

*) Поют вместо Стенька — „Сенька" (примечание Аристова).

Астраханской губ.

112 (28).

Ах туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска ненавистные.
Изсушили туманушки молодцев.
Сокрушили удалых до крайности!
Ты взойди, взойди красно солнышко!
Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой над зеленою,
Над урочищем доброго молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных:
„Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички
Мы веслом махнем—корабль возьмем,
Кистенем махнем—караван собьем,
Мы рукой махнем—девицу возьмем.

Напечатано в „Морском Сб.“, 1851, июнь. Вариант почти тождественный с песнею, помещенной в Сб. № 351.

---

113 (29).

Яик, ты наш Яик ли, сударь Горынович Яик!
Быстрее ты, Яик ли сударь, всех речушек течешь,
Урываючи свои же да круты красные бережка,
Желты пески сыпучие поверх себя несешь!
Сверху тебя, Яика, поверх Горыновича,
Плывут тут выплывают три ветляные стружка.
Един, братцы, стружок да наперед скоро бежит.
Наперед скоро бежит, что ясен сокол летит.
На том же на стружечике золотой бунчук стоит.
Под бунчугом сидел же воровской, братцы, атаман.
По имени—Степан сударь Тимофеев сын.
Прозваньем—вор-собака Стенька Разинов атаман.
Он слово то промолвит, как в трубу, братцы, вострубит:
— Спасибо те, спасибо морю синему всему!
Еще-ж, братцы, спасибо Колыванскому острову.
А—и упито тут было, братцы, зеленаго вина,
Еще-ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
Еще-ж, братцы, уношено цветного платья“.

Напечатано в Сб. великорусских песен Соболевского, т. VI, стр. 6—7 с пометою: из рукописного сборника XVIII в. Публичной Библ. (O. XIV), № 72. Каждый стих повторяется.

Владимирской губ.
114 (30).

В славном городе во Астрахане
Очутился, скажем, проявился
Там незнамый человек,
Чисто, щепетко, скажем, погуливает;
На нем бархатный кафтан на распашку,
На распашку в нем идет,
Свой персицкий кумачек
В правой рученьке несет,
Перчаточки новы с серебром
На ево белых руках,
Чорна шляпа с палюмашем
На ево русых кудрях.
Ох, он штапам-офицерам
Он не кланяется, идет,
Для мелких господ
Пуховой шляпы не мнет,
А самому, скажем, губернатору
И челом ему не бьет.
Губернатор, скажем, господин,
На крылечко выходил,
Закричал, скажем, губернатор
Громким голосом своим:
— Ох, вы слуги, служки верные мои,
Вы подите, служки, приведите
Незнамова молодца.
Его взяли, подхватили
И к допросу повели,
Ох, становили, скажем, молодца
Близь парадного крыльца.
Ох, губернатор, скажем, господин
На крылечко выходил,
Таки речи говорил:
— Чей, откуда, расскажи, мальчишка,
Чей, незнамый молодец.
Ох, не с Москвы ли ты купец,
Не купеческий ли сын.
Аль не с Дону ли казак,
Не казаческой-ли сын?
— А я с Дону не казак,
Не казаческой я сын
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со реки,
Стеньки Разина сынок.
— Вы возьмите только, мои слуги,
В белой каменной острог.
— А ты послушай, скажем, губернатур,
Одно слово мне сказать:
—Будто батюшка мой родной
Заутра хотел быть.
Ты умей-ка его встретить,
Умей подчивать его,
А из комнаты пойдет,
Умей дверь затворить.
Приказал, скажем, губернатор
Вдоль по улице пустить.
Ох, как на утро рано на заре
Легка лодочка плывет,
Как в этой-то во лодочке,
Ровно тридцать молодцев,
Ну, а там в самой середке
Атаман ли их сидит,
Таки речи говорит:
— Вы послушайте, скажем, ребята,
Что я буду говорить:
Ох будто чадо, чадо мое милое
В белой каменной тюрьме.
— Ох, не печалься, наш хозяин-господин;
Ох, белой каменной острог,
По кирпичику разберем,
Астраханскова, скажем, губернатора
Во полон ево возьмем.

Записано с Харькове Манджурою от плотника Владимирской губернии. Напечатано в „Киевской Старине“ 1882, ноябрь, стр. 243—45.

Бессарабской губ.

115 (31).

Був колись на Україні славный козак Гарасим, такий, як Максим Залізняк, або казак Нечай. Як настала недобра година, Гарасима кілька раз сажали за камінні стіні, в тюрму, але славний Гарасим завше пробирав стіні й втікав. Він війська не мав, а як тільки свисне, то набіжить козаків за всіх сторін.

От Гарасим як втік уже може в десятый раз з каторжної тюрмы, зібрав козаків и пішов в Рассею бо Україна за всіх сторін тоді була вже занята, а вперед Гарасим пустив свого сына, щоб роспізнав тіх людей и ту сторону....

Проявився дитинушка, незнакомый чоловік;
Він не заходить по Калугі, по Калуіиським мужикам,
Він почаы дитинушка в кабаку гулять
И про себе пісьню запівать...

Губернатор, узнавши об ему, велів его привести:

— Ех, вы слуги, вы лакеі вірніі мои,
Идіте, приведіте, мужика
З пишного кабака.
Скуль ты, дитинушка, скуль ты родом чоловік.
Чи ты з Дону козак, чи ты козацький сын.
— Я не з Дону козак, я не козацький сын;
Мій батько хоче у вас в гостях бувать,
Знайте-ж, як мого отця приймать.

Разсердився губернатор на вдалого молодця:

— Ех, вы слуги, вы вірніі, возьміте козака.
Засадить его в тюрьму, за каменну стіну.
— Якая ваша тюрма: каменна, чи кирпичная.
Мы вашу тюрму по кирпичику разберем.
И вашего губернатора в полон візьмем.

Герасимів сын, кепкуючи над губернатором, як туйнув его, то всі вікна в губернаторському дворці потріскались. Герасимів сын ишов весело в тюрму, бо

добре знав, що отець его в скорім часі прибуде и висвободить:

Ище не світ, ище не світ
Красну лотушку видать.
Красну лотушку звидав,
Отец до его прибував.

Записано Ганицким в Аккерманском уезде, Бессарабской губернии в 1874 г. от рыбаков. Напечатано в „Киевской Старине", 1882 г. ноябрь, стр. 243—45.

Екатеринославской губ.

116 (32).

Выходила дитина
З-під білого каміня,
Сй як крикне пан губернаторь
На своіх прежних бурлак:
— Вы набийте дитині
На ноги кайдани,
На ноженьки кайданочки,
А на ручки рушнички.
— А чи бачишь, губернаторь,
О той камъяный острог.
Я тобі камъяный острог
По каміньцям рознесу,
Я тобі Дунай-річку
До пісочку переъю.

Записано Черняком около 1876 г. в деревне Ракова Балка в Павлоградском уезде, Екатеринославской губ. со слов хлопца 14 л. Ив Носаченко. Напечатано в Киевской Старине, 1882, ноябрь, стр. 243—45.

3. ВНОВЬ ЗАПИСАННЫЕ НЕИЗДАННЫЕ ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ.

*Астраханской губ. *)*

117 (1).

Не белые лебедушки солеталися,
Не ясные соколики сопархалися,
Сходилися казаки, люди вольные.
Так что думали они, гадали
Думу крепкую:
Что кому из нас добру молодцу
Атаманом быть.
Атаманом быть Ермаку Тимофеевичу.
Есаулом быть его братцу родимому Степанушке.

118 (2).

Вы пески мои, песочки, пески сыпучие,
Пески сыпучие.
Вы яры мои, ярочки, яры глыбкие,
Эх глыбокия.
Вы куста ли мои кусточки, кусты частые,
Вы кусточки мои таловые
Эх-да таловые, ветловыя.
Некуда нам ребятам приклонитца,
приклонитися.
Все ребятушки наши половленые,
Половленые—посажоные,
Как осталось-то нас малым мало,
Атамановы мы помошнички
Стеньки Разина Тимофеевича
Мы, братцы, работнички.

Обе песни записаны А. Н. Лозановой в 1923 году в селении Хохлацкое, близ Астрахани от рыбака-лодочника Василия Семеновича Гулякина 42 л., грамотного.

119 (3).

Как во городе было
Да во Астрахани
Учутился, проявился
Незнамай молодец
Он по городу погуливаит,
Губернатурушке не кланетца,
Солдатушкам-ребятушкам честь не отдает.
Губернатурушка разгневался.
Призыват к себе всех верных слугов,
Велит молодца к ответу вести.
Зачинат он молодчика спрашивати:

*) Цифра без скобок обозначает порядковый № песенного текста данной книги; цифра, заключенная в скобки, обозначает порядковый № вновь записанных **неизданных** песен.

— Чей, откудова, скажись мне, детинушка?
— Эх ты, губернатурушка, дурья голова,
На знашь ты сам с ком речь говоришь.
— Я ведь удалого Стеньки,
Степана Тимофеевича сын.

---

120 (4).

Вниз по матушки, по Волги
Грусьнехонько.

Из-за желтова островочку
Как плывет-бежит лехка лодочка,
На той лодочке косной
Стенюшка Разин сидит
Со своими ребятушками,
Удалыми молодчиками.
— Што-й-то мне, ребятушки,
Тошнехонько,
Што-й-то мне, ребятушки,
Знать то, знать то мой сынок
В-ыстраханскыю крепкый тюрьмы.
Э эх, ребятушки, товарищи мое,
Вы пригряньте, приналягте на веселки,—
Не то быть моему сыночку
Завтра повешену.

Оба песни записаны А. Н. Лозановой в Астрахани от караульщика рыбных промыслов Ивана Алексеевича Парфенова 67 лет, неграмотного.

Саратовекой губ.).*

121 (5).

Прочутилси, проявилси тут незнамой чилавек,
Тут низнамай, незнакомай-я не знаю чей отколь.
Чиста щепотка по городу похаживает,
На бояр-то на господ он челом не бьет,
Астраханскому-то судье губернатору под суд нейдет.
Увидал же таво удальца молодца губернатор из окна.
Нагой топнул, правой рукой хлопнул,
Громким голосом вскричал:
— Вы слуги-ль мое, холопы, слуги верные мае,

---

*) Приводимые ниже варианты записаны участниками летней Этнографической экспедиции 1925 г. под руководством проф. В. В. Буша.

Вы падите, приведите удалова молодца.
Вы поставьте молодца проть паратнова крыльца.
— Ты скажи-ка, молодец, чьево роду, чьево дому, чьево матери-отца.
— Я не царский, я не барский, а Стеньки Разина сынок.
Ты сумей-сумей, губэрнатыр, Стеньку встретить-проводить.
На судни Стенька сидит во свежу воду глядит.
— Поворачивай, ребята, к Астрахане-городу,
Как и я свово сыночка повыручу,
Астраханскова губернатора повыучу.

Записано Т. М. Акимовой в с. Балтай, Вольского уезда, Саратовской губ. летом 1925 г.

---

122 (6).

Учутилси-появилси незнакомый челавек.
Чисто щепетко по гораду похаживал.
На нем серый балахон — нараспашечку хадил.
Черну шлепу на правым ухе несет.
Шалков кушачек во левой руке несет.
На купцов он на бояр не глядел, не смотрел
И ни кланялси ни с кем.
Увидал-жа яво губернатор,
Окном хлопнул, ногой топнул—
Громким голысым засвистал:
— Подите, приведите удалсва молодца,
Поставьте проть крашонова крыльца
И проть белова маво лица.
Ты скажи-ка, скажи-ка,—
Ты чьево городу села, чьево матери-отца?
Иль ты царский, иль боярский, иль купеческий сынок.
— Я со Камы-реки Стеньки Разина сынок.
Сумей, губернатыр, сумей меня встретить и правадить
И сумей меня чаем угостить.

Записано от крестьянина Степана Ив. Курашева 70 л, неграмотного. Т. М. Акимовой летом 1925 г. в с. Садовка, Вольского уезда. Саратовской губ.

---

123 (7).

Прачутилси, праявилси тут незнакомай человек.
Идет городам, базаром, ярманкай,
А ни кланеетца ни с кем, ни с купцами, ни с боярами.
И он челом на них не бьет.
Увидал-жа ево губернатар
Ис косящава окна, скрозь хрустальные стекла.
Он окном хлопнул, правой ногой топнул,
Громким голосом вскричал:

— Вы слуги-ли, слуги верные мое,
Вы подите, приведите удалова молодца.
Вы поставьте удальца-молодца
Спроть крашеныва мово крыльца.
Начинает губернатыр крепка спрашивать ево:
— Ты скажи-ка, молодец-удалец,
Чьево городу села, чьево матери-отца?
— Я ни царский и ни барский и ни купеческой сынок;
Я со Камы со реки,—Стеньки Разина сынок,
Вы сумейти, губернатыр, меня встретить-проводить.
Из-за гор-ти, из-за дол завидились паруса.
Как в этих парусочках две суденычки плывут.
Между этих двух суденычков легка лотычка плывет.
В этай легкай лотычки сам Стенька Разин сидит,
Стенька Разин сидит, во свежу воду глядит.

Записано В. В. Племянниковой в селе Балтай, Вольского уезда, Саратовской губ. от коренного жителя Николая Сладкова 66 лет, полуграмотного

---

124 (8).

Прачутилси, праявилси
Тут незнамый незнакомый человек.
Он по горыду похаживаит.
На нем легынькай балахончик на распашечку,
Разбархатный кушачек во правой руки несет,
Распуховая он шляпу на правым ухе насет,
Идет горыдым, базаром он ни кланитца ни с кем.
На купцов-ти, на господ он челом не бьет.
И к судье ти, губернатыру, он под суд нейдет.
Увидал же ево губернатыр из косящива окна.
Окном хлопнул, правай ногой топнул,
Громким голысым вскричал:
— Вы слуги-ли, мое слуги, слуги верныя.
Вы подити, приведити удалова молодца.
Вы поставьте удалова молодца проть крашеныва крыльца,
Проть крашеныва крыльца, против белова мово лица.
Как судья-ли губернатыр начил спрашивать ево:
— Ты скажи-ка, добрый молодец, чьево роду племени
И чьево матери-отца?
— Я ни царскай и не барскай,
Я со той Оки реки Стеньки Разина сынок.

Записано В. В. Племянниковой в селе Балтай, Вольского уезда, Саратовской губ., летом 1925 г. от местного крестьянина Петра Петровича Алексеева, 60 л.

---

125 (9).

Прачутился, праявился незнакомай челавек.
Он не знамой, незнакомай он не кланился ни с кем.
Он не с барями, ни с господаме,
Только кланялся с одними казаками.
— А сам-та я, казачинька,
Страканскова полку, Казанскова уезду.
Недавна приехал,—опять уезжаю.
Моя-та разлюбезна се плачит, рыдаит.
Се плачит-рыдаит — ночевать уймаит.
— Ночуй, ночуй, казачинька, ночиньку со мною.
Рад бы я ночевать,—боюсь, кабы не проспать.
— Ты не бойся, друк, не ужасайся,—я сама
Встану раньше, разбужу тебя пораньше
И провожу тебя подальше.
— Разбуди меня пораньше, штоб казачиньки зореньку не били.
Молоды гусарики коней бы не седлали,
Коней не седлали, - со двора не съежжали.
Проснулся гусарик,—на дворе то уж бело.
Беленько, беленько —совсем рассветало.
Давно барабанщики зореньку пробили
Давно музыканты в музыку играли,
Молоды солдатики со двора уж уезжают...
— Што ты, моя мила, предо мной сробила
На век меня сгубила.

Записано от Константина Шарова 71 г. В. В. Племянниковой, летом 1925 г. в с. Балтай, Вольского уезда, Саратовской губ.

---

126 (10).

Учутилси у нас проявилси
Тут незнамай у нас чиловек,
Тут незнамай у нас, низнакомай,
Я не знаю, чей, отколь.
Чиста гор да базар ярмынка,
Он ни кланитца ни с кем,
На купцов на господ бояреф
Он чалом на них не бьет.
. . . . . .

Записано летом 1925 г. В. В. Племянниковой в селе Садовке Вольского уезда, Саратовской губернии, от местной жительницы Акупины Утенкиной-Громовой 50 лет,

---

127 (11).

Учутился, проявился
Чей,—незнамый человек.
Он идет улицей—базаром
И не кланится ни с кем.
Астраханский губернатор
Молотчика из акошка увидал.
— Вы слуги ли, слуги верные,
Вы идити-ка скорей,

Вы идите – приведите
Молотчика налицо ко мне.
Вот пошли и привели
Молодчика налицо.
Вот он стал спрашивать ево:
— Чьево ты городу и села,
Чьево рода ты атца?
— Я ни царский, ни буярский —
Я с Дону казачок.
Я с Дону козачек—Стеньки Разина сынок.
— Ты знаешь,—я в тюрьму тея посажу.
А он отвечает: (молодец-то).
— Я тюрьмы твоей ни боюсь,
А по камешку тюрьму разложу.

Записано летом 1925 г. А. И. Храбузовой в с. Большая Гусиха, Вольского уезда, Саратовской губ., от местного жителя Вас. Ив. Курникова 66 л., грамотного.

II.

БИБЛИОГРАФИЯ

УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЕГО. ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ.

1. Библиография текстов песен о Степане Разине.

О. Х. Агренева-Славянская. Сборник песен, исполняемых в народных концертах Д. А Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях О Х. Агреневой-Славянской (с напевами). М. 1896. Стр. 55—песня разинцев.

Арефин. См. Листопадов.

Н. Я. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. „Филологические записки" 1874 г. То же отдельным изданием, Воронеж, 1875. Стр. 45—песня о сынке Разина

В. Варенцов. Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. Спб. 1862. № 5—выборы атамана и путь разинцев. То же перепечатано в Сб. М. № 321*).

Русский Вестник 1859, т. XX, стр. 573—574. Песня о том, как Степан Разин пришел во казачий круг. См. Железнов.

А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Спб. 1900. Т. III, стр. 31—32—Песня о сынке Разина. Стр. 394—395—вариант песни о сынке Разина. Перепеч. в Сб М. №№ 277, 278.

А Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни. М. 1904 Т. I, стр. 305—306.—Смерть Стеньки Разина. То же в Сб. М. № 272.

---

*) Принятое сокращение: сб. М.=В. Ф. Миллер. Историч песни русского нар. XVII—XVII в.в. Сб. Р. Я. и Сл. Ак. Н,, т. XCIII.

А. А. Догадин. Былины и песни астраханских казаков, собранные А. А Догадиным (С напевами). Астрахань. 1911. Вып. I, № 18—Стенька Разин появляется на Дону и гуляет с голью; № 18-б—появление двух братьев (Разиных) на Дону; № 19—песня о сынке Разина; № 20—взятие разинцами Гурьева; № 21—Разин плывет с дружиной по Уралу; № 26—песня разинцев. То же в Сб. М. №№ 328, 332, 333, 330, 329, 331.

Драгоманов. (Псевдоним—Толковников, Т—в). Материалы и заметки об украинской народной словесности. „Киевская Старина" 1882, т. IV, ноябрь. Стр. 243—245—песня о сынке Разина; стр. 245—247—украинская переделка песни о сынке Разине; стр. 247—отрывок украинского варианта песни о сынке.

Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. Изд. 2-е. М. 1818. То же. Изд. 3-е М. 1878. То же. Изд. „Дешевая библиотека" Спб. 1893. То же. Изд Имп. Публ. Библиотеки. Спб. 1901. Под ред. Шеффера. Последн. изд.—стр. 192—песня об убийстве астраханского губернатора Данилы Аслекандровича Репнина. То же, Сб. М. № 298.

П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч 2-ая, стр. 52.—Песня о сыне Разина. То же, Сб. М. № 279.

И. И Железнов. Песни уральских казаков Спб. 1893. Стр. 12—песня о вещем сне атамана; стр. 18—песня о том, как Стенька Разин пришел во казачий круг. То же, Сб. М. № 311, 312.

Его же. Предания и песни уральских казаков. „Русский Вестник" т. XX, стр. 573—4.—Песня о том, как Степан Разин пришел во казачий круг. Перепечатано в „Полном собрании сочинений" И. И. Железнова под ред. Н. А. Бородина. Спб. 1910, т. III. Очерки быта уральских казаков, стр. 36—37. Перепеч. в Сб. М. № 307.

Отечественные Записки 1848, стр. 139—

приход Стеньки Разина во казачий круг. То же в Сб. Н. Г. Мякушкна.

В. М. Зензинов. Русское устье. „Этнографическое Обозрение" 1913, кн. XCVI—XCVII, стр. 215—песня о сынке Разина. То же в Сб. М. № 306. Тоже—„Современные Записки", Париж. 1920, I, Ноябрь, стр. 74—75. *).

Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов. Песни русского народа, собранные в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях в 1893 г. (С напевами). Спб. 1899 Стр. 263, № 52—песня о сынке. То же: Сб. М № 281.

Д. Кашин. Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным. Кн. I и II. М. 1833—1834. Кн. II, стр. 71—Песня об убийстве астраханского губернатора. То же в Сб. М. № 353. То же в 7-м вып. „Песен" П. В. Киреевского стр. 149—150.

П. В. Киреевский. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I—X Под ред. П. А. Бессонова. М. 1862—74, изд. О-вом Любит. Российской Словесности. Изд. 1910 г.: Вып. 6-й стр. 30—песня о выборах атамана. То же в Сб. М. № 315: стр. 32—песня о выборах атамана, То же в „Чтениях О-ва Любит. Ист. и Древн. Росс." 1877, т. III, стр. 44 То же в Сб. М. № 316, стр. 33—35—взятие Разиным Казани. То же в Сб. М. № 314.

Вып. 7-й. Стр. 32—Стенька Разин не идет во казачий круг. То же в Сб М. № 320. Стр. 33—Стенька Разин не идет во казачий круг, а гуляет с голытьбою.—Перепечатка из Новиковского песеника. То же в Сб. М. № 343. Стр. 33—40—песня о сынке Стеньки Разина и наезд последнего на Астрахань То же в Сб. М №№ 345, 344 Стр. 33—40—в подстрочнике семь вариантов песни о сыне Разина Стр. 40—41—все пойманы, кроме атамана. То же: Сб. М № 337. Стр. 41—Разину отрубили голову. Перепечатка из Новиковского песенника. То же в Сб. М. № 339. Стр. 138—139,—

*) Указание на „Совраменные Записки" дано мне проф. К. К. Пиксановым.

выборы атамана. То же в Сб. М. № 347. Стр. 140—141,—разбойничье судно замерзло в островах. То же в Сб. М. № 349 Стр. 141—143.—наезд Разина на Астрахань. То же в Сб. М. № 350 То же у Костомарова: Монографии, т. II, 270—271. Стр. 144—155—измененный вариант песни о сыне Разина: герой пугается угроз астраханского воеводы. То же в „Монографиях" Костомарова изд 1863 г., стр. 299—300. То же в „Донском Сборнике": Часовой. Донской Сборник. Труды любителей донского прошлого и современного быта В. I. Новочеркасск, 1876—8, стр. 51 и сл. Стр. 144. Отрывок—Разин спешит на выручку к сыну. То же в Сб. М. № 348. Стр. 148—перепечатка из старинного песенника Трутовского—наезд Стеньки Разина на Астрахань. То же в Сб. М. № 340. Стр. 149—150—убийство астраханского губернатора. То же—с напевом у Кашина. II изд. 1834 г. То же в Сб. М. № 353. То же с весьма незначительными изменениями—в сб. Чулкова. Спб. 1913, ч. III, № 54.

Приложение к 7-му вып. песен П. В. Киреевского. Стр. 157—песня разинцев. То же в сб. М.№ 351.

Приложения к 8-му вып. песен П. В. Киреевского. Стр. 315—песня дружины Разина. То же в Сб. песен Чулкова изд. Спб. 1913, т. I, ч. III № 65. То же у Соболевского. Великорусские народные песни. Спб. 1900, т. VI, стр. 310—311, № 400. Стр. 317—318—песня о сыне Разина. То же в Сб. М. № 346.

Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования. Спб 1863 г., т. II. Бунт Стеньки Разина.

Песни: Стр. 241—Ст. Разин не идет во казачий круг; стр. 245—убийство австраханского воеводы; 260—Сокол-Корабль; 261—выборы атамана; стр. 271—наезд Ст. Разина на Астрахань; 291—292, 299—300—песня о сынке; 336—337—песня разинцев; 365 просьба похоронить между трех дорог; 369—смерть Разина.

*) Листопадов и Арефин. Песни донских ка-

*) Издания, отмеченные звездочкою сообщены мне проф. Н. К. Пиксановым.

заков, собранные в 1902—1903 г. Листопадовым и Арефиным. Вып. I Стр. 39—песня разинцев.

Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин. Сборник русских народных песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина М. 1889, № 56. Стр. 154—155 - песня разинцев.

С. М. Ляпунов. См. Истомин.

А. Марков. Беломорские былины, записанные Марковым с предисловием проф. В. Ф. Миллера М 190', № 59—похороны Разина.

А. Л. Маслов. Песни с Поволжья (Саратовской, Симбирской Самарской губерний), записанные летом 1901 г. А. Л. Масловым Труды Музыкальной Этнографической Комиссии, том I. № 6, стр. 457—песня о сыне Разина. (С напевом).

В. Ф. Миллер, акад. Исторические песни русского народа XVI и XVII вв. Сборн. Отд. Русск. Языка и Словесности Академии Наук. Т. XCIII. Петроград. 1915. Стр. 685—777. 84 варианта различных песен о Степане Разине.

Его-же. Исторические песни из Сибири. Спб. 1901. Стр. 37—39. То же в вышеуказанном Сб. М. № 299.

А. И. Мякутин. Песни оренбургских казаков, собранные А. И. Мякутиным т. I. Стр. 13—14—Стенька Разин не идет во казачий круг. То же в Сб. М. № 288. Стр. 14 — Стенька Разин не идет во казачий круг. То же в Сб. М. № 289. Стр 15—16—песня о сыне Разина. То же в Сб. М. № 295. Стр. 17—песня о сыне Разина. То же в Сб. М. № 294. Стр. 18—отрывок песни о сыне. То же в Сб. М. № 290. Стр. 18—просьба атамана похоронить его между трех дорог. То же в Сб. М. № 291. Стр. 19 песня разинцев. То же в Сб М. № 292.

Н. Г. Мякушин Сборник уральских казачьих песен Н. Мякушина. Спб. 1890 г. № 12—девица на воровском корабле. То же в Сб. М. № 308, № 11—вещий сон атамана. То же в полн. собр. соч. И. И. Железнова т. III стр. 124—125. То же в Сб. М. № 309.

Этнографическое Обозрение 1899, №4—выборы Разина в атаманы. 1913, XCVI—XCVII, стр. 215—песня о сынке Разина. См. Зензинов. 1915 г. № 1—2, стр. 107—108—сын Разина приезжает в Астрахань сватать дочь губернатора.

Н. Е. Ончуков. Печорские былины. Спб. 1904, № 30—песня о сыне Разина. То же в Сб. М. № 276.

Н. Пальчиков. Крестьянские песни села Николаевки Мензелинского уезда Уфимской губернии, записанные Н. Пальчиковым. М. 1896, № 41—Стенька Разин подплывает к Астрахани. То же Сб. М. № 296. № 42—песня о сыне Разина. То же в Сб М. № 297.

Прокунин. См. Лопатин.

* Песни о Стеньке. Разине и его краткое жизнеописание. Изд. Красн Новь. Главполитпросвет М 1923. 40 стр.

П. Н. Рыбников. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. под ред. А. Е. Грузинского М. 1909. Т. I, № 350—песня о сыне Разина То же в Сб. М. № 280. Т II. М. 1910, № 221—песня о смерти Разина. То же в Сб. М. № 282.

Морской сборник. 1854, № 6, стр. 112.—Казнь Ст. Разина; песня разинцев. Стр. 113—Ст. Разин приглашает голь кабацкую в поход. Стр. 116—118—песня о сынке Разина.

Саратовский Сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Изд. Саратовского статистического Комитета. Саратов 1881, т. I, отд II, стр 14—17—песня о сыне Разина; стр. 17—19—два отрывка песен о Разине, найденные в черновых набросках А. С. Пушкина. Т II, Саратов, 1882—стр. 369—372—две песни о Разине: 1) песня о сыне, 2) приказ царя Белого взять Разина, царь посылает Разину крест.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIX, отд. II. Стр. 59—Отрывок песни о сыне Разина. То же в Сб. М. № 303.

Славянская О. Х. См. Агренева-Славянская Агренев-Славянский.

Смоленский Этнографический Сборник. Ч. IV, стр. 615—песня войска, посланного следить за Разиным. То же в Сб. Миллера № 338

А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. Спб. 1900, т. VI, № 9—Стенька Разин плывет с дружиною по Яику (с пометою: Рукописный Сборник XVIII в. Публ. Библиотеки) № 401—кончина Стеньки Разина (с пометою: Сахаров кн. III, стр. 226). № 429—Стенька Разин собирается ответ держать перед белым царем (с пометою: Донская Область Донские Областные ведомости 1875 г. № 411—казаки покидают добра молодца на круглом острове. То же в Сб. М. № 342. То же в Сб. Чулкова, ч. III. № 78.

Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края, собранные Б. и Ю. Соколовыми. Изд. Отд. Русск. Яз. и Словесности Ак. Н. М. 1915 № 15, стр. 313—отрывок песни о сыне Разина.

М. Е. Соколов. Былины, исторические песни, разбойничьи и воровские Саратовской губернии. Петровск. 1896. № 8, стр. 10—Стенька Разин подплывает к Астрахани, его узнают два офицера. То же в Сб. М. № 326. № 9, стр. 11—песня о сыне Разнна. То же в Сб. М. № 327.

Его же. Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине. Саратов 1902 г. № 6—Стенька Разин подплывает к Астрахани и его узнают. Тоже в Сб. М. № 325. № 8—песня о сыне. То же в Сб. М. № 322. № 12—песня о сыне. То же в Сб. М. № 323. № 13—птица Камская терзает тело Стеньки. То же, в Сб. М. № 324.

Сперанский М. Н. акад. Былины. Изд. Собашниковых. Т. II. Москва 1919. Песни о Ст. Разине: стр. 406, 407.

Живая Старина. 1897, вып. II. Стр. 102, № 2—песня войска, посланного следить за Разиным. То

же в Сб. М. № 300. № 3—песня о сыне Разина. То же в Сб. М. № 301.

Там же. 1907, вып. II. № 23, стр. 38—поединок племянника Стеньки Разина с татарином. То же в Сб. М. № 303. № 22, стр 38—песня о сыне Разина. То же в Сб М. № 302.

Русская Старина. 1877, т. XX. Стр. 366—песня о сыне. То же в Сб. М. № 287. 1878. т, XXII. Стр. 462—463—песня о сыне. То же в Сб. М № 334.

Ф. Студитский. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студитским. Спб 1841. Стр. 168—169, № XLIX—песня о сыне.

Терещенко. Быт русского народа. Спб. 1848 Ч. II Стр. 436—песня о сыне Разина. То же в Сб. М. № 354.

Часовой. Донской Сборник. Труды любителей донского прошлого и современного быта. Вып. I. Новочеркасск. 1876. Стр. 51—песня о сыне Разина. То же, Костомаров, Монографии, т. II, изд 1863 г, стр. 299—300. То же в Сб. М. № 352.

Чтения в имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете 1877, кн. III, стр. 61—62—две песни: 1) Стенька Разин, переодетый купцом, едет к купеческой дочери, 2) песни о сыне Разина. То же в Сб. М. №№ 285, 286. Стр 63—все пойманы, кроме атамана. То же в сб. М. № 318 Стр. 64—65, две песни: 1) Разин раскаивается, что не слушался отца, матери и крестового батюшки, 2) Стеньку Разина поймали, но связать не могли То же в Сб М. №№ 383, 384.

Там же. 1887, кн. III, стр. 63—64 Две песни: 1) вариант все пойманы, кроме атамана 2) Разинцы собираются встречать атамана. То же в Сб М № 304-а, 304-б.

* М. Д. Чулков. Собрание сочинений М. Д. Чулкова. Изд Отд. Русского Языка и Словесности Акад.

Наук Спб. 1913. Т. Собрание разных песен. Ч. I—III. Ч. I, № 134—Казнь Стеньки Разина. То же в 7-м вып. „Песен" П. В. Киреевского, стр 40—41. То же в „Морском Сб." 1854, июнь, стр. 112. То же в Сб. М. № 339, № 137.—Стенька Разин не идет во казачий круг, а приглашает голь кабацкую гулять на сине море. То же в Морском сб. 1854, июнь стр. 113. То же в Сб. М. № 343. Ч. III, 54—убийство астраханского губернатора. То же в 7-м вып. „песен" П. В. Киреевского, стр. 149—150. То же в Сб. М. № 353. № 65—разбойничье судно замерзло в Хвалынском море. То же в 7-м вып. песен Киреевского, стр. 48. То же в Сб. М. № 341. № 78—казаки покидают своего товарища на круглом острове. То же у Соболевского, т. VI № 421. То же в Сб. М № 342. № 93—разинцы плывут на лодке с похищенной девушкой; № 95—Стенька Разин приглашает голытьбу в путь. То же в 7-м вып. песен Киреевского, стр. 140—141. То же в Сб. М. № 349.

И. Худяков. Сборник великорусских народных исторических песен М. 1869. № XXI—песня разинцев; № XXII. Казнь Стеньки Разина.

2. Историко-литературное изучение песен о Степане Разине

Н. Я. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. „Филологические" Записки 1874 г. То же, отдельн. изд. Воронеж. 1875, стр. 39—53.

П. А. Бессонов. Комментирий к песням, собранным П. В. Киреевским. М. 1862—76. Приложения к вып. I, стр. 34; Приложения к вып. VII, стр. 138, 139, 140, 156; Приложения к вып. VIII, стран. 35—38, 314.

Драгоманов. (Псевдоним М. Т-ов, Толковников). Материалы и заметки об украинской народной словесности. „Киевская Старина", 1882, т. IV, ноябрь Стенька Разин—казак Герасим. Стр. 241—249.

Ст. Кале Русские исторические песни XVII века. Воронеж. 1897.

* Т. А. Мартемьянов. Из истории цензуры русской народной песни. „Исторический Вестник", 1904, XI, стр. 689—690.

Маслов. Материалы и исследования по изучению народной песни и музыки. Труды Музыкальной Этнографической Комиссии т. I, гл. XV.

В. Ф. Миллер, акад. Казацкие эпические песни XVI и XVII в.в. „Журн. М. Н. П." 1914 г. № 5—6.

То же. Очерки русской народной словесности т. III. Гиз. Москва—Ленинград 1924 г. Стр. 305—315.

Его-же. Исторические песни из Сибири. „Известия Отделения Русского языка и словесности Ак. Наук", 1904 г., т. IX, книга 1.

А. С. Орлов. Сказочные повести об Азове. „История" 7113 г. Варшава 1906. Стр. 148—158 Ближайший источнпк великорусских казачьих песен о плене девушки и о взятии Азова хитростью.

Н. К. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. „Художественный Фольклор". I. Стр. 54—66. М. 1926. Изд. Гос. Акад. Худ. Наук.

М. Н. Сперанский, акад. Былины. Т. II. М. 1919 Стр. 317—336.

К. С. Шамбиного. Историческая песня. История русской литературы под ред. Е. В Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовского. М 1908. Т. I. вып IV—Y.

М. А. Яковлев Народное песнотворчество об атамане Степане Разине Лнгр. 1924 Изд Сойкина. 167 стр.

3. Легенды и предания о Степане Разине.

Н Я. Аристов. Народные предания о Стеньке Разине. Исторический Вестник, 1880, IX, 5.

И. И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. III. Спб. 1910.

Живая Старина. 1907, вып. II, стр. 40. О Стеньке Разине. Зап. М. Макаренко.

Б. В. Зайковский. Егор Стеньки Разина Изд. Саратовской губернск. Уч. Арх. Комиссии. Саратов, 1908, 10 стр. Тоже в „Трудах Сарат. Уч. Арх. Ком. 1908.

Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского Географич. О-ва. Вып. I—III. Петроград 1914—16 Стр. 65, 1193, 1219.

Г. С. Саварицкий. Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях. Запись С. Г. Саварицкого. „Этнографическое Обозрение", 1915 г. № 3—4.

Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования. Т. II Спб. 1863. Изд. Кожанчикова. Стр. 376—380

А. Н. Лозанова К истории развития народной легенды.—Первоначальные повествования о Степане Разине. Ученые Записки Саратовского Гос. Университета. Педфак. Т. V, вып. 2, 1926 г. стр. 185—189.

А. С. Мадуев. Вновь записанные легенды о Стеньке Разине, носящие на себе следы бродячих мотивов некоторых европейских сказаний. Тверь. 1904 г. (Из Трудов Тверского Областного Археологич. С'езда). стр. 1—12.

А. П. Мельников. Из прошлого Присурского Края. „Действия Нижегородской Уч. Архивн. Комиссии", 1891 г.

А. Н. Минх. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Спб. 1880 г. Записки Русского Географич. О-ва по Отд. Этнографии. Т. XIX, вып. II, стр. 16, 38, 39.

Его же. Историко-географический словарь саратовской губернии. Вып. II, Спб. 1901. Стр. 812.

П. Н. Рыбников. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым М. 1910. Изд. II-е ред А. Е. Грузинского. Т. II, стр. 719.

Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского Края, собранные и записанные Д Н. Садовниковым Спб. 1884. „Записки Русского Геогр. О-ва по д Этнографии", т. XII, стр. 328—348.

Саратовские Губернские Ведомости, 1859, № 3. О Стеньке Разине.

Саратовский Сборник. Материалы для изучения саратовской губернии. Т. II. Саратов, 1882, стр. 360.

Б М. Соколов. Этнографическое изучение Саратовского Края Саратовский Этнографический Сборник. Вып. I Под ред. проф. Б. М. Соколова. Саратов 1922 г. Стр. 12.

Труды Нижне-Волжского Научн. О-ва Краеведения. Этнографический сборник. Саратов. 1926. Стр. 13.

Труды Костромского Научного О-ва по изучению местного края. Вып. XXIX. Кострома. 1923. Стр. 3.

А. А. Шахматов, акад. Мордовский Этнографический Сборник. Спб. 1910 Изд Ак Н. Стр. 73—74.

П. Юдин Еще о разинских кладах. Историч. Вестн. 1897, № 8, стр.—516; № 9, стр 953.

П И. Якушкин. Сочинения. Спб. 1884 г. Стр. 406—413.

4. Библиография исторических материалов и сочинений о Разине и разиновщине.

1. МАТЕРИАЛЫ:

А. Русские.

Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Спб. 1842. Т. IV, стр. 376 и сл.

Дополнения к Актам Историческим Т. VI.

Акты собранные Археографическою Экспедициею, Спб. 1836. Т. IV, № 177, 178, 179, 180, 183, 185, 186.

Собрание Государственных Грамот и Договоров. М. 1828. Ч. IV. № 71, 72, 74, 75, 77.

Донские Дела. Русская Историческая Библиотека. Изд. Археологической Комиссии. Кн. IV. Спб. 1913. Стр. 551—552. Кн. V. Петроград. 1917. Стр 368, 369, 846, 850, 864, 922, 923—926.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Спб. 1830. Т. I, № 480, 491, 503, 504, 560.

Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Изд. Де-Пуле. Кн I. Воронеж. 1861. Орловские Акты. Отд. I. Стр. 18, 20—25, 50.

А. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М. 1857.

*) Грамота 1672. Царя Алексея Михайловича Муромлянам о Стеньке Разине. Сообщ. П Добрынин. Владимирские Губернские Ведомости 1876, № 22. Часть неофициальная, стр. 2—3.

*) Письмо Стеньки Разина к казанским татарам. „Изв. О-ва Археологии, Истории и Этнографии", т. VIII, вып. 3, стр. 44—45.

*) Письма 1671 г. о Стеньке Разине. Сообщ. А. Лебедев. „Ярославские Губ. Ведомости", 1872, № 38, часть неофициальная. Три письма московского стряпчего Акинфия Горяинова к брату его, настоятелю Толгского монастыря Савватию Горяинову.

О Стеньке Разине. Отрывок из хронографа, сообщенный К. И. Авериным. Москвитянин, 1841, ч. IV, № 7, стр. 165—170.

Рукопись Петра Золотарева. Астраханский Сборник, издаваемый О-вом исследователей Астраханского Края. Астрахань. 1896, вып. I, стр. 145—166.

Т о ж е. Первоначально было напечатано в газете „Волга", 1864 г. №№ 28, 30, 34, 40.

Н о в ы е м а т е р и а л ы о движении Степана Разина. Сообщ. Б Д. Греков. Летопись Занятий Постоянной Ист.-Археогр. Ком. I (XXXIV). Ленингр. 1927.

В. Материалы иностранные:

A R e l a t i o n concerning the particulars of the rebellion, lately raised in Muscovy by Stenko Rasin: its Rise, Progress and stop; together with the manner of taking that Rebel, the sentence of Death passed upon him and the Execution of the same Published by Authority. In the Savoy Printed by Tho. Newcomb. 1672 4^0 *). Переводы этого сочинения на французский яз.:—Relation des particularitez de la rebellion de Stenko Razin contre le grand duc de Moscovie. La naissance, le Progres et la fin de cette Rebellion; avec la manière, dont fut pris ce Rebelle, sa sentence de Mort et son Execution. Traduit de l' Anglois par C. Desmares. Paris. MDCLXXII 8^0. 76 стр. Перепечатка его: Archives des voyages ou collection d' anciennes relations inédites ou très rares, de lettres, mémoires, itinéraires, etc... par Ternaux—Compans. Paris—Leipsick. Tome II, page 154—176. Перепечатка отдельною брошюрою: Relation etc.... précedée d'une introduction et d' une glossaire. Par le prince Aug. Golitzin. Paris. 1856.

Известие, касающееся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии (Muscovy) Стенькою Разиным. Перевел с английского Алексей С т а н к е в и ч. „Чтения в О-ве Истории и Древностей Российских при Московском Университете", 1895, кн. III. М 1895 (Материалы Иностранные, стр. 1—22).

K u r t z e d o c h w a h r h a f t i g e E r z e l u n g von

*) Б. Д. Грековым указан еще голландский перевод приговора от 1671 г. и немецкий от 1738 г. См. новые мат. о движ. Ст. Разина. Лгр. 1927.

der blutigen Rebellion in der Moscou angerichtet durch den grossen Verraether und Retriger Stenka Razin. Emden. 1671.

Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексевичу. Перевод Ловягина. Изд. Археографической Комиссии. П. 1900. Стр. 446—457 и 514.

Joh. Janfz. Straussens sehr schwere wiedeswertige und denckwuerdige Reysen durch Italien, Griechenland, Moscau, Tartarey, Meden, Persien, Tuerkey, Ost—Indien, Japan und unterschiedliche andere Länder. Amsterdam. Anno—1678. О Разине: Dritte Reise. XIII, XIV, XV.

Французский перевод: Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse aux et en plusieure autres pays etrangères. Amtserdam. MDLXXXI. Русский перевод: Путешествие Стрюйса. „Русский Архив" 1880, т. I, стр. 5. (Главы, касающиеся России). Тоже: Астраханский Сборник, издаваемый Петровским О-вом исследователей Астраханского Края. Астрахань 1896, вып. I, стр. 103—143.—Перепечатка из „Русского Архива" глав, содержание которых имеет отношение к Астраханскому краю.

Stephanus Rasin donicus cosacus perduellis publicae disquisitioni exhibitus paraesidе Conrado Samuele Schurtzleich respondente Johanne Justo Martio. Wittenbergae. 1683. (Попов в „Истории возмущения Стеньки Разина" стр. 20 ссылается еще на издание 1674 г.).

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ.

* С. А. Адрианов. Русский социалист XVII века. (Стенька Разин), „Исторический Вестник", 1895, X.

Алтаев и Феличе. Атаман Степан Разин. Очерк Гиз П 1920.

М. Балабанов. История революционного движения в России от декабристов к 1905 г. Гос. Изд-во Украины. 1925, I гл.

* Ник. Василенко. Казаки. Новый Энц. Словарь Брокгауз-Ефрон, т. 20. 1914.

А. А. Гераклитов. История Саратовского Края в XVI—XVII вв. Саратов 1923. Гл. XIII. Стр. 244—264.

* В. Гиляровский. Как был казнен Стенька Разин? „Красная Нива", 1926, 20-е июня.

Древняя Российская Вивлиофика, изд. Н. Новиковым. М. 1791. Ч. XVIII.

Ежемесячные Сочинения и Известия о ученых делах Академии Наук. Спб. 1763, июль, стр. 23; октябрь, стр. 321—324; ноябрь, стр. 409—425.

Известие о бунте и о злодействиях донского казака Стеньки Разина, взятое из российского хронотрафа того-же время. „Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах Академии Наук", 1763, ноябрь, стр. 409—425.

* А. К. Кабанов. Разинцы в Нижегородском крае. Сборник статей в честь М. К. Любавского. Петроград. 1917. Стр. 413—428.

Его-же. Две версии осады Макарьевского Желтоводского монастыря разинцами в октябре 1670 г. „Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии", т. XVII, вып. 3, стр. 1—65.

* И. М. Катаев. Стенька Разин. М. 1915. Изд. 3-е стр. 3—48. Очерки по русской истории для школы и народного чтения.

К истории бунта Стеньки Разина в Заволжьи. С предисловием А. А. Голубева. „Чтения в О-ве Истории и Древностей Российских при Московском Университете", 1894, кн. III, стр. 3—23.

* В. Корсакова. Разин, Степан Тимофеевич. Русский Биографический словарь, т. „Притвиц-Рейс". 1910

Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина.

„Отечественные Записки, 1858“, кн. XI, стр. 289—346; кн. XII, стр. 531—586. Отдельн. Изд Спб. 1859 То же: Исторические Монографии и исследования Спб. 1863 г. Т. II.

* Б. Лебедев. Стенька Разин. Историческая библиотека. Изд. „Дело“ 1912 г. 96 стр.

Н. В. Разин (Степан Тимофеевич). Энциклопедический Словарь Брокгауз Ефрон, т. 51. 1899, стр. 159—164.

Наш Край. Историко-революцинный Сборник. Царицин. 1924. Стр. 15 и сл.

К. И. Невоструев Историческое обозрение Симбирска от первых времен до возведения его на степень губернскйго города. Симбирск. 1909. Изд. Симбирской Уч. Арх. Комиссии. Стр. 14—22.

П. В. Никольский. Отголоски бунта Разина в пределах нынешней Воронежской губернии. Воронеж. 1915, 9 стр.

Никольский. Народные движения. Разиновщина. Спб. 1911. Издание серии „Дешевая Библиотек“.

Описание Каспийского Моря. „Ежемесячные Сочинения и Известия о ученых делах Академии Наук“, 1763, июль, стр. 23, октябрь, стр. 321—324.

Осада Симбирска Стенькою Разиным в 1670 г. Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке на 1868. Симбирск, 1868. Стр. 265—269.

* О старинном Чертеже, изображающем выступление стрельцов в поход против Разина. Известия Археологичего О-ва, т. V, вып. 6. Спб. 1865, стр. 474—478.

* Проф. В. И. Пичета. История крестьянских волнений в России. Минск. 1923, Гл III, стр. 34—38.

Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. М. 1918. Т. II, ч. 2-я. Гл. III, стр. 231—234; (с портретом Разина.)

А. Н. Попов. Исторя возмущения Стеньки Разина. „Русская Беседа" 1857, I, стр. 47—104, II, стр. 19—90. То же, отдельн. изд. М. 1857.

С. И. Порьфирьев. Разиновщина в Казанском крае. Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казанскои Университете. Казань 1916, т. XXIX, вып. 5—6, стр. 289—366.

* Н. Радюкин. (Н. В. Шелгунов). Романтизм русский. „Дело", 1873, № 7—9. № 9, Гл. III стр. 32—38 Упоминания о Разине: стр. 29—30.

А. Ригельман. История или поветствование о донских казаках. „Чтения в О-ве Истории и Древностей Российских при Московском Университете", 1846, № 3, стр 58—71.

Rus. Разинский бунт. Нива. 1876 г. № 44, стр. 741—4; № 45, стр. 757—761.

Разин в Симбирске. Сообщ. Д. Садовников. „Русская Старина" 1876, IV, стр. 875.

А И. Соловьев. Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губ. Издание Симбирской Уч. Архивной Комиссии Симбирск. 1908. Стр. 3—49.

С. М. Соловьев. История России. Т. XI.

* Е. Д. Сташевский. Народные волнения в Московском государстве Русская История, ред М. В. Довнар-Запольского т. III. Киев. 1912 г.

С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Петербург, 1923. 132 стр. Изд. Брокгауз-Ефрон. Серия „Образы человечества".

* Его-же: Народные волнения при первых Романовых Ленинград 1924 г. Разиновщина — стр. 144—174. Изд. Россия и Запад в прошлом. Историческая Библиотека под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Е. В. Тарле.

Урало-Каспийский Край. Краеведческий Справочник по истории, экономике и быту русского

населения Уральского края 1927. О Разине в гл. XV: Участие казаков в революционных движениях Московского государства.

* М. Я. Феноменов. Разиновщина и Пугачевщина. Изд. „Новая Москва". М. 1922. Разиновщина — стр. 7—151.

Н. Н. Фирсов. Разиновщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни. Изд. Т-ва Вольф. 3-е изд М. 1920. (без изм. по сравнению с 1-м изд.).

Его-же. Народные движения в России до XIX в. Изд. Т-ва „Мир" М. 1924. Разиновщина — стр. 28—106.

* Влад. Фирсов. Кому пролетариат ставит памятники? Стенька Разин — вольный атаман. М. 1919. 46 стр.

* Н. В. Шелгунов. См. Радюкин, Н.

* Шефер. Вольный атаман Стенька Разин, предводитель крестьянского восстания. Изд. „Красная Новь". М. 1923. 52 стр.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ИССЛЕДОВАНИИ.

Алексей Михайлович (царь)—10, 44, 98, 103, 110.
Алексей (царевич)—44.
Алеша—142.
Алтаев—17.
Арефин, С. Я.—58, 120, 121.
Аристов, Н. Я.—10, 11, 12, 14, 18, 84, 102, 103, 110, 118, 123.

Барятинский, Ю., кн.—45.
Батыга—139.
Бессонов, П. А.—13, 14, 99, 103, 118.
Боярченковых, бр.—58, 60.
Бутлер, кап.—85.
Буш, В. В.—78, 90, 152.

Валуев, Д. А.—51.
Ванька Каин—128.
Василий Иванович—139.
Василий Никитич—128.
Вейнберг, П. И.—7, 9.
Веретенников, В. И.—5.
Веселовский, А. Н.—9, 125.
Владимир, кн.—137, 141, 142.
Вольга—63.

Галахов, А.—16.
Ганицкий—91.
Гарасим, казак—91, 92.
Гильфердинг, А. Ф.—137.
Гиляровский, В.—109.
Годунов—8.
Голицын, А., кн.—47.
Греков, В. Д.—47.
Грекулов, Е. Ф.—17.
Григорьев, А. Д.—78, 122.

Дашков, Ив., кн.—71.
Девка-астраханка, Маша, Машка—67, 68, 72, 75, 76, 77, 112, 113.
Desmares, С.—17.
Добрыня—142.
Догадин, А. А.—52, 58, 108
Драгоманов—21.

Евдокимов, Г.—37, 41, 54.
Ермак (Тимофеевич)—13, 23, 24, 51, 63, 126, 127, 129, 130-135, 139, 141, 142, 144, 151.
Ермила Романович—128.

Желабовский, И. А.—17.
Железнов, И. И.—51, 63, 120, 124.

Иван Грозный, Грозный, Иван Васильевич—7, 9, 10, 17, 50, 130, 131, 133, 139, 140, 151.
Иван Кольцо—131.
Иван Тимофеевич—123.
Илейка—138.
Илья Муромец—12, 13, 78, 86, 126, 135—138, 141, 142.

Кале, С.—8, 14, 15, 18.
Кашин, Д.—94—96, 98.
Калин-царь—131, 141.
Карамышев, Иван — 98, 100, 133—135.
Киреевский, П. В.—13, 74, 95, 99, 101, 109, 144, 145.
Кирша Данилов—13, 94, 96, 133.

Кленк, К.—48.
Костомаров, Н.—12—16, 23, 34, 84, 110, 142.
Кострюк Темрюкович—7, 139, 140.
Кохановская—122.
Кривой, Сережка, атаман—103, 104.
Крюкова, А. М.—123.

Листопадов, А. М.—30, 57, 58, 120, 121
Лопатин, Н. М.—118, 120
Львов, С., кн.—35, 40, 70, 73, 85.

Мадуев, А. С.—152.
Мамаишна, бабища—131, 141.
Мамай—141.
Манацков, Сенька—145.
Марков, А.—122, 123.
Матвеюшка Тимофеевич—128.
Менеды-хан—35.
Меншиков, кн.—99, 100, 101, 145.
Мигач—144.
Микита Тимофеевич—128.
Миллер, В. Ф.—3, 4, 7, 15, 16, 19, 22, 23, 25, 26, 49, 51, 52, 58, 60, 65, 66, 97, 101, 109, 122, 138.
Милославский, Ив.—45.
Михайло, сынок Ст. Разина—84, 148.
Мурашкин, Иван—129.
Мякутин, А. И.—52, 120, 121.
Мякушин, Н. Г.—124.
Мясоедова, В. А.—86.

Никитушка Васильевич—128.
Никитушка Романович—128.
Никон, патриарх—44.
Новиков, Н. И.—78.

Оксентьев, Григорий—104.

Пальчиков, Н.—66.
Петр I, Петр Алексеевич, Петр Великий, Петрушка—8, 17, 29, 48, 78, 86, 136, 138—140, 144.
Петр Федорович (царь)—138.
Пиксанов, Н. К.—4, 7. 16, 20.
Пичета, В. И.—16.
Плещеев,—72.
Полкан-богатырь—142.
Попов, А.—37, 41, 56, 70—72.
Потанюшка—139.
Прозоровский, С. И., кн.—36, 41, 55, 69, 70, 101, 102, 104.
Прокунин, В. Н.—120.
Пугачев, Емельян, Пугач, Пугач-Мигач—86, 138, 144.
Пушкин, А. С.—20.

Разин, Степан Тимофеевич, Степан, Степанушка, Стенька, Сенька—1—153.
Разин, Фрол—46, 58.
Репнин, кн.—94, 95, 145.
Репнин, Б. А., кн.—98, 101.
Репнин, Д. А., кн. 27, 97.
Репнин, И. Б., кн.—98, 99, 101.
Репнины, кн.—98, 99.
Романовы—39.
Рыбников, П. Н.—122, 127.
Рычков, атам.—144.

Сахаров, И. П.—13, 142.
Семенушка, сынок Ст. Разина—84.
Скопин-Шуйский, М. В., кн.—7, 8, 78.
Соболевский, А. И.—113, 120,—122.
Соколов, Ал.—71.
Соколов, Б. М.—5, 7, 16, 152.
Соколовы, бр.—78.
Сперанский, М. Н.—16.
Станкевич, А.—46, 47.
Строгановы, бр.—130.
Стрюйс (Stryiss), Иог. — 48, 84, 85.
Schurzfleich—48.

Терский, Ив.—41.
Трутовский,—64, 73, 78.
Тургенев, Тим. Вас.—41.
Тхоржевский, С. И.—16, 19, 34.

Улисс—8.
Ундольский, В. М.—129.
Унковский, Андр.—36, 56.
Урзамовна—133.
Урусов, кн.—45.
Ус, Васька—41.

Феличе—17.
Феноменов, М. Я.—16, 19.
Фирсов, В.—17, 19.
Фирсов, Н. Н.—16, 34.

Хилков, Ив. Андр., кн.—69, 103, 104, 106.

Черноярец, Ив.—71.
Чернышевский, Н. Г.—5.
Черняк—93.
Чулков, М. Д.—24, 52, 78, 94—96, 98, 101, 108, 110, 120.

Шамбинаго, К. С.—7, 16.
Шелудяк, Ф.—41.
Шишонко—122.
Шляпкин, И. А.—4.

Яковлев, Корнило (Корней), атам.—34, 40, 41, 45, 54, 84, 109, 110.
Яковлев, М. А.—7, 17—19, 84, 105, 110, 113, 123.
Якушкин,—121, 122.
Яцын, Ив.—106.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ПЕСЕННЫХ ТЕМ.

Цифры обозначают порядковые №№ песенных текстов данной книги (цифры без скобок).

Астраханский губернатор (*воевода*):—допрашивает сына Ст. Разина 2—10, 15, 16, 22—24, 26, 30, 31, 35, 52, 53, 57, 64, 75, 76, 82, 84, 88, 90—102, 104—106;—приказывает палить из пушек в суда Ст. Разина 25;—видит под'езжающие суда Разина 74;—грозит Ст. Разину пулями и ядрами 93;—умерщвлен казаками 27;—бурлаками 83;—умирает от угроз сынка Ст. Разина 36;—пугается угроз сынка 100, 102.

Бурлаки, молодчики заволжские, убивают астраханского губернатора 83.

Ванька Каин выбран есаулом 89.

Воля буйная, казацкая погубила доброго молодца, Степана Тимофеевича 12.

Воровские казаки плывут по Камышевке-реке 27;—убивают астраханского губернатора 27.

Воровской корабль: 18, 39, 40, 42, 59.

Воры-разбойнички пойманы: 13,

Высылка снаряжается из Астрахани: 72.

Два брата не ходят в войсковую канцелярию, а приглашают голь в походы: 62.

Два татарченка вызывают поединщика: 32.

Девица:—узнает о смерти своего милого по руке, которую несет птица камская 51;

красная девица на казачьем, судне плачет, — атаман ее утешает 38; — тоскует по своем милом, который оказался сыном Ст. Разина 65.

Девка-Астраханка: — научила Ст. Разина всему 29; — заманивает к себе Ст. Разина 80; — сокрушила Ст. Разина, может взять Ст. Разина 68.

Друзья—товарищи Ст. Разина все переловлены 33.

Казаки едут к царю с повинною 37; — грустят о погибшем Ст. Разине 69.

Лодка: — плывет по Волге, по синему морю Каспийскому 23, 38; — выкладка 82.

Молодец: — один не пойман; переправляется через тихий Дон, перед смертью просит похоронить себя между трех дорог 1; — видит недобрый сон 41; — один не пойман; просит прострелить грудь его белую 67; — покинут товарищами на острове 72; — добрый молодец Стенька Разин Тимофеевич не ходит во казачий круг 17; — не ходивший во казачий круг, пришел в него 40; добрый молодец (Степан Тимофеевич) сожалеет, что не слушался отца с матерью 12; — (сын Ст. Разина) на допросе у трех царей 28; — грозит трем царям появлением отца 28; дородной доброй молодец выходит на поединок с татарами 32; удалы добры молодцы (музурушки персидские) собираются для выборов атамана 45—47, 51, 77.

Петр Алексеевич (царь), *Петрушка* вызывает охотника биться за него 32, 35.

Птица Камская несет руку Ст. Разина со златым перстнем 54.

Разбойнички: — стояли на море; выбирают атамана 51; — сподвижнички Ст. Разина 21; — Стеньки Разина работнички 81, 111, 112; половлены 118; — схожа братия, ребята 89.

Робята, робятушки, проигравшись в карты, выплывают с Хвалынского моря 71.

С(т)енька Разин: — не боится пуль-пороху 29; — избавляется из тюрьмы чудесным образом 80; — плут, пойман и проклят миром 13; — просит похоронить его между трех дорог 20; — один не пойман; переправляется через Дунай-реку; умирает; товарищи хоронят его во Дунай-реке и расходятся по диким местам 11; — остался один 33, 48; переправляется через Дунай; просит похоронить его между трех дорог 85; — плывет (по Волге) выручать сына 2, 4—7, 10, 15, 19, 64, 75, 104, 120; — распрявляется с астраханским губернатором 3, 4, 7, 24; — выплывает из тюрьмы 23; плывет по Волге 53; — плывет с дружиной по Яику 113; — плывет по Яику и в'езжает в Гурьев город 60; — под'езжает к Астрахани 123; — грозит астраханскому губернатору 15, 64, 75, 78, 90, 92, 95, 101, 105, 110, 114, 121; — подплывает к Астрахани; не боится пушек 25, 68, 70, 80; — (Стенюшка) с казаками под'ежает к Астрахани; его узнают два офицера 55, 56; — под'езжает к Астрахани и умерщвляет

Черноярского воеводу 70;—под'езжает к Астрахани, чтобы никто не увидел 74;—разбирает тюрьму 99;—в кабаке (незнамушка угощает вином голь кабацкую 35;—купец, плывет в Астрахань к купеческой дочери 14;—воровской атаман 42, 50;—видит сон, предвещающий несчастье 39;—не ходит в войсковую канцелярию, а думает думу с голытьбою 58; -не ходит во казачий круг,—приглашает голь в Москву 73;—казак Гарасим 115;—часовой, ему 17 лет,—он пришел во казачий круг 18;--плывет с дружиною по Уралу 59;—(Степанушка) гуляет на море 103;—предлагает дружине выезжать с моря и затем делить добычу 79;—Ст. Разина не стало; товарищи его приуныли 43 (304б); —Степанушка Тимофеевич родится от благочестивой вдовы 37;—атаман,—помогает царю Ивану Васильевичу Казань—город взять 44.

Сын (*сынок*) *С(т)еньки Разина*:—переправляется через реку и просит похоронить себя между трех дорог 86;—приезжает свататься к дочери губернатора 91;—об,являет себя атаманом 107;—сын казака Гарасима, грозит скорым прибытием отца 115;—появляется в Астрахани и грозит воеводе приходом отца 109, 114, 121, 122;--Михайло подплывает к Астрахани 52, 57;—обманывает девицу; схвачен 64;—называет себя 123, 124;—появляется в Астрахани 43, 108, 126;—грозит губернатору 127; -ночует у своей милой а потому опаздывает в поход 125;—схвачен в Астрахани и об'являет свое имя 8, 16, 22--24, 30, 31, 52, 53, 82, 92, 94, 96, 97, 100, 102, 104—106, 119;—схвачен в Астрахани, об'являет свое имя и грозит появлением отца 2—7, 9, 10, 15, 26, 36, 57, 75, 76, 84, 88, 90, 93, 98, 99;—посажен в тюрьму 30;—выплывает из тюрьмы 23;—заходит в кабак 87, 105;--оказывается Петром Алексеевичем 35;—не идет под суд астраханскому губернатору 36, 87, 92.

Товарищи Ст. Разина:—переловлены 49;—хоронят его во Дунай-реке и расходятся по диким местам 11, 85.

Царская грамота об аресте Ст. Разина 103.

Царь Иван Васильевич хочет казнить Ст. Разина 44.

Черноярский воевода (астрах. губернатор): -- приказывает стрелять в Ст. Разина 70;—умерщвлен Ст. Разиным 70.

УКАЗАТЕЛЬ ГУБЕРНИЙ, ГДЕ ПРОИЗВЕДЕНЫ ЗАПИСИ ПЕСЕН.

Цифры обозначают порядковые №№ песен в данной книге.

Архангельская 1—5, 85.
Астраханская 58—63, 104, 112, 117—120.
Бессарабская 115.
Владимирская 64, 114.
Вологодская 10, 88.
Екатеринославская 116.
Енисейская 29—34, 91.
Западная Сибирь 27.
Калужская 67.
Костромская 90.
Московская 105, 106.
Новгородская 87.
Олонецкая 6—9.
Орловская 66, 108, 109.
Оренбургская 17—24.
Пермская 11—16, 89.
Самарская 51.
Саратовская 52—57, 99—103, 121—127.
Симбирская 44—50, 92—98.
Смоленская 68.
Тамбовская 65, 110.
Терская обл. 43.
Томская 28.
Тульская 107.
Уральская обл. 37—42.
Уфимская 25, 26.
Якутская обл. 35, 36.
Без указания на губернии 69—84, 86, 111, 113.

Содержание.

От автора . . . . . Стр 3 — 5

I. Общий обзор песен о Разине.

1. Изучение песен о Степане Разине и его итоги. Центр внимания ранних исследователей—определение степени историчности песен. Задача историка литературы. Литература о разинских песнях: Аристов, Костомаров, Бессонов, Кале, В Ф. Миллер, М. А. Яковлев. Н. К. Пиксанов. Цель настоящей работы. . . 7 —20

2. Географическое распространение песен о Разине. Важность освещения этого вопроса. Широта географического распространения песено Разине. Пять центров бытования песен: Поволжье Казачьи области. Центральные губернии. Север. Сибирь. Репертуар каждой из указанных областей. Причины его устойчивости . . . . . 21—32

3. Исторический фон песен о Разине; условия, способствовавшие возникновению и живучести их. Документальный материал для историчеческого комментария песен. Основные факразинского движения. Социально-экономическая рознь на Дону и ее последствия. Отражение разинского движения на всех общественных слоях тогдашней Руси. Иностранные материалы и сочинения о движении Разина. Личность героя. Творческая ассоциация, связывающая личность Разина с образами других героев, исторических и былинных. . . 33—50

II. Анализ песенных сюжетов. Стр.

1. **Песни об отношении Степана Разина к казачьему кругу.** Содержание. Исторические штрихи. Место, среда и время возникновения данного сюжета. Эволюция его. Песни о приходе Степана Разина во казачий круг — один из видов дальнейшей переработки песен о неприходе . . . . . 51— 64

2. **Песни о наезде Степана Разина на Астрахань.** Две группы песен о наезде. Содержание их. Эпизоды, входящие в его состав. Исторический фон. Мотивы чародейства Разина. Происхождение песен. Следы эволюции их . . . . . 65— 77

3. **Песни о сыне (сынке) Разина.** Их географическое распространение Содержание. Степень историчности. Композиция Первоначальный вид и текст Следы вырождения песен—утрата отдельных частей. Место, время и среда, в которой возникли песни о сынке. Песни о сынке на Украине Причины живучести песен о сынке . . . . . 78— 93

4. **Единичные записи разинских песен.** Песни об убийстве астраханского губернатора. Их историчность. Прикрепление к разинской эпохе. Песни времени персидского похода Разина. Песня о взятии Яика. Анализ ее. Некоторые выводы. Песня-плач о смерти Разина. Ее происхождение. Песня о грамоте с приказом захватить Разина. Песни о Разине с бытовой основой: Разин и женщины. Псевдонародные песни о Разине: раскаяние Разина. „Былина". . . . . 94—116

5. **Прикрепление анонимных казацко-разбойничьих песен к циклу разинских.** Песни молодцев, потерявших атамана. Их историче-

ская основа. Песни о девице, захваченной в плен удалыми молодцами Лиро-эпическая песня о смерти Разина. . . . . Стр. 117—125

6. **Следы контаминации сюжетов.** Разин и Ермак; взаимная близость героев. Песни о выборах атамана. Ермацкие элементы в разинских песнях: мотив принесения повинной царю; взятие Разиным Казани Следы влияния разинских песен на ермацкие. Взаимоотношения разинских песен и ермацких. Песни о Разине и былины: былина об Илье и голях и песня о сынке. Поединок. Былинные штрихи, в разинских песнях. Взаимоотношение разинских песен и былин. Казачья героическая песня. Элементы ее поэтики . . . . . 126—145

7. **Следы краевых особенностей в песнях о Разине.** Север. Поволжье, Сибирь, . . . 146—150

Заключение.

Место разинских песен среди произведений устной словесности Разинская песня—по преимуществу казачья. Разинская песня в настоящее время . . . . . 151—153

Приложения:

I) Тексты народных песен о Степане Разине. . . . . 155—255

1) Из сборника акад. В. Ф. Миллера . . . . . 157—224

2) Тексты невошедшие в сборник Миллера . . . . . 225—249

3) Тексты, вновь записанные. . . 250—255

Стр.

II. **Библиография:** 257—277

1) Текстов песен . . . . . 259—267
2) Историко-литературных изучений песен . . . . . 267—268
3) Легенд и преданий о Степане Разине 268-270
4) Исторических материалов и сочинений о Разине и разиновщине 270—277

III. **Указатель имен**, встречающихся в исследовании. . . . . 279—281

IV. **Указатель** песенных тем 281-283

V. **Указатель губерний**, где произведены записи песен 284

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ:
10	13 снизу	событию.	событию,
22	3 сн.	в хрестоматии	в собрании
26	10 сверху	в обшем	в общем
41	11 сн.	учесть	участь
45	5 сн.	Степена	Степана
47	3 сн.	Emqen	Emden
48	3 св.	Tchurzfleich	Schurzfleich
48	11 св.	denkwerdige	denkwuerdige
48	1 сн.	1812	1842
52	11 сн.	казацкою	кабацкою
59	8 сн.	современная	современна
60	13 сн.	по прозванию	По прозванию
78	3 сн.	тожэственно	тождественно
79	10 св.	См. М. № 278	Сб. М. № 278
88	1 сн.	Сб. М. № 286.	Сб. М. № 287
93	2 св.	губерньтору	губернатору
94	5 сн.	Репина	Репнина
96	18 св.	догадывает	догадывается
96	1 сн.	напечатанные	напечатанный
103	3 сн.	выплал	выплыл
104	16 св.	товарищи	товарища
104	11 сн.	события.	событиям.
104	8 сн.	изображоет	изображает
104	3 сн.	ясаула.	есаула.
107	16 сн.	казачей	казачьей
107	11 и 12 сн.	местом местом	местом
107	10 и 11 сн.	нача- начала	нача- ла
109	18 сн.	Событня	События
110	7 сн.	Царския грамота	Царская грамота
111	13 св.	не радошна	нерадошна
111	2 сн.	уменшительно ласка- тельных	уменьшительно-ласка- тельных
115	10 сн.	Песня—эта	Песня эта—
116	3 сн.	сюжеты	сюжеты,

Страница	Строка.	НАПЕЧАТАНО.	СЛЕДУЕТ:
117	18 сн.	противоречить	противоречит
117	4 сн.	Смерть	смерть
121	4 св.	звеном между здесь	звеном здесь
121	7 св.	солышку	солнышку
125	9 св.	несчастье	несчастье,
126	7 сн.	глубоко и различным	глубоко различным
127	2 св.	за зипу нами	за зипунами
128	15 сн.	Тексты 88 (5)	(Тексты 89 (5).
129	13 св.	содержать	содержат
129	13 сн.	Ртрогаановским	Строгановским
132	10 св.	Но, песня	Но песня
136	3 св.	молоцца	молодца
137	13 сн.	и кабаке	в кабаке
137	5 сн.	эффекно	эффектно
137	3 сн.	а рассматриваемом варианте	в рассматриваемом варианте
147	15 св.	губерниях богатых лесом	губерниях, богатых лесом
149	16 сн.	губернии,—на 70	губернии—на 70
152	7 св.	зарождения	зарожденная
152	1 сн.	Но, следует	Но следует

ЛИС 43/765

(8)

Київська ... бібліотека
Інв. № 530
1973 р.

Л
КЛ-2

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038878367